

МВ и ССО РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

Выпуск 6

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭЛЕМЕНТОВ ДИАЛЕКТИКИ

СВЕРДЛОВСК
1977

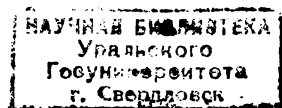
A57 К2

К243

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Уральского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета имени А. М. Горького

В очередном, шестом выпуске межвузовского сборника «Категории диалектики» публикуются статьи по теории диалектики, а также материалы семинара, проведенного в Свердловске Уральским отделением Философского общества СССР и Проблемным советом по материалистической диалектике МВ и ССО РСФСР 23—24 апреля 1976 г. Обсуждаются пути дальнейшей разработки материалистической диалектики как целостной системы принципов, категорий и законов.

Редакционная коллегия: И. Я. Лойфман (отв. ред.), Д. А. Гущин (зам. отв. ред.), В. В. Ким, В. И. Плотников, Л. П. Туркин.

840574

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Диалектика как система знания

И. Я. Лойфман. Ленинские принципы развития теории диалектики	5
Л. П. Туркин. Единство теории материалистической диалектики	10
В. В. Орлов. Абстрактная и «конкретная» программы построения системы категорий диалектического материализма	13
Т. П. Фокина. Диалектика как предмет социологического исследования	18
В. Н. Ярская. О развертывании системы диалектики	22
А. А. Корольков. Проблема исторического изменения диалектики как логики	25
И. С. Нарский. Проблема единства диалектики, логики и теории познания и ее значение для развития диалектики	28
П. П. Чупин. Материалистическая диалектика и методология науки	33

Раздел 2. Взаимосвязь принципов диалектики

С. Е. Зак. Система принципов материалистической диалектики	38✓
Н. Н. Щукин. Специфика принципов как элементов диалектики	40✓
Б. С. Галимов. К вопросу о систематизации принципов диалектики	43✓
Р. Л. Лившиц. К вопросу о субординации принципов научного познания	46
В. А. Киселев. Принцип объективности в диалектике	50
В. И. Свидерский. Об объективной основе взаимной связи принципов диалектики	53✓
В. И. Плотников. Принцип развития в диалектике	55✓
В. П. Кохановский. Историзм как принцип диалектической логики	60✓
Л. Н. Ляхова. Соотношение принципов развития и единства мира	66✓
Д. А. Гущин. Об объективном содержании принципа развития	71
Л. А. Соломонова. О методологической функции принципа единства мира в теории развития	74
В. В. Байлук. Принцип связи и принцип детерминизма	79

Раздел 3. Взаимосвязь категорий диалектики

В. В. Ильин, А. С. Кармин. О природе философских категорий	83✓
И. И. Субботин. Основные этапы вывода категорий	89
В. И. Ефимов. Выведение и методологическое функционирование философских категорий	93✓
Д. В. Пивоваров. Операциональный аспект взаимосвязи категорий диалектики	97
В. С. Лутай. О содержательном выведении знаний	99
Г. А. Чупина. О языковом подходе к категориям диалектики	103
О. В. Маслиева. История языка как источник исследования категорий диалектики	106✓
В. В. Ким. Тожество и единство в структуре диалектического противоречия	108

В. И. Суханов. О системе понятий, характеризующих категорию «диалектическое противоречие»	111
А. Я. Райбекас. Отношение, связь, взаимодействие	115
Б. Ф. Кевбрин. Категория «состояние» и ее философское содержание	120
В. П. Огородников. Соотношение необходимости и случайности	123
Л. Ф. Рыбко. Переход от случайности к необходимости	125
Ю. А. Харин. О принципах разработки категорий социальной диалектики	128
Н. Г. Магомедов. О взаимосвязи категорий диалектики в методологии социального познания	131

Раздел 4. Элементы диалектики в историко-философском освещении

Л. М. Семашко. Связь и единство противоположностей в диалектике Платона	136
И. Б. Баев. Генезис категориальной системы «объективной» логики Гегеля	139
В. Н. Николко. «Субъективная» логика Гегеля как развитие аристотелевской логики	143
В. И. Ермаков. Логика самообоснования Р. Хайсса	147
В. О. Лобовиков. Фальсификация Ж.-П. Сартром и К. Поппером статуса противоречия в диалектике	149
А. М. Израилевский. «Синтез» истории и логики в структурализме К. Леви-Стросса	151
Л. Ф. Ослоповских. Синтетическое единство противоположностей в «реальной диалектике» Г. Вейна	153
К. Н. Любутин. Практика, принцип развития и критика антропологической фальсификации диалектики	156

И. Я. ЛОЙФМАН

ЛЕНИНСКИЕ ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

Среди задач, поставленных перед философами-марксистами современной наукой и практикой коммунистического преобразования мира, одной из наиболее важных является развитие материалистической диалектики как общеполитической концепции действительности и универсального метода познания и практического действия. Исследования в данной области успешно ведутся вот уже более полувека на базе широкой программы, которую наметил В. И. Ленин в «Философских тетрадах», в статье «О значении воинствующего материализма» и в ряде других трудов. Некоторые итоги реализации этой программы подведены в работах «История марксистской диалектики. Ленинский этап» (М., 1973) и «Теоретическое наследие В. И. Ленина и современная философская наука» (М., 1974). Не касаясь здесь научных трудов по истории диалектики, а также исследований по диалектике природы, общественного развития, научного познания, художественного отражения действительности и т. д., необходимо отметить плодотворную разработку общей теории диалектики в трудах В. С. Библера, В. П. Бранского, Б. М. Кедрова, П. В. Копнина, М. М. Розенталя, М. Н. Руткевича, В. Н. Сагатовского, В. И. Свидерского, В. П. Тугаринова, А. П. Шептулина и др., а также в специальных серийных изданиях «Проблемы диалектики» (Ленинградский университет им. А. А. Жданова) и «Категории диалектики» (Уральский университет им. А. М. Горького).

Вместе с тем, как указано в редакционной статье газеты «Правда» «Высокий долг советских философов», до сих пор не подготовлены капитальные труды по теории материалистической диалектики¹. В немалой степени это обусловлено тем, что в нашей философской литературе (научной и учебной) представлены различные мнения по поводу того, как разрабатывать диалектику. Одни авторы подчеркивают, что диалектику нужно разрабатывать как теорию мышления и деятельности, другие — как теорию объективного мира; соответственно, основа развертывания теории диалектики усматривается в закономерностях мышления и деятельности или же в закономерностях объективного мира; к исходным категориям

¹ См.: «Правда», 1975, 19 сентября.

диалектики одни авторы относят чистое бытие, другие — структуру, третьи — развитие, четвертые — деятельность и т. д. Понятно, что то или иное решение указанных проблем неотделимо от определенной трактовки предмета диалектики, ее сущности и структуры. Вот почему столь важно адекватное осмысление ленинской трактовки этих узловых проблем теории диалектики и строгое следование ленинским принципам развития диалектики.

Развертывая ленинское требование о разработке диалектики как научной системы, необходимо определить, **что** в диалектике как научной теории подлежит развитию, в каком направлении следует развивать теорию диалектики, какими средствами должно осуществляться это развитие. Необходимо, следовательно, выделить программные идеи В. И. Ленина относительно предмета, сущности и структуры теории диалектики. При этом здесь и далее под теорией диалектики мы понимаем конкретно-историческое содержание диалектики, развернутое в логически обоснованную систему.

Прежде всего, согласно В. И. Ленину, необходимо **разрабатывать диалектику как материалистическую теорию в единстве ее онтологического, гносеологического и логического аспектов**. Характеризуя содержание диалектики, В. И. Ленин противопоставил гегелевскому отождествлению бытия с мышлением, которое препятствовало разработке диалектики как концепции действительности, материалистическое решение основного вопроса философии. В основу своей программы В. И. Ленин положил идею единства мышления и бытия, которая конкретизировалась им в целом ряде принципов: единства объективной и субъективной диалектики на базе отражения, единства теории и практики, единства диалектики, логики и теории познания.

Собственным предметом диалектики является связь, движение и развитие в природе, человеческом обществе и познании, причем в онтологическом аспекте теория диалектики выступает как система знания о всеобщих формах и закономерностях связи, движения и развития, в гносеологическом аспекте — как система познания всеобщих форм и закономерностей связи, движения и развития, в логическом аспекте — как система мышления, осознания связи, движения и развития в их наиболее общих формах и закономерностях. Разработку диалектики как материалистической теории в единстве указанных аспектов нужно вести одновременно и как наступательную борьбу против буржуазной философии и ревизионизма, против идеалистического отрицания объективной диалектики, ограничения предметной области диалектики сферой мышления, духа или деятельности субъекта, против различных форм субъективизации диалектики.

Следует сказать, что в нашей философской литературе встречается неадекватная трактовка единства онтологического, гносеологического и логического аспектов диалектики, имеют место крайности в виде гносеологизма и онтологизма: в теории диалектики в

одном случае движение мышления отождествляется с движением природы, в другом — движение природы отрывается от движения мышления, познающего природу. Указанные крайности проявляются также в различном подходе к решению вопроса об источниках разработки теории диалектики. Подчас такого рода источником считают по преимуществу историю философии или же главную роль отводят естественным наукам. В. И. Ленин был далек от такого рода крайностей. Он подчеркивал, что базой развития материалистической диалектики должны послужить и история человеческого познания во всем ее объеме, и обобщение новейших достижений конкретных наук, и изучение социального развития в современную историческую эпоху, в особенности теоретическое осмысление опыта строительства социализма и коммунизма.

Другим существенным моментом ленинской программы исследований по диалектике является требование **разрабатывать диалектику как теорию противоречий связи, движения и развития.** В единстве и «борьбе» (отрицании) противоположностей В. И. Ленин, как известно, видел суть, ядро материалистической диалектики. Выделив принцип противоречивости всего сущего как движущее «начало» диалектики и указав на необходимость совмещения принципа всеобщей связи и принципа развития, В. И. Ленин высказал мысль, что любой из принципов диалектики должен рассматриваться в свете всех других принципов. Нельзя понять самодвижение и саморазвитие вещей и явлений, их внутренние связи, их взаимопереходы, если не вскрыть их противоречивость, и, с другой стороны, многообразная противоречивость вещей и явлений не может быть раскрыта вне их взаимосвязи, движения и развития. Ленинская идея взаимопроникновения принципов диалектики, выражающая единство предметных аспектов диалектики и вместе с тем внутреннее единство теории диалектики, имеет программный характер. Она означает, что возможны различные варианты развертывания теории диалектики — и как философской концепции связи и организации, и как философской концепции развития, и как философской концепции функционирования и движения. В различных структурных вариантах диалектики специфически проявляется сущность диалектики и реализуется практическое назначение диалектики. Эта функциональная многогранность диалектики и богатство ее содержания утрачиваются во всякого рода попытках свести диалектику к теории структур, к теории функционирования, «структуриализовать» диалектику и т. п.

Разрабатывая диалектику как теорию противоречий связи, движения и развития, нужно вести наступательную борьбу против буржуазной философии и ревизионизма, фальсифицирующих статус противоречия в диалектике, дающих одностороннюю идеалистическую трактовку принципов диалектики и соотношения этих принципов, не способных понять связь, движение и развитие как тождество противоположностей.

Важнейшим пунктом ленинской программы исследований по

диалектике является **разработка диалектики как логически обоснованной системы элементов разного порядка**. Понятие «элемент диалектики» характеризует у В. И. Ленина принципы, категориальные пары и законы диалектики как ее структурные единицы, относительно неделимые части или аспекты. Из соотносительности понятий «элемент» и «система» следует, что логическая система диалектики может быть развернута как система принципов, система категорий и система законов. Ряд «принципы — категории (категориальные пары) — законы» можно считать рядом восхождения от абстрактного к конкретному. Действительно, содержание принципов диалектики конкретизируется в целой системе категорий; в свою очередь, каждая пара полярных категорий диалектики может быть развернута в целой серии законов. Поэтому наиболее конкретным уровнем развертывания содержания диалектики является уровень ее законов. Таким образом, идея разнорядковости элементов диалектики и их связей, наряду с идеями единства мышления и бытия, взаимопроникновения принципов диалектики, определяет одно из направлений разработки теории диалектики. Данная идея предполагает поэтапное развертывание теории диалектики как системы принципов, системы категорий и системы законов, основанное, как подчеркивал В. И. Ленин, на единстве анализа и синтеза, абстрактного и конкретного, исторического и логического, истории диалектики и ее теории.

Так, развертывание диалектики как концепции связи на уровне системы категорий есть последовательное углубление в сущность изучаемого объекта (связь), выраженное в определенной последовательности категорий, а именно в развивающейся из определенного начала системе категорий. Начало диалектической системы — это категориальная пара (или категориальная структура), которая фиксирует центральную проблему исследования и логически не выводится. Это начало наиболее абстрактно выражает специфику изучаемого объекта, его самое простое, постоянно встречающееся отношение, наиболее общее противоречие (таковым для связи является противоречие тождества и различия). В ходе логического развития абстрактное начало системы (ее исходное противоречие) получает все новые и новые определения, т. е. конкретизируется и развертывается в определенном порядке². Последний воспроизводит в сокращенном и обобщенном виде историю познания объекта. Вот почему В. И. Ленин столь большое значение придавал диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники, истории идей «связи всего», самодвижения, развития. «История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий Логики — voilà ce qu'il faut!» (вот что нужно!)³. Следует специально подчеркнуть, что в данном случае история мысли, исследование конкретно-исторического содержания и мето-

² См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. 2, с. 567.

³ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, с. 159.

дологических функций диалектики — не самоцель, а средство построения теории диалектики. Очень точно такое соотношение определял Н. Г. Чернышевский: «Без истории предмета нет теории предмета, но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах»⁴.

Выше был указан путь, который ведет к возникновению логически обоснованной, логически выведенной системы категорий. Вообще же в теории диалектики вывести категорию — это значит определить ее место в логической системе диалектики, т. е. определить связь данной категории с ядром, принципами диалектики (раскрыть ее антиномичность в аспекте связи, функционирования или развития), установить отношение данной категории к другим, вскрыть закон, который отражается в отношениях между категориями.

Выявлению систематических связей между элементами диалектики посвящены многие исследования советских философов. Но здесь имеется и ряд малоизученных вопросов. Так, недостаточно исследована внутренняя связь законов диалектики. Даже основные законы диалектики рассматриваются как рядоположенные, но не как элементы единой системы, что обедняет понимание каждого закона. Недостаточно разработана связь между элементами диалектики разного порядка. Более того, имеются расхождения в определении уровня абстрактности самих элементов. В глубоком исследовании нуждается связь между принципами и категориями диалектики, причем нужно иметь в виду, что проблема категориальной интерпретации методологических принципов стоит остро и в частных науках. Много еще спорного и неясного в нашей литературе в понимании проблемы вывода, определения элементов диалектики. Нужно исследовать правила анализа и синтеза элементов диалектики, установления взаимосвязи между ними, способы логической организации диалектики как системы знания, имея в виду, что специфика диалектики как научной теории исключает здесь чисто индуктивный или чисто дедуктивный подходы. Подчеркивая эту специфику логической системы диалектики, нужно одновременно вести наступательную борьбу против буржуазной философии и ревизионизма, стремящихся противопоставить философию и науку, диалектику и логику.

В заключение нельзя не отметить, что эффективная разработка теории диалектики по ленинской программе органически связана с партийно-классовым применением диалектики для решения мировоззренческих и методологических проблем современности. «Очевидно, что задачи, стоящие перед нашей общественной наукой, — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, — могут быть решены лишь при условии самой тесной ее связи с жизнью. Схоластическое теоретизирование может лишь тормозить

⁴ Н. Г. Чернышевский. Избр. филос. соч., т. 1. М., 1956, с. 303.

наше движение вперед. Только связь с практикой может поднять эффективность науки, а это сегодня — одна из центральных проблем»⁵.

Л. П. ТУРКИН

ЕДИНСТВО ТЕОРИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Как и всякая теория, диалектика — единое и вместе с тем внутренне организованное целое. Организация предполагает наличие элементов и связей между ними. Абсолютных элементов не бывает, любой субстрат элементарен лишь как простейший носитель определенного системного качества, определенной специфической функции. Изучение качественно разных функций теории диалектики заставляет выделить разные уровни организации и, соответственно, элементы разного порядка. Это — уровень принципов, уровень законов и уровень категорий. Каждый из них отвечает за свою, специфическую функцию всей теории в целом.

При рассмотрении диалектики как системы законов на первый план выдвигается статус ее в качестве **научно-теоретического** знания, что связано с логической формой закона как суждения всеобщности и необходимости. В каждом суждении-заcone выражено некое синтетическое знание, не редуцируемое к знанию, выраженному всей совокупностью других законов. На уровне законов выявляется, что нового сообщает нам об объекте теория диалектики по сравнению с эмпирическими ее основаниями (конкретнонаучное знание, исторический опыт рабочего класса, знание о мире, выраженное в художественной форме, и др.).

Главная функция категорий как элементов диалектики — упорядочение в пределах эмпирического базиса теории диалектики. С их помощью осуществляется классификация и, далее, систематизация всего выработанного человечеством знания, эмпирического по отношению к теории диалектики. Всякое знание, эмпирическое по происхождению, отлито в категориальную форму. Категории, взятые в своей взаимной связи, дают предельно общий образ материального мира, в контексте которого существует любое другое, менее общее знание. Категориальная форма знания сама есть всеобщее содержательное знание о мире, относительно самостоятельное в сравнении с отлитым в эту форму особым, конкретнонаучным знанием. Но в конечном счете общее не существует вне особенного, и разговор о категориях был бы беспредметен без обращения к тому конкретному эмпирическому материалу, который они упорядочивают.

С другой стороны, категории неразрывны с названным ранее

⁵ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 73.

уровнем организации — уровнем законов. Категории как понятия суть средство формулировки законов, а законы — суждения, в которых дано соотношение категорий. Категориальный уровень сам по себе, если не рассматривать закономерную связь между категориями, — как бы переходный между собственно теорией диалектики и ее эмпирическим основанием. Вот почему понятия — «прообразы» категорий стихийно возникают еще до сознательной разработки диалектики как теории и выражаются соответствующими терминами естественного языка.

Следующий уровень организации — уровень принципов. Принцип — более крупный, нежели закон или категория, компонент теории. Принципы элементарны в качестве неделимых далее составных частей **мировоззрения**. Каждый **элемент научного мировоззрения** — это предельно общий гносеологический образ материального мира в целом, всей материи. Образ материального мира в целом, всей материи сложен, в каких-то пределах он делим. Предел деления, за которым исчезает статус образа всего материального мира, есть принцип диалектики. Каждый ее принцип — всеобщей связи, неисчерпаемости материи, детерминизма, развития и др. — сообщает нечто всеобщее, характеризует всю материю, весь материальный мир. Этим обусловлено то, что каждый принцип является общеметодологическим средством подхода к исследованию любого научного вопроса.

Наконец, вся теория диалектики обладает целостностью и как таковая имеет системное качество. На этом уровне организации на первый план выдвигается **идеологическая** направленность диалектики. Только коммунистическая партийность побуждает к максимально всестороннему отражению действительности на уровне всеобщего, к выработке богатых, не обделенных содержанием концепций. Диалектическая концепция (связи, развития, детерминизма и др.) противостоит концепциям односторонним, следовательно, антидиалектическим, метафизическим.

Все перечисленные уровни организации не существуют порознь. Нет категорий вне того эмпирического материала, который они систематизируют. Нет законов вне раскрывающих их категорий. Нет принципов вне соответствующих им законов и категорий. И наконец, нет теории без ее принципов. Единство теории диалектики реализуется, таким образом, как бы «по вертикали», т. е. через взаимопроникновение всех уровней ее организации. Каждый данный принцип диалектики разворачивается через соответствующие ему категории, через существующие в его контексте законы.

Взаимообусловленность, единство принципа, категории, закона, будучи важным интегрирующим фактором, не является, однако, фактором единственным. Его недостаточно для объяснения единства **разных** принципов диалектики, интегрированных в одну теорию. Назовем важнейшие факторы, реализующие интеграцию различных принципов в единую теорию.

1. Категория «материя» как центральная в диалектике. Все со-

держание теории диалектики — развернутое выражение понятия «материя». Диалектика — это учение о всеобщих признаках, «свойствах» материи, о ее «атрибутах». Монизм теории диалектики не является каким-то особым в сравнении с материалистическим монизмом, нет первого вне второго.

2. Закон единства и «борьбы» противоположностей как ядро диалектики. Материя внутренне противоречива, и диалектика раскрывает, каковы ее всеобщие противоречия, как они взаимодействуют. Идея противоречивости материи представляет собой один из принципов диалектики. Но по сравнению с другими этот принцип оказывает особо глубокое воздействие на иные уровни организации. Каждая подлинно всеобщая категория существует лишь через отношение к своей диалектической противоположности, а закон диалектики существует в простейшем случае в форме отношения внутри категориальной пары. Вот почему диалектика — это учение о внутренне присущих материи всеобщих противоречиях, о том, каковы эти противоречия.

3. Объективное единство, цельность материального мира предопределяет взаимопроникновение отображающих его с разных сторон принципов теории. Для выражения данного обстоятельства естественно использовать понятие «концепция». Диалектическая концепция, в противоположность метафизической, предполагает раскрытие одного принципа в свете **всех** других, а не некоторых. Максимально возможная **всесторонность** отличает в каждую данную эпоху диалектическую концепцию от антидиалектической. Один и тот же принцип может приобрести разную идеологическую направленность в зависимости от того, в какой степени учитываются при его развертывании иные принципы теории.

4. Каждый принцип, взятый в свете всех других, должен быть развернут методом восхождения от абстрактного к конкретному. Совокупность положений диалектики есть последовательная конкретизация понятия «материя», закона единства и «борьбы» противоположностей, понятия связи и др. Все положения диалектики (принципы, законы, категории) равнообъемны и все в равной степени абстрактны, будучи взяты по отдельности. Но взятые вместе, они «выстраиваются» в цепочку восхождения от абстрактного к конкретному. Последовательность положений может варьироваться, важна лишь окончательная взаимная конкретизация. На каждой ступени рассуждений воспроизводится в новом аспекте весь объект в целом и не остается ничего третьего. Здесь нет перехода от одной части к другой, нет изменений в объеме идеи. Таким образом, данный метод — важнейшее средство реализации требования монистичности теории.

5. Единство теории диалектики реализуется благодаря логической взаимозависимости ее положений. Нет теории как единой системы знания вне **умозаключения**. Вся совокупность суждений теории логически связана, образуя «круг», где каждое суждение и обосновано иными, и само, в свою очередь, служит их обоснова-

нию. Данный «круг» не абсолютен. И каждое отдельное его звено, и весь он в целом опирается на эмпирические основания теории. Вне фактического материала нет полного обоснования теории. Однако последний не проецируется прямо на «плоскость» теории, а преобразуется в соответствии с внутренней ее логикой. Простой ссылки на эмпирические данные не может быть достаточно для обоснования теоретических положений. Но, с другой стороны, для их обоснования недостаточно и чисто логических рассуждений, опирающихся на иные положения теории. Переход от одних положений теории к другим, без эмпирического подкрепления, был бы неоднозначным. Окончательный вывод формулируется при использовании как умозаключения, так и эмпирического обоснования.

В целом суждение и умозаключение, констатация и выведение, знание непосредственное и знание опосредованное находятся в диалектическом единстве при ведущей роли констатации как непосредственного (по механизму обоснования) знания.

Итак, для выражения единства теории диалектики требуется учесть многоуровневую организацию этой теории и все конкретное многообразие интегрирующих факторов.

В. В. ОРЛОВ

АБСТРАКТНАЯ И «КОНКРЕТНАЯ» ПРОГРАММЫ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Создание развернутой системы категорий диалектического материализма, т. е. марксистской «логики с большой буквы» (Ленин), является наиболее крупной задачей марксистско-ленинской философии. Интенсивные исследования, осуществляемые в этом направлении, привели к созданию в советской философской науке около двух десятков программ построения такой системы. В настоящее время назрела необходимость подведения некоторых итогов этих исследований, выяснения основных черт предложенных программ. Основным результатом исследований является, как нам представляется, выяснение различных сторон соотношения основных категорий диалектического материализма при выборе различных преимущественных углов зрения, под которыми развертывается последовательность категорий диалектики или диалектического материализма в целом. Не вдаваясь в специальный разбор предложенных программ, остановимся лишь на некоторых основных, с нашей точки зрения, их недостатках, не позволяющих вплотную подойти к решению задачи построения системы категорий диалектического материализма.

Основная особенность предложенных программ заключается, на наш взгляд, в их чрезмерной абстрактности: в центре внимания находится «развитие вообще», а не то, **что** развивается. Разумеется,

во всех случаях одним из важнейших исходных пунктов является признание связи развития с материей, однако фактически в предложенных программах развертывается идея развития с ее абстрактных сторон, в то время как понятие материи сохраняет свой **общий и нерасчлененный** вид и мало что приобретает в результате такого развертывания идеи развития в ее абстрактных определениях. Характерным выражением такого подхода является применение понятия развития в **равной мере и в равном себе содержании** как к самым частным, так и к самым крупным областям действительности, процессам и событиям. В основе такого рассмотрения развития нет **единого масштаба** реальных предметов, явлений и процессов, ибо процесс развития в одинаковой мере иллюстрируется как изменением единичного предмета, так и, например, социальным прогрессом в целом.

Не делая основного упора на понятии материи, которая развертывает свое богатство в процессе развития, такие изложения диалектики получают недостаточно содержательный характер.

Вторым серьезным недостатком предложенных программ является чрезмерная расчлененность принципов, законов, категорий диалектики; их изложение имеет во многом атомистический, фрагментарный характер. В процессе познания необходимо происходит расчленение целостной действительности, ибо мышление всегда есть **последовательность** понятий. Поэтому стороны действительности, существующие одновременно, в теории должны быть изложены последовательно. Однако теоретическое изложение должно представлять собой не только анализ (последовательность), но в конечном счете такой синтез, который позволит представить действительность как целое. Законы диалектики в реальном мире действуют одновременно, в то время как в существующих построениях диалектики они излагаются один после другого, а одновременность их действия скорее декларируется или утверждается в общем виде, а не раскрывается и доказывается. Необходимо, следовательно, обнаружить такую последовательность изложения диалектического материализма, в которой законы диалектики могли быть представлены как сосуществующие в едином закономерном процессе развития.

Характерным примером фрагментированного изложения категорий диалектики является схема, предложенная В. П. Бранским, В. В. Ильиным, А. С. Карминым на основе «атрибутивной концепции» материи¹. Включая ряд интересных и ценных моментов, эта программа вводит такой принцип построения системы категорий, в котором, на наш взгляд, анализ, фрагментация преобладает над синтезом. Начиная с понятия материи или материального объекта (соотношение этих понятий достаточно определено авторами не

¹ В. П. Бранский, В. В. Ильин, А. С. Кармин. Диалектическое понимание материи и его методологическая роль.— В сб.: Методологические аспекты материалистической диалектики. Л., 1974.

выясняется), авторы расчленяют совокупность категорий и законов диалектического материализма на две последовательные группы, первая из которых относится ими к явлению, а вторая — к сущности. «**Явление**» с этой точки зрения включает в себя качество — количество — меру, пространство — время, движение — развитие; «**сущность**» — закон, действительность — возможность, случайность — необходимость, причинность — взаимодействие. Расчленение категорий на основе понятий явления и сущности авторами не обосновывается и имеет, на наш взгляд, искусственный характер. Нет никаких оснований относить пространство, время, движение и развитие, качество, количество и меру к явлению, ибо они в большей мере затрагивают сущность действительности. Авторы совершенно необоснованно относят к области явления закон перехода количества в качество (а вместе с ним, очевидно, и закон социальной революции), а также, по существу, и закон отрицания отрицания².

Преобладание анализа над синтезом в рассматриваемой программе выразилось также в том, что разложение материи или материального объекта на явление и сущность не завершается далее синтезом, в результате которого было бы получено более сложное и целостное понятие о действительности.

Существенным недостатком предложенных программ является, на наш взгляд, отсутствие хорошо обоснованного и «работающего» принципа целостности системы категорий. Как известно, в философии Гегеля таким принципом является схема отрицания отрицания, совмещающая в себе как идею поступательного движения, так и идею повторяемости (круга). Однако в конечном счете гегелевская система приходила к логическому кругу, поскольку идея развития в философии Гегеля была повернута в прошлое. Для построения марксистской «логики с большой буквы» должен быть найден некоторый общий принцип целостности, включающий идею бесконечного развития системы философских знаний.

В существующих программах не найдено пока решение вопроса о «начале» и «конце» философской системы, имеющего, несомненно, ключевое значение. Целостность системы категорий означает, что эта система начинается с такого момента, который в определенной мере предопределяет дальнейшее развертывание категорий и, следовательно, «конец» изложения теории, ее результат. «Первое начало», — писал Ленин, — забыто и извращено идеализмом. *А диалектический материализм один связал «начало» с продолжением и концом*³.

Наконец, крупным и, возможно, обобщающим недостатком предложенных программ является отсутствие содержательной идеи, которая указывала бы основной смысл системы категорий

² Там же, с. 36—38.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 264.

и определяла бы развертывание категорий в целостную и закономерную последовательность.

В свете сказанного можно сформулировать некоторые принципы построения развернутой системы категорий диалектического материализма.

1. Система категорий должна органически объединять концепции **материализма** и **диалектики**. Построение системы категорий диалектики как таковой имеет определенное право на существование, однако будет иметь всегда ограниченное значение и абстрактный характер.

2. Система категорий должна представлять собой **единство концепций материального мира (онтологии) и концепции его познания (гносеологии)** при неприменимом **первенстве** или примате концепции материального мира, т. е. **мировоззрения** в собственном смысле слова, из которого, согласно духу материализма, «выводится» и объясняется концепция познания мира.

3. Система категорий должна являться не теорией «развития вообще», а **теорией развивающейся материи**. Ее основой должна выступать развертывающаяся во всем богатстве ее определений концепция материи.

4. Категории диалектического материализма должны быть сгруппированы в какие-то «узлы» или **основные концепции**, определяющие основную логику построения целостной системы категорий.

5. В основу развертывающейся системы категорий должна быть положена некоторая широкая и содержательная идея, обобщающая основные принципы построения этой системы. Такая идея была по существу выдвинута Энгельсом во Введении к «Диалектике природы»: **мир есть развивающаяся материя, закономерно («с железной необходимостью») порождающая свой «высший цвет» — человека** (мыслящие существа вообще), **в котором она «приходит к осознанию самой себя»**⁴. Эта идея в наиболее общем виде выражает три основные концепции диалектического материализма — **материи, развития и человека** в их единстве и взаимопереходах. В предложенной основной систематизирующей идее выражено понимание мира как закономерно развивающейся материи, с необходимостью приводящей к появлению человека как закономерного продукта развития материального мира в целом. Человек, общество (рассматриваемые как «тип», а не только как земной человек или общество) выводятся таким образом из материального мира как целого, теоретически «строятся» из материального мира в соответствии с тем, как этот мир реально «построил» или создал человека из своего материального многообразия. Теоретически вывод человека из «самой природы материи»⁵, диалектический материализм получает возможность определить закономерное место человека в мире, отбросив как механические концеп-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 357, 363.

⁵ Там же, с. 523—524.

ции «случайности» человека, так и телеологические концепции развития природы к человеку как цели, заложенной в духовной основе мира. На этой теоретической основе научная философия выясняет сущность и бесконечные возможности материально-практической и познавательной деятельности человека, сущность социального прогресса. Принцип познаваемости мира получает свое принципиальное объяснение, поскольку выводится из внутреннего содержания материи и ее развития.

С изложенной точки зрения система категорий диалектического материализма получает относительно «замкнутый», т. е. целостный характер, ибо идея материального мира, закономерно порождающего способного к познанию этого мира человека, логично приводит к своему собственному объяснению. Включая принцип целостности, эта идея оставляет систему способной к неограниченному развитию в том смысле, что концепции материи, развития и человека могут бесконечно развиваться на основе данных науки и практики, сохраняя в то же время свое начальное **наиболее общее и принципиальное содержание и взаимосвязь.**

Из предложенной систематизирующей идеи следует, далее, что искомая система категорий должна иметь, по-видимому, трехчастный характер в соответствии с тремя основными концепциями диалектического материализма⁶. Первая ее часть может быть условно названа «Материя» и должна содержать в себе выведение понятия материи через посредство всех основных категорий диалектического материализма. Началом этой части, а вместе с ней и всей системы категорий, должно служить, по нашему мнению, понятие **предмета** (вещи). Вторая часть системы, условно названная «Развитие», должна представлять собой описание развития материи как всеобщего, проходящего бесконечный ряд основных форм (ступеней) развития и закономерно порождающего человека (общество). Понятие материи как всеобщего, полученное в результате его выведения в первой части, выступает теперь в качестве основного объяснительного понятия второй части. Третья часть, условно названная «Человек (общество)», должна заключать в себе описание и объяснение сущности человека (общества) как материально-практического существа, способного к бесконечному познанию мира. В системе категорий, таким образом, должна быть выражена «точка зрения» человека. Итогом системы категорий выступает понятие о материи как конкретно-всеобщем, включающем в себя как всеобщее, так и все богатство единичного.

Одной из важнейших особенностей такого построения системы категорий является то, что каждая категория диалектического материализма появляется здесь трижды, в каждой из трех основных частей, получая таким образом свое принципиально полное

⁶ Попытка изложения основного содержания диалектического материализма в связи с данной идеей была предпринята нами ранее. См.: В. В. Орлов. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974.

изложение. Так, понятие материи возникает первоначально в неявном виде через понятие предмета, поднимается до уровня абстрактно-всеобщего понятия и в результате развертывания системы категорий превращается в конкретно-всеобщее понятие.

Наконец, предложенная основная идея системы категорий придает этой системе обобщенный целевой характер — объяснение всеобщих сторон мира в целях его бесконечного практического изменения и познания.

Т. П. ФОКИНА

ДИАЛЕКТИКА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Диалектика как система знания существует не где-то в стороне от конкретных философских и методологических исследований, а в них и через них: это ее реальные эмпирические проявления. Это, так сказать, «диалектика в деле», либо обращенная на саму себя (когда она выступает как способ собственного обоснования), либо на другие предметные области (когда она используется в своем инструментальном значении).

При попытке обозреть эти реальные феномены диалектики как системы сразу же обнаруживается их практически неисчерпаемое многообразие. Мы имеем здесь в виду и собственно философские, и методологические исследования, воплощенные в публикациях, и те формы, которые принимает диалектика в головах прежде живших и ныне здравствующих философов, естествоиспытателей и всех тех, кто считает себя причастным к философскому осмыслению мира. Даже если перечислить только крупные работы, специально написанные по поводу диалектики как системы, то и их окажется довольно много. Это работы В. П. Тугаринова (1956), В. С. Библера (1958), М. М. Розенталя (1960), П. В. Копнина (1961), Б. М. Кедрова (1963), А. П. Шептулина (1967), А. С. Арсеньева (1968), Д. И. Широканова (1969), О. С. Зелькиной (1970), В. С. Лутая (1970), З. М. Оруджева (1973), В. Н. Сагатовского (1973), Э. В. Ильенкова (1974) и др.

Разные подходы к диалектике как целостной теории развития объединяет одна общая черта. Все они демонстрируют одинаковое отношение к работам предшественников — обстоятельно анализируют конкурирующие подходы и пытаются преодолеть их на путях **гносеологического** анализа, на путях уточнения понятий и их взаимной связи¹. Такой подход вполне правомерен, но это лишь один из возможных подходов.

¹ Исключение составляет лишь работа Э. В. Ильенкова «Диалектическая логика». М., 1974.

Если внимательно проанализировать вводные главы указанных работ, где выдвигаются исходные принципы исследования, то в «критических точках» этого анализа, как правило, появляются выражения типа «нам представляется», «с нашей точки зрения», за которыми скрывается, видимо, либо некоторое абстрактное представление об идеале диалектики как системы, либо слепок с традиций, стиля философского мышления определенной культурно-исторической среды. В обоих случаях этот аргумент оказывается слабым.

Противоречие между множественностью подходов и невозможностью ее преодоления на путях гносеологического анализа открывает перспективу иного осмысления самой этой множественности. Это иное осмысление состоит в том, чтобы понять диалектику как культурно-исторический, социологический феномен. При гносеологическом подходе наличные формы диалектики как системы выступают как воплощение некоторой абстрактно заданной идеальной схемы диалектики. Социологический подход обнаруживает, что внутреннее строение диалектики выступает не только как развертывание некоторой дедуктивной системы, но и как экспликация тех реальных жизненных форм, в среде которых она действительно функционирует. Множественность наличных форм диалектики выступает не как следствие разнообразия произвольных толкований при ее построении и применении, а как следствие разнообразия культурно-исторических корней, проблем, коллизий, которые питали живыми соками данное научное исследование.

Диалектика как система является поэтому также и проблемой социологии познания. Строить диалектику как систему знания необходимо с учетом конкретно-исторического опыта, получившего социологическую расшифровку, «развертку».

Большой материал для такой социологической развертки дают исследования по методологическим проблемам специальных наук. Они представляют собой, кроме всего прочего, также попытку обнаружить и исследовать ту конкретно-историческую форму, в которой функционирует диалектика как инструмент познавательной деятельности в данной предметной области, на данном этапе развития науки. Очевидно, что диалектика используется и развивается как система. Но очевидно также и то, что из всего арсенала диалектики в разных случаях, в разных предметных областях используются не все, а лишь некоторые логические средства диалектического мышления.

Поучительно было бы выяснить, что в этих наличных формах диалектики выступает как инвариантное (какие принципы, законы, категории), а что — как переменное, что присутствует явно, а что в снятом виде. Насколько нам известно, подобного рода попытки анализа работ по методологическим проблемам частных наук специально никем не предпринимались, и эта область еще ждет своего исследователя — историка науки, социолога, философа

фа. Такого рода исследование могло бы пролить свет на внутреннее строение самой диалектики как системы знания.

Рассмотрение диалектики с позиций социологии познания в известной мере характерно для некоторых исследований философских систем, ставших уже классическими. В их числе работа Н. В. Мотрошиловой «Познание и общество. Из истории философии XVII—XVIII веков» (М., 1969), Я. А. Ляткера «Декарт» (М., 1975), «Философия Канта и современность» (М., 1974); в их числе работы, исследующие развитие диалектики в «Капитале» К. Маркса, в трудах В. И. Ленина. Но в них социологический аспект диалектики не выделяется специально как исследовательская проблема, а выступает лишь как момент, связанный с решением других задач².

Попытки рассматривать диалектику с позиций социологии познания мы можем обнаружить в многочисленных работах, посвященных критике современной буржуазной философии. Анализируя превращенные формы диалектики (неогегельянство, диалектику практики, негативную диалектику, трагическую диалектику и т. д.), исследователи пытаются раскрыть их социально-исторические корни. Они показывают, как трансформируется диалектика применительно к решению тех или иных задач³. Наиболее отчетливо социологический подход выявлен в критическом анализе буржуазных концепций диалектики в работах Э. Ю. Соловьева⁴.

При всей значимости исследований такого рода они, конечно, не исчерпывают проблемы социологического анализа диалектики, а лишь обрисовывают ее контуры. Некоторые важнейшие области исследования едва намечены. Мы уже отмечали одну из таких областей — социологический анализ диалектики как реально действующей методологии конкретнаучного поиска. Другая область — социологическая развертка современных исследований самой диалектики как системы знания. Если обратиться к фундаментальной работе «История марксистской диалектики. Ленинский этап» (М., 1973), то нетрудно заметить, что различные подходы к решению тех или иных проблем диалектики анализируются так, как если бы они были лишены конкретных культурно-исторических корней, хотя в общем виде наличие таких детерминант диалектического мышления современной эпохи констатируется.

² Как специальная задача исследования социологическая развертка эстетико-политических взглядов Аристотеля и Платона осуществлена в работе: Ю. Н. Давыдов. Искусство как социологический феномен. М., 1968.

³ Напр., Г. Я. Стрельцова показывает, что проблемы диалектики, занимающие видное место в философии Сартра, имеют «подсобное» значение как арсенал средств для решения фундаментального в экзистенциализме вопроса — вопроса о свободе человека. См.: Г. Я. Стрельцова. Критика экзистенциалистской концепции диалектики. М., 1974.

⁴ См., в частности: Э. Ю. Соловьев. Экзистенциализм и научное познание. М., 1966.

Социологический анализ диалектики как системы не означает, что нужно оставаться в плену социологически расшифрованных, понятых и объясненных наличных форм диалектического мышления. Напротив, он призван обнаружить тенденцию трансформации диалектики в соответствии с конкретными потребностями науки и социальной практики. Но поскольку такая опасность все же имеет место, необходимо подчеркнуть, что она становится действительностью лишь при одностороннем применении, абсолютизации социологического подхода. Поэтому собственно гносеологический и социологический анализ диалектики должны дополнять друг друга, но не чисто внешним образом. Необходимо довести каждый из них до такого углубления противоречия между ними, при котором они сливаются. Путь такого углубления — путь историзма, когда все формы диалектики как системы раскрываются как порождение общественно-исторической практики людей.

Единство социологического и гносеологического анализа диалектики открывает ряд перспектив в осмыслении строения диалектики как системы.

Во-первых, удается рационально разрешить ту антиномию, которая неизбежно возникает во всех попытках системного понимания диалектики: система по самому своему характеру должна быть целостной и потому завершенной и в то же время не должна быть таковой, ибо это означало бы догматизацию диалектики и ее умерщвление. Каким образом включить время в собственное движение диалектики как системы? Ответ на этот вопрос часто приводит исследователей к отрицанию возможности и необходимости формирования диалектики как системы⁵. Социально-гносеологический анализ позволяет прийти к иному решению. Он с точностью исторического факта обнаруживает, что реально диалектика функционирует именно как система, но сама эта система есть теоретическая экспликация, порождение определенного культурно-исторического контекста и поэтому изменяется вместе с ним.

Во-вторых, социологический анализ позволяет обнаружить тот факт, что формы реального понимания и использования диалектики весьма многообразны не только в среде профессионалов-философов, но и в среде естествоиспытателей, политических деятелей, людей искусства и т. д. XXV съезд КПСС еще раз подчеркнул важность преодоления отчуждения между естественными, общественными и техническими науками. В этих условиях «попытки противопоставить профессиональную форму философствования и те формы, в которых философская проблематика осознается на языке практики и частных научных дисциплин, означа-

⁵ См. напр.: А. С. Арсеньев. Диалектическая логика как открытая система. — В сб.: Проблемы диалектической логики. Алма-Ата, 1968, с. 134—135.

ли бы лишиться важнейших источников действительного развития философской мысли...»⁶

В-третьих, при социологическом анализе главное внимание обращено не столько к логике развертывания некоторого основания, сколько к самому этому основанию, его истокам. При этом неизбежно обнаруживается внутреннее противоречие основания, которое есть отнюдь не предлог для дискредитации данной теоретической системы, а точка возможного развития, развертывания иного варианта диалектики как системы знания. Благодаря этому сам диалог разных систем диалектики становится социально-историческим феноменом, выражением творческого характера диалектического мышления⁷. Следовательно, при таком подходе противоречия данного представления о диалектике как системе выступают не как чисто гносеологические (и потому подлежащие разрешению на пути уточнения понятий), а как социально-гносеологические, предполагающие иной способ разрешения. Этот иной способ разрешения предполагает поиск, обнаружение такой конкретно-исторической **системы деятельности**, внутри которой диалектика была бы воспроизведена наиболее адекватно. В этом состоит наиболее важное, конструктивное значение социологического анализа диалектики.

В. Н. ЯРСКАЯ

О РАЗВЕРТЫВАНИИ СИСТЕМЫ ДИАЛЕКТИКИ

Материалистическая диалектика может быть представлена как многоуровневая система: в ее структуре выделяются три уровня элементов — принципов, законов и категорий. Содержание каждого уровня детерминировано элементами других уровней, все уровни связаны и включают подуровни (подсистемы) с собственными концептуальными системами во всей их сложности и полноте.

На первом уровне выделяется центральный принцип — принцип развития, теоретической рефлексией которого выступает вся диалектика в ее развернутом виде. Понятийный аппарат этого принципа включает в себя категории движения, становления, развития, концепцию самодвижения и саморазвития, а также в качестве своего дальнейшего дополнения и развития — другие принципы и элементы других уровней диалектики.

Традиционный принцип связи в материалистической диалектике расщепляется на принцип материалистического монизма и

⁶ Партийное руководство философской наукой. — «Вопросы философии», 1976. № 2, с. 10.

⁷ См.: В. С. Библер. Мышление и творчество. М., 1975.

принцип детерминизма с соответствующей каждому из них разветвленной подсистемой понятий. Так, принцип единства мира включает в свое содержание понятия единства и многообразия, объективного и субъективного, материальности, а принцип детерминизма — понятия причины и следствия, необходимости и случайности, возможности и действительности. В то же время глубокое раскрытие этих принципов предполагает их соединение с принципом развития и остальными элементами диалектики — законами и категориями.

Второй уровень — законы диалектики, представляющие в совокупности основание для концепции развития (достаточное основание, по Г. Климашевскому, 1975). Центром, ядром этого уровня является закон единства и «борьбы» противоположностей, главным в его понятийном аппарате — понятие диалектического противоречия. Ни динамика противоречия, ни его структура, ни элементы (тождество, различие, борьба, единство, стадии разрешения, конфликта и др.) не могут быть поняты вне принципов развития, единства мира и детерминизма.

Внутри закона взаимопереходов количественных и качественных изменений можно рассматривать категории качества, количества, меры, диалектического скачка, каждая из которых предстает перед нами, в свою очередь, как целая система дефиниций. В логике Гегеля качество рассматривается как внутренняя определенность объекта (в некотором внешнем соотношении — как имманентное определение), а определенность наличного бытия в то же время как момент качества¹. Завязывается «узел моментов качества» (В. В. Ильин, 1972): определенность, свойство, граница, «в-себе-бытие», «бытие-для-другого». Качество выступает как основа многообразия объектов, как общая специфика или специфическая общность (В. И. Ефимов, 1974), конкретная целостность (И. Я. Лойфман, 1965). Анализ категории качества вовлекает в рассмотрение и понятие материальности через категорию «вещь» (Л. Г. Кравченко, 1971).

Гегелевский анализ категорий диалектики привлекает также тем, что элементы одного уровня могут выступать регулятивными принципами на другом: определение качества включает сопоставление внешней и внутренней определенности, «снятие», отрицание границы, единство экстенсивного и интенсивного — как элементы других уровней, как обязательные регуляторы всей процедуры определения.

Внутри уровня законов возможна постановка вопроса об их «однопорядковости»: принцип разнопорядковости как определенный способ истолкования отношения категориального аппарата законов диалектики и уровней познания имеет исторически преходящее значение (В. В. Бородин, 1974).

Нельзя согласиться с мнением, что законы диалектики образуют

¹ Гегель. Наука логики, т. 1. М., 1970, с. 170, 175.

«триаду», в которой закон взаимоперехода количественных и качественных изменений является тезисом, закон единства и «борьбы» противоположностей — антитезисом, а «заключительным аккордом» выступает якобы закон отрицания отрицания как некий синтез в триаде законов диалектики. И в объективной, и в субъективной диалектике все три закона образуют целостную систему, из которой невозможно выбросить хоть один элемент, не нарушив этой целостности. Действие всех трех законов непреложно и одновременно, а их специфика проявляет себя в различных аспектах развития.

Каждый из моментов развития может быть определен на языке одного из законов. Так, момент развития противоречия, его «разрешение» в новое противоречие есть тем самым его самоотрицание и скачок как переход одного качественно-количественного единства в другое. Являясь элементами диалектики, законы диалектики так же, как и принципы, сами являются сложными концептуальными системами. Относительная самостоятельность этих систем не означает, как видим, триадности действия законов диалектики, но и не исключает постановки вопроса об их субординации.

Каждый уровень диалектики в своем развитии детерминирован всей многоуровневой системой принципов, законов и категорий. Эта внутренняя самодетерминация развития диалектики дополняется внешней детерминацией — взаимодействием диалектики с познанием и практикой. Естественно поэтому ставить вопрос о двух типах развития системы диалектики.

Экстенсивное развитие как расширение проблематики и концептуального аппарата диалектики на данном содержательном уровне, без учета становления самих проблем и категорий, без анализа их развития предполагает наличие прогностической функции диалектики по внутреннему, экстенсивному типу предсказаний (В. Н. Ярская, 1970). Вместе с расширением круга проблем и категорий со временем становится более глубоким содержание каждой категории, вовлекаемой в определенный исторический период в более широкую систему философского знания. Интенсивное развитие диалектики ведет к более глубокому, качественно новому пониманию сформулированных в предыдущие исторические эпохи ее элементов, создает возможность выхода прогностической функции диалектики за пределы прежней философской концепции (по типу внешнего, интенсивного предсказания).

Решение современных проблем теории развития включает необходимость учета диалектики экстенсивных и интенсивных изменений. Односторонность подхода к истории философии как коллекции идей, как исследованию только лишь экстенсивного развития философии критиковал Гегель, для которого интенсивный тип развития диалектики был существенно связан с его логикой и теорией, со всей философской системой. В. И. Ленин отмечал, что «Гегель берет свое саморазвитие понятий, категорий в связи

со всей историей философии»². Именно в интенсивном развитии диалектики как истории движения категорий, развитии диалектики как методологии и в борьбе мировоззрений прогностическая функция диалектики выступает как внешнее интенсивное предсказание. Показателем развития диалектики, тем самым, становится ее прогностичность.

А. А. КОРОЛЬКОВ

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ ДИАЛЕКТИКИ КАК ЛОГИКИ

Существует, по меньшей мере, два круга современных проблем диалектической логики: один определяется необходимостью аутентично воспроизвести взгляды классиков марксизма о диалектических категориях и вообще о диалектике как науке; второй вытекает из необходимости корреляции традиционной трактовки отдельных категорий и системы категорий в целом на основе развития научно-теоретического знания современности. Оба круга проблем одинаково важны и не могут быть изолированы друг от друга. Стремление создавать, например, системы категорий, исходя из современного естествознания, но без глубокого анализа диалектических достижений марксистской философии, приводит к печальным вариантам кустарных псевдосистем, не отвечающих требованиям научного познания.

Непонимание природы категорий диалектики привело в ряде исследований к выводу о своеобразном «категориальном взрыве» — список категорий расширялся от статьи к статье, от монографии к монографии. Основанием для включения новых понятий в категориальный аппарат диалектики служил сомнительный индуктивный вывод о том, что эти понятия «работают» в нескольких науках (социологии, цитологии, кристаллографии, физике и т. д.). Путем отвлечения от конкретного многообразия определений таких понятий в соответствующих науках конструировалось абстрактно-общее понятие, которое и именовалось отныне философской категорией. Столь распространенное заблуждение, особенно среди специалистов, занимающихся философскими проблемами специальных наук и комплексными проблемами наук, заставляет напомнить о различии между абстрактно-общим и конкретно-общим. Дело в том, что некоторые авторы, пишущие о диалектике единичного, особенного и всеобщего, сами невольно забывают о том, что диалектика относится не только к понятиям науки, но в полной мере должна характеризовать и категории диалектики, эти, по выражению Маркса, орудия всеобщего интеллекта.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 104.

Иллюзию отождествления категорий диалектики с абстрактно-общим разделяют не только те философы, которые стремятся абстрагироваться от современного научного знания, но и те, которые полагают, что система категорий диалектики должна предстать как очищенная от мистицизма логика Гегеля, как некая онтологическая система, абсолютный аналог которой лежит в самом бытии. Последняя точка зрения только по видимости предстает в качестве последовательно материалистической. Диалектика познания, безусловно, отражает диалектику объективного мира, но нельзя представлять категории и систему категорий в целом как пассивный слепок с взаимосвязей бытия. Споры о начале системы категорий имеют свои объективные основания, но нелепо свести начало и порядок выведения категорий к проблеме начала и порядка субординации самой объективной действительности. В объективном мире не существовала вначале материя, а потом движение, или сначала качество, а затем количество и мера. Категории — это подлинные ступеньки познания, это сублимация в познании конкретно-всеобщего отношения человека к миру. Категории, как и всеобщие понятия частных наук, тоже определяются уровнем исторического развития форм деятельного отношения человека к миру, и в этом смысле их всеобщность не является абсолютной.

Изменение системы категорий диалектики — не недостаток ее, а единственно возможная форма существования. При этом эволюция содержания категорий как орудий «всеобщего интеллекта» протекает не путем постоянной замены существующего «списка» категорий, а преимущественно на основе содержательного обновления существующих, исторически выработанных философий категорий. Развитие научно-теоретического мышления может выдвигать одни категории на передний план, другие как бы оставлять в тени, но ни одна частная наука не устанавливает категориальности в философском плане появившегося в недрах такой науки понятия.

Вряд ли оправданы утверждения тех авторов, которые провозглашают бурный количественный рост категорий диалектики в XX в. По-видимому, Аристотель был первым философом, который «исследовал существеннейшие формы диалектического мышления» (Энгельс) и тем самым количественно определил почти все те категории, которые используются и в современном мышлении (имеется в виду, конечно, не терминологическая сторона дела). Эту специфическую особенность категорий диалектики, на наш взгляд, подчеркивает В. И. Ленин, когда пишет, что в философии Аристотеля затронуты «все категории».

Содержательное историческое изменение категорий можно проследить практически на любой паре рефлексированных категорий. Известно, что в течение длительного времени философские представления о причинно-следственных отношениях отождествлялись с лапласовской версией о замкнутости мира, о жесткой зави-

симости всех процессов от породивших их причин. Современный уровень философского и научного знания кардинально перестроил некогда господствовавшие взгляды на категории причины — следствия. Диалектико-материалистическая концепция детерминизма наполняется новым содержанием: по названию указанные категории остались теми же, что и во времена механистического материализма, по существу — в корне изменились. Открытие вероятностных закономерностей позволило расширить рамки традиционной интерпретации причинности: динамическая форма детерминизма стала рассматриваться как существующая наряду с другой, статистической формой детерминизма.

Обращает на себя внимание тот факт, что в последнее время развитие отдельных категорий осуществляется на материале преимущественно какой-то одной науки. Категории пространства — времени стали почти монопольными для философских проблем физики, категории части и целого связываются прежде всего с биологическими науками и т. д. Этот факт нетрудно объяснить передовыми позициями той или иной области знания в современную эпоху. Однако, на наш взгляд, увлеченность данными определенной науки при философской трактовке категорий диалектики приводит иногда к утрате собственно философских достижений в этой области и к своеобразному соскальзыванию на рельсы естественнонаучной аргументации и естественнонаучных споров. Стало едва ли не тривиальным полагать, что пространство — время — это категории, которые интересуют физиков, но непонятны историкам, филологам, биологам и далеки от интеллектуальной культуры последних. Успехи теоретической физики в обосновании пространственно-временных представлений очевидны. Они поколебали уютные взгляды, присущие здравому смыслу. Замечательные открытия в физике стали предметом философских размышлений, появилась обширная литература по проблемам детерминизма в физике и по проблеме пространства — времени. По-видимому, еще не наступил момент такой рациональной переработки данных физики, которая бы позволила определить в некотором чистом виде новый уровень развития категорий пространства — времени.

Все сказанное ни в коей мере не означает недооценки исследования философских вопросов естествознания, ибо последние способствуют развитию диалектики как логики. С точки зрения дальнейшего развития категорий диалектики в нашей литературе недостаточно обсуждается вопрос о связи диалектического материализма и философских проблем частных наук. Вопрос о предмете и статусе философских проблем естествознания — особый серьезный вопрос. Заметим лишь, что бесспорно существование такой предметной области в современной науке, которая требует решения ряда проблем частных наук на основе как квалифицированного владения категориальным аппаратом диалектики, так и четкого понимания трудностей этих наук. Дискуссии ведутся

обычно не о том, имеются ли такие проблемы, а совсем о другом: входит ли в компетенцию специалиста-философа обращение к решению проблем конкретных наук, не совершается ли здесь возврат к архаичным формам натурфилософствования, не происходит ли здесь непозволительная экспансия в «чужую» сферу. Кроме того, настораживает философов и нередкое обсуждение специфических теоретических проблем самого естествознания под названием философских проблем естествознания.

При серьезном отношении к разработке философских проблем естествознания исключается натурфилософское стремление к решению естественнонаучных проблем на основе только общих философских положений, исключаются попытки спекулятивного конструирования недостающих связей, законов природы. Обсуждение философских проблем естествознания побуждает естествоиспытателей к овладению диалектикой как логикой современного научно-теоретического мышления. Овладение диалектикой как логикой — трудный процесс, и философы должны облегчить его созданием специальных работ, позволяющих проникнуть во внутренний строй диалектических идей. Речь идет не об учебниках и популярных очерках о категориях, а о фундаментальных разработках диалектики.

И. С. НАРСКИЙ

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ДИАЛЕКТИКИ, ЛОГИКИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДИАЛЕКТИКИ

Названный вопрос уже много лет обсуждается советскими философами, стремящимися дать наиболее адекватное истолкование известному высказыванию В. И. Ленина в «Философских тетрадах» о том, что «в «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания (не надо 3-х слов: это одно и то же) материализма...»¹. Это высказывание находится в связи с ленинской мыслью относительно того, что, если понимать логику как науку, разрешающую вопрос об истине, то «в таком понимании логика совпадает с *теорией познания*. Это вообще очень важный вопрос»². Действительно, это вопрос исключительно большой важности, ибо от того или иного его решения и интерпретации последнего зависит определенное понимание теории отражения, структуры и содержания диалектики как науки, отношения диалектики к формальной логике и вообще понимание путей дальнейшего развития диалектики.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

² Там же, с. 156.

Возникла весьма обширная литература вопроса, среди которой имеются исследования Г. Ф. Александрова, Э. В. Ильенкова, Б. М. Кедрова, П. В. Копнина, Т. И. Ойзермана, М. М. Розенталя, Е. П. Ситковского и других авторов, но при ее анализе бросается в глаза то обстоятельство, что многие из комментаторов уделили, к сожалению, слишком мало внимания контекстуальному исследованию того значения (или: значений), которое Ленин вкладывал в данном случае в **термины** «совпадение» и «тождество». Однако это исследование может пролить на весь вопрос существенно важный свет.

Обратим, прежде всего, внимание на то, что уже у Гегеля понятие «тождество» отличалось значительной сложностью, которую нельзя не учитывать. Он подверг нападкам так называемое «абстрактное» тождество, но в таковом оказались у него смешанными два существенно отличающихся друг от друга понятия — тождество метафизическое и формальнологическое, из которых второе было им, Гегелем, отвергнуто здесь совершенно незаслуженно. В то же время он сам иногда сбивался на манипулирование «абстрактным» тождеством в указанном нерасчлененном его смысле как вполне будто бы верной характеристикой, хотя и не осознавал этой непоследовательности. В еще большей степени это относится к его эпигонам. Об одном из таких случаев Маркс в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» писал: «...для гегельянца нет ничего проще, как отождествить производство и потребление»³ на основании того обстоятельства, что по **некоторым** своим чертам производство носит характер «потребления», а потребление в **некоторых** моментах есть своего рода «производственный» процесс. Таким образом Маркс порицал метафизическую по сути дела абсолютизацию абстракции отождествления, учитывающей совпадение 2, 3, ..., n объектов только по части наборов свойственных им признаков.

С другой стороны, следует подчеркнуть заслугу Гегеля, выразившуюся в том, что он, сам, видимо, того не осознавая, достиг результатов, противоположных его исходному замыслу: противопоставляя диалектическое тождество формальнологическому, он невольно выявил наличие диалектических моментов в последнем. Поистине, диалектика действует всюду! Что касается собственно диалектического тождества, то Гегель справедливо охарактеризовал его как обладающее духом брожения, беспокойства, как таящее в себе зародыш диалектического «различия (Unterschied)», т. е. диссонанса, дисгармонии. И поэтому диалектическое тождество есть такое равенство с собой, «которое устанавливает себя как единство...»⁴. Это гегелевское понятие тождества учитывает факты противоречивости и развития в их сущностном единстве, и оно, конечно, несовместимо с метафизической трактовкой тож-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, с. 30.

⁴ Гегель. Наука логики, т. 2. М., 1971, с. 32.

дества, однако в нем нет ничего, что конфликтовало бы с понятием тождественности, употребляемым в формальной логике.

Из сказанного вытекает, что проблема **тождества** логики; диалектики и теории познания **могла** решаться Лениным таким образом, что здесь имеется в виду диалектическое тождество, а значит, проще говоря, не совпадение, а единство. Но **была ли** она решена Лениным именно так или же решена только, однозначно, так?

В пользу положительного ответа говорит то обстоятельство, что Ленин назвал «замечательно гениальным» **диалектическое** совпадение логики и гносеологии у Гегеля⁵. На самом деле, если принцип тождества бытия и мышления, будучи сам по себе идеалистическим, а в конечном счете и метафизическим, не мог соответствовать диалектико-материалистической трактовке тождества трех научных дисциплин, то реализация этого принципа в духе **относительного** совпадения логического с историческим, приводившая к тому, что полное тождество имеет место в системе только дважды — в начале ее и в конце, а на всем остальном ее протяжении, как это видно, например, из сравнения «Науки логики» с «Лекциями по истории философии», оказывается неполным, частичным, — эта реализация, наоборот, вполне соответствует глубоко диалектической, поистине гениальной, трактовке.

Но в пользу отрицательного ответа на поставленный вопрос говорит то простое обстоятельство, что Ленин вполне определенно указал: «...не надо 3-х слов: это одно и то же...». Это обращает наше внимание на формальнологическое тождество.

Исследованием последнего занимался, в частности, Лейбниц, рассматривавший, во-первых, абсолютное тождество как само-тождество, а относительное тождество — как результат абстракции отождествления. Полное самотождество оказывается **предельным случаем** тождества диалектического, так что и здесь обнаруживается, что Гегель был во многом неправ, нападая на «абстрактное» тождество как будто бы на не совместимое с диалектикой. Полное самотождество оказывается результатом ситуации, в которой все свойства объекта А присущи объекту В, а все свойства объекта В присущи объекту А. Относительное тождество, пока оно не уточнено, обладает **проблемно-антиномическим** обликом «тождества и не тождества»⁶. Посмотрим теперь, к какому результату приведут уточнения.

Осуществляя их, приходится столкнуться с разнообразием точек зрения. Среди советских философов бытуют, по крайней мере, четыре различных взгляда на обсуждаемое соотношение

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 174.

⁶ Может вызвать сомнение, что характеристика антиномии-проблемы прилагается здесь к **понятию**, а не к суждениям. Но в зародышевом виде она может иметь место и в понятиях. Кант, например, выдвинул несколько таких «антиномий-формулировок»: нечувственная чувственность, бесцельная целесообразность и др.

трех наук. Согласно первому из них, налицо полное совпадение, поскольку «...не надо 3-х слов...». В соответствии со вторым взглядом, имеет место внешняя соположенность трех разных частей единой теоретической дисциплины. Третья точка зрения исходит из тезиса о полном тождестве трех наук, но видит в этом тождестве никогда не достижимую во всем объеме цель длительного исторического познавательного процесса. Ссылаются на то, что когда Ленин писал, что «в логике история мысли **должна**, в общем и целом, совпадать с законами мышления»⁷, то имел в виду совпадение именно «в общем и целом», т. е. в конечном счете, в окончательном итоге, который, как мы знаем, ни на каком конкретно-историческом этапе не бывает совершенно окончательным. Четвертый взгляд на обсуждаемый вопрос базируется на признании в принципе только диалектического единства трех наук, а значит относительного, неполного тождества. В этом случае формула «...не надо 3-х слов...» приобретает смысл условно-сокращающего оборота, т. е. сама оказывается только относительной и приблизительной характеристикой, требующей детального раскрытия в свете всей совокупности ленинских высказываний о диалектике.

По нашему мнению, правильное решение вопроса должно учитывать содержание третьей и четвертой точек зрения и опираться на признание **двух** («узкого» и «широкого») взаимосвязанных друг с другом **значений** тождества, из которых «узкое» — формальнологическое, а «широкое» — диалектическое. Что мы имеем в виду?

Если понимать под логикой только диалектическую логику, и притом в смысле науки о диалектических законах теоретического познания, а под диалектикой — только субъективную диалектику в смысле науки о диалектических законах и приемах отражения в мышлении диалектических связей объективного мира, теорию же познания взять только в виде той ее части, которая занимается исследованием лишь теоретического уровня познания, то тогда возникает «узкое», но в то же время полное (в формальнологическом отношении) отождествление трех наук по объему и содержанию их предметов: «...не надо 3-х слов: это одно и то же...». Если же логику взять в полном ее диапазоне, т. е. включая в ее область также и формальную логику, и соответственным образом поступить с диалектикой и гносеологией, то диалектика предстанет перед нами как единство субъективной и объективной диалектик, а гносеология — как интегральное учение о чувственном, теоретическом и в практической деятельности начинающемся, проверяемом и реализуемом познании. В этом случае возникает сложная диалектическая ситуация соотношения трех наук, в значении их «широкого» единства, и в полной мере сказывается то обстоятельство, что никакого полного тождества законов бытия и законов познающего мышления не существует не только по форме, но и по

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 298.

содержанию этих законов, хотя диалектика имеет место всюду — и в бытии, и в практике, и в чувственном познании, а также и в самом формальнологическом мышлении, ибо это не совсем «одинаковая» диалектика в силу диалектического характера процесса отражения объективного в субъективном. Таким образом, высказывание В. И. Ленина, включающее в себя оборот «не надо 3-х слов», предполагает два разных, но связанных друг с другом значения выдвигаемого тезиса. Их взаимосвязь глубоко диалектична.

Изучение вытекающей отсюда сложной познавательной ситуации — дело очень нелегкое. Так, соотношение логики и теории познания погружает исследователя в разветвленную проблематику связей настоящего и прошлого состояний науки, — связей, которые, как правило, не сводимы ни к формальнологической дедукции, ни к диалектическому саморазвертыванию содержания понятий. И это происходит потому, что процесс развития познания не сводится только к логической деятельности, а теория познания рассматривает соответственно и внелогические вопросы.

Что касается соотношения теории познания с диалектикой, то ленинское положение о том, что «диалектика *и есть* теория познания... марксизма...»⁸, предполагает наличие структурной сетки сложных связей и взаимодействий между относительно выделяемыми сторонами указанного единства. Поскольку диалектика является прежде всего **объективной** диалектикой окружающего нас мира, то в это единство включается не только теория познания, но и диалектическая теория материи, которую, используя старый термин, можно было бы именовать «онтологией», которую обычно называют «объективной диалектикой». Но в отношении соотношения гносеологии и «онтологии» сказать, что здесь не надо 2-х слов, ибо это будто бы есть одно и то же, разумеется, нельзя. Гегелевское положение о том, что познанные законы развития бытия суть также и законы его познания, верно только в наиболее общих чертах (так, например, противоречивость действительности получает свое выражение в гносеологическом требовании познать именно противоречия этой действительности), ибо имеет место не «тождество» бытия и мышления, а **диалектическое** их «как бы тождество», т. е. **отражение** первого во втором. К сожалению, отождествление «онтологии» с гносеологией или методологией встречается среди марксистов и по сей день. В одной из недавно вышедших в свет работ мы читаем: «Анализ обобщенных типов содержания научного знания можно назвать «онтологией научного познания», не забывая при этом, что эта «онтология» является элементом методологического анализа»⁹. Едва ли целесообразно принять такое употребление термина «онтология».

Связь между логикой, диалектикой и теорией познания должны, разумеется, стать предметом дальнейшего исследования. Мало

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 321.

⁹ Философия. Методология. Наука. М., 1972, с. 31.

того, диалектика **связей** должна быть в центре внимания всех тех, кто занимается разработкой гносеологической проблематики. И сама категория «связь» подлежит диалектическому рассмотрению и трактовке. Противоречие между структурой связей и динамикой развития познаваемых объектов далеко не столь «драматично», как это иногда себе представляют: ведь всякое развитие противоречиво, всякое противоречие развивается и разрешается через развитие, а противоречие, с другой стороны, есть фундаментальный и универсальный вид взаимосвязи. «Взаимосвязь» же как понятие образует категориальную пару с понятием «относительной несвязности», изолированности. Таким образом, заметим, выделяется для анализа диалектический закон (будем понимать под законами характеристики всеобщих связей между категориями, а под принципами — характеристики связей между законами диалектики) всеобщей связности и всеобщей относительной самостоятельности объектов и процессов.

Относительная изолированность, самостоятельность присуща и тем предметам изучения, о которых у нас идет здесь речь. Одним из результатов этого является правомерность и необходимость существования специальной науки — логики научного исследования. Она представляет собой, на наш взгляд, методологию познания для отдельных групп родственных друг с другом наук, причем рассматривает методологические и гносеологические вопросы с детальностью, выходящей за пределы собственно диалектических связей, причастных диалектике, так сказать, в самом ее «концентрированном» виде. Главное своеобразие логики научного исследования заключается не в «средней» степени ее общности, а в прикладном ее характере в отношении современной формальной логики, результаты которой она широко использует, опираясь на принципы диалектико-материалистической методологии, использует в той мере, в которой эти результаты находят интерпретацию в реально происходившем историческом процессе научного познания. Методы специальных наук, изучаемые логикой научного исследования, являются продолжением, развитием и детализацией общефилософского метода, который, в свою очередь, многое черпает из этих частных методов. Эта связь с логико-методологическими проблемами научного исследования, полагаем, есть один из наиболее важных источников дальнейшего развития диалектики как науки.

П. П. ЧУПИН

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Разработка материалистической диалектики как общефилософской теории предполагает рассмотрение ее в качестве методологии практической и познавательной деятельности. В этой связи

возникает проблема соотношения материалистической диалектики с методологией науки, от того или иного решения которой зависит содержание и характер основных направлений научных исследований в данной области.

Одни авторы считают, что методология научного познания по своему характеру является учением, которое в общем и целом совпадает с материалистической диалектикой, рассматриваемой в аспекте ее методологической функции в познании¹. С этой точки зрения получается, что любая методологическая проблема науки есть в сущности философская проблема и решать ее нужно методами, которые являются лишь конкретизацией всеобщего философского метода материалистической диалектики.

Другие авторы, напротив, полагают, что методология — это не философское, а специальное учение о знании, о методах и принципах анализа его, о средствах реализации требований этого анализа. Философия же, поскольку она также выполняет методологическую функцию, составляет один из структурных моментов этого учения². Из этого следует, что к числу методологических должны быть отнесены любые проблемы, связанные с анализом знания и требующие для своего разрешения специальнонаучных или философских средств.

Наконец, третьи исходят из того, что философия как диалектическая логика и теория познания составляет основное ядро методологии науки, но последняя не исчерпывается этим ядром, ибо включает в свое рассмотрение не только философские, но и (в границах, определенных этим ядром) специальнонаучные методы и средства анализа³.

Эти три подхода приведены здесь только в схематизированном виде и далеко не исчерпывающим образом охватывают весь тот спектр мнений и оттенков, который имеется по данному вопросу. «Расцветка» этого спектра осуществляется разными путями, но главным образом за счет различий в ответах на сопряженные вопросы, в частности, такие, как вопрос об уровнях и типах методологического анализа, о соотношении философских и нефилософских средств его реализации, о взаимоотношении методологии и методики, методологии и логики науки и т. д.

В частности, трудности ответа на такой вопрос, как соотношение методологии и логики науки, помимо всего прочего, связаны еще с тем, что до сих пор не существует единого взгляда на предмет логики науки. В результате одни авторы считают, что методология шире логики, другие, наоборот, что логика науки шире методологии, или что они равнообъемны. Есть попытки «содержательного» разведения этих понятий. Это различие, например,

¹ См. напр.: Диалектика и логика научного познания. М., 1966, с. 321—333.

² См.: Н. Стефанов. Теория и метод в общественных науках. М., 1967, с. 127—157.

³ См.: Д. П. Горский. Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М., 1966, с. 3—17.

усматривается в том, что логика науки анализирует готовое знание, его структуру, в то время как методология науки сосредоточивает свое внимание прежде всего на изучении самого процесса исследования, средств и методов, с помощью которых осуществляется приращение знаний⁴.

Далее, непосредственным объектом логического анализа является язык, т. е. не само знание как таковое (в его конкретно-содержательном смысле), а специализированная форма его выражения в «научных языках», отличающихся от естественных главным образом большей обобщимостью, точностью и строгостью, непосредственным следованием за логической формой и воспроизведением ее.

Наконец, методы логического анализа «привязаны» к теоретическому уровню познания. В отличие от этого методология науки имеет дело с более широкой системой средств и методов, применяемых не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровне, что и позволяет в рамках ее ставить и обсуждать вопросы взаимоотношения этих уровней и, соответственно, всей системы методов и принципов, используемых в научно-исследовательской деятельности. В частности, в компетенцию методологии науки входят вопросы о связи различных аспектов языков науки с внеязыковой реальностью, о соотношении теоретических терминов с языком эксперимента, о соотношении формальных и неформальных средств, применяемых при создании различных теоретических построений, их анализе и проверке.

Характер проблематики методологии научного познания (по крайней мере в том виде, в каком она складывается в настоящее время) не оставляет никакого сомнения в том, что она представляет собой специальную философскую науку, ставящую своей целью изучение общих оснований научного знания, вскрытие специфики научно-познавательной деятельности по сравнению с другими формами познания. Исследование этих оснований в зависимости от характера, типа и уровня методологического анализа может требовать привлечения не только философских, но и специальнонаучных средств и методов его реализации. При этом методы специальнонаучных дисциплин — семиотики, теории информации, кибернетики, системно-структурного подхода, логических исчислений и т. д. могут привлекаться для разрешения конкретных методологических ситуаций в большей или меньшей степени, но в общей структуре методологии науки они имеют вспомогательное значение и не являются альтернативными в отношении материалистической диалектики как теории и всеобщей методологии познания.

Применение этих методов содействует конкретизации многих важных теоретико-познавательных проблем современного научного познания и в конечном счете усилению воздействия материа-

⁴ См.: Г. И. Рузавин. Методы научного исследования. М., 1974, с. 24.

листической диалектики на развитие самой науки. Но сама возможность применения специальнонаучного аппарата (и пределов его применения) в конкретных проблемных ситуациях, возникающих при методологическом анализе научного знания, не может быть установлена в рамках той или иной конкретнонаучной дисциплины, она опирается в конечном счете на определенные представления о сущности, содержании и характере познавательной деятельности человека, оценки ее результатов, вырабатываемых философией⁵. Именно поэтому всеобщей и принципиальной основой методологического анализа в любой его форме является материалистическая диалектика.

Выделение методологии науки в качестве особой философской дисциплины, тесно переплетающейся с проблематикой теории познания, обусловлено рядом важных причин, среди которых на первое место должно быть поставлено то, что наука как сложно организованная система нуждается в адекватных средствах анализа ее специфических структур. Средств общей гносеологии для этого недостаточно, поскольку непосредственное применение системы философских категорий и законов вскрывает только универсально-общие связи и отношения вещей. Более детальное изучение специфики предметных областей науки требует соответствующей конкретизации общефилософских положений и представления их в определенной системе понятий, которая специально ориентирована на науку и вырабатывается методологией.

Методология науки строится на базе коренных общефилософских положений, и от характера этих положений существенно зависит ее эффективность. Адекватным философским базисом современной методологии науки является диалектический материализм. Методология науки опирается на основные положения общей теории познания, и с этой точки зрения может рассматриваться как особый раздел гносеологии, специально ориентированный на анализ научного познания и разрабатываемый с учетом специфики его методов и форм. Но в целом задачи и проблематика этих учений не совпадают.

Будучи специальным разделом гносеологии, методология науки не игнорирует в то же время онтологическую проблематику. Структуру методологии составляет учение не только о методах, но и об основных принципах научного познания, а эти принципы при всем их многообразии роднит общая черта: все они заключают в себе не только гносеологическое, но и определенное онтологическое содержание. Наличие принципов позволяет осуществить онтологическую «привязку» методологии и придать знаниям необходимую содержательность.

Система методологических принципов науки внутренне дифференцирована в зависимости от сферы действия, преимущественно

⁵ См.: Современные проблемы теории материалистической диалектики.— «Вопросы философии», 1972, № 6, с. 13—14.

выполняемых функций или самого характера этих принципов.

Принимая во внимание область действия принципов, их можно подразделить на частнонаучные, действие которых не выходит за пределы одной какой-либо науки или, быть может, только раздела ее (например, принцип естественного отбора Дарвина, принцип сложения скоростей Галилея и т. д.), и общенаучные, сфера действия которых значительно шире (например, принципы сохранения, принцип симметрии и т. д.).

В функциональном отношении различия связаны с тем, что одни принципы непосредственно характеризуют объективный мир, выступая основанием по отношению к другим характеристикам материальных вещей, процессов, свойств и отношений (принцип атомизма, принцип эквивалентности, принцип постоянства скорости света и т. д.); другие принципы выступают преимущественно в качестве регулятора познавательной деятельности, основания для построения системы знаний (принцип соответствия, принцип простоты, принципы верификации и фальсификации знаний и т. д.). Указанное различие, разумеется, нельзя абсолютизировать: принципы, непосредственно говорящие нечто о вещах, определяют и условия их познания, а принципы, регулирующие познавательную деятельность, имеют объективное основание.

Все классификации, принимающие во внимание только «объемные» или функциональные различия, оказываются неполными в том отношении, что не учитывают специфику философских принципов. Характерной чертой последних является не просто многофункциональность или высокая степень общности, но именно универсальность, благодаря которой они в равной мере имеют отношение к объективной реальности и реальности субъективной⁶. Данное обстоятельство указывает на существенное различие, обнаруживаемое в самом характере методологических принципов науки, и служит основанием для их разделения на философские и специальнонаучные. Понятно, что рассмотрение системы методологических принципов науки создает новые возможности для их исследования как элементов этой системы. Сказанное в полной мере относится и к принципам материалистической диалектики.

⁶ См.: Принцип развития. Саратов, 1972, с. 14—15.

С. Е. ЗАК

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Любая научная теория, достигшая зрелости, состоит из принципов, категорий и законов. В основе фундаментальных наук и философских концепций всегда лежит небольшое число принципов, представляющих собой определенную систему основополагающих понятий. Изменение системы принципов представляет сущность научных революций.

В современной науке к системе принципов предъявляются три главных требования: она должна быть непротиворечивой, обладать полнотой и логической независимостью. Непротиворечивость системы принципов означает, что она не позволяет логическими средствами одновременно доказать исключающие друг друга положения. В противном случае невозможно было бы установить правильность или ошибочность суждения и вытекающих из него следствий. Полнота системы принципов означает в дедуктивных науках, во-первых, что все истинные формулы некоторой содержательно характеризуемой области могут быть получены из данной системы принципов и, во-вторых, система принципов считается полной, если присоединение какой-нибудь дополнительной аксиомы приводит к противоречиям. Наконец, независимость принципов означает, что принципы — это такие положения, которые невозможно логическим путем вывести из других положений данной системы аксиом. Принципы науки обладают объективным содержанием. Вместе с тем они всегда представляют собой известную идеализацию объективной реальности.

Материалистическая диалектика, подобно конкретным наукам, представляет собой систему принципов, категорий и законов. Ее принципы, в отличие от принципов конкретных наук, представляют собой абстракции более высокого порядка. Принципы материалистической диалектики, подобно принципам конкретных наук, выступают в качестве основополагающих понятий, объединяющих все законы и категории диалектического метода в единую и целостную систему.

Система принципов диалектического метода непротиворечива, она, по нашему мнению, обладает полнотой и логической независи-

мостью. Принципы диалектики невыводимы из других положений метода. Они выводятся из всей человеческой практики и подтверждаются ею.

При переходе от принципов материалистической диалектики к ее категориям и законам и от них — к категориям и законам конкретных наук имеет место переход от абстрактного к конкретному. Принципы диалектики в категориях и законах диалектики обретают большую конкретность и содержательность. Принципы диалектики обладают качеством всеобщности. Только на их основе можно объединить все разделы естествознания и гуманитарных наук в единую материалистическую концепцию развития и взаимосвязи объективной реальности. Принципы материалистической диалектики соединяют все законы и категории диалектики в единую, непротиворечивую логическую систему, адекватно отражающую объективную диалектику мироздания.

Вопрос о содержании системы принципов материалистической диалектики является вопросом дискуссионным. Иногда принципами диалектики считают известные положения о единстве логического и исторического, абстрактного и конкретного, а также положение о практике как критерии истинности¹. Все эти положения относятся к теории познания, и они могут рассматриваться как ее принципы. Но единство диалектики, логики и теории познания не означает их полного тождества.

Для уяснения системы принципов материалистической диалектики решающее значение имеют положения В. И. Ленина, выдвинутые в «Философских тетрадах», о том, что принцип развития надо соединить, связать с всеобщим принципом единства мира, природы, движения материи², а также положение о связи всего со всем³.

В систему принципов материалистической диалектики входит ряд неразрывно связанных между собой положений.

1. В мире нет ничего, кроме материи и ее движения. Сознание — лишь свойство высокоорганизованной материи. Материя первична, сознание вторично. (Принцип материального единства мира).

2. Все материальные объекты находятся в процессе возникновения, изменения и уничтожения. (Принцип развития).

3. Все предметы и явления взаимосвязаны друг с другом. (Принцип всеобщей взаимосвязи)⁴.

Материалистическая диалектика по своим принципам противостоит не только метафизике, но и идеалистической диалектике. К. Маркс подчеркивал противоположность своего метода методу

¹ См.: Диалектика.— В кн.: Философская энциклопедия, т. 1. М., 1960, с. 478.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

³ Там же, с. 131.

⁴ См.: С. Е. Зак. Принципы и основные законы материалистической диалектики. М., 1974, с. 27.

Гегеля. В марксистской философии диалектика и материализм неразрывно связаны.

Говоря о принципе развития, следует различать развитие отдельных систем и развитие мироздания.

Всякая система зарождается, достигает зрелости и в конечном счете разрушается. Совокупность этих фаз составляет развитие той или другой системы. Такое развитие — не что иное, как результат интеграции различных видов движений, изменений, происходящих в этих системах. С другой стороны, в круговороте, в движении систем совершается подлинная история мироздания, реализуются все новые и новые неисчерпаемые возможности, потенциально существующие в материи. Возникают саморегулирующиеся системы, системы с обратной связью, самовоспроизводящие себя, живые, наконец, мыслящие общественные системы, осуществляющие целепологающую деятельность. Беспределен не только круговорот, но и прогресс.

Принцип всеобщей взаимосвязи не отрицает относительную изолированность систем в силу пространственно-временных интервалов, существующих между ними, и в силу ограниченности сил взаимодействия.

Из принципов всеобщей взаимосвязи и развития вытекает важнейший теоретико-познавательный вывод материалистической диалектики: истина всегда конкретна, и к оценке каждого события нужно подходить исторически, т. е. рассматривать событие в системе связей и в развитии. Такой подход предполагает в то же время выявление инвариантов в каждом событии, т. е. того, что безотносительно к некоторым преобразованиям и изменениям.

Принципы материалистической диалектики не остаются неизменными по своему содержанию. Они обогащаются и конкретизируются под влиянием развития естествознания, гуманитарных наук и революционной практики. Вместе с тем следует подчеркнуть, что принципы материалистической диалектики являются выводом из всей человеческой практики и поэтому обладают устойчивостью. Но устойчивость не означает неподвижности, окостенелости. Напротив, материалистическая диалектика доказала свою способность ассимилировать и обобщать все достижения современной научно-технической революции.

Н. Н. ШУКИН

СПЕЦИФИКА ПРИНЦИПОВ КАК ЭЛЕМЕНТОВ ДИАЛЕКТИКИ

Термин «принцип», как известно, весьма многозначен. Он употребляется в основном в значении основы, предпосылки, первоначала, руководящей идеи, закона познания, деятельности человека или устройства бытия. При первом же ознакомлении с

этой совокупностью значений можно отметить: а) несомненно присущую им всем общность как основание, обуславливающее единство всех элементов какой-то области явлений; б) дублирование некоторых широко распространенных и апробированных научных понятий (например, закона); в) отнесение термина «принцип» либо к сфере объективной и субъективной реальности в целом, либо только к сфере объективной реальности, либо, наконец, к сфере познания.

Выделение собственной сферы значения рассматриваемого понятия предполагает прежде всего исключение из приведенной совокупности значений тех, которые уже устойчиво закреплены за другими понятиями науки. Это прежде всего относится к понятию закона. Широко распространенные в материалистической диалектике выражения типа «принцип причинности», «принцип противоречивости» и т. п., а также многочисленные принципы в других частных науках нередко являются лишь дословным повторением или переформулировкой того или иного закона. Очевидно, не несет самостоятельной нагрузки и употребление термина «принцип» в значении «закон познания или практической деятельности», «метод». Также неспецифично, на наш взгляд, использование термина «принцип» для обозначения методологического аспекта, функции той или иной категории или пары категорий (принцип содержательности, принцип необходимости, принцип структурности и т. д.). При таком подходе понятие принципа как особой формы систематизации знания, как особого элемента теории диалектики теряет смысл.

Очевидно, нецелесообразно использовать этот термин применительно к объективной (природной и общественной) действительности, так как в последней мы выделяем вещи, свойства, отношения и законы различной степени общности, и выделение этих параметров, похоже, вполне удовлетворяет потребности сегодняшней науки.

Иное положение в сфере познавательной деятельности, в которой мы можем обнаружить определенные исходные положения, установки, определяющие характер и целостность теоретической системы и ее отдельных элементов и не являющиеся в то же время законами в строгом смысле этого слова.

В сфере материалистической диалектики к таким исходным установкам можно отнести принципы существования, материальности (или материалистический принцип), взаимосвязи «всего со всем» (Ленин), взаимодействия, развития, раздвоения единого на взаимоисключающие стороны.

Принцип существования (бытия) предполагает существование как объективной, так и субъективной реальности; «сначала мир должен *существовать*, прежде чем он может быть *единым*»¹, — писал Ф. Энгельс, размышляя о материальном единстве

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 43.

мира. Принцип материальности указывает на характер соотношения между материальной и идеальной реальностями. Принцип универсальной взаимосвязи дает представление о единстве мира. Принцип взаимодействия выводит нас к идее изменения, движения, развития. Сущность диалектического понимания бытия, материальности, связи, взаимодействия, развития выражает принцип противоречивости всего существующего. Последний нельзя отождествлять с законом единства и «борьбы» противоположностей: закон более конкретен, он в известном смысле выводится из принципа.

Принципы обнаруживают себя во всех элементах диалектики — категориях и законах, приводя их в целостную систему знания. Это обусловлено большей абстрактностью принципов как элементов диалектики; большая же абстрактность принципов, в свою очередь, обусловлена тем обстоятельством, что признаки бытия, описываемые принципами, имеют более фундаментальный характер, чем признаки, описываемые категориями и законами диалектики. Мы можем распространить принципы материальности, универсальной связи на представление о каузальной связи, но проделать обратную операцию нельзя. Поэтому при построении системы диалектики возможно движение от принципов к категориям и законам, но не наоборот. Это, однако, не означает, что и в своем генезисе принципы предшествовали возникновению категорий и законов. Скорее наоборот: в ходе человеческого познания принципы возникают как итог, т. е. при познании принципов мы наблюдаем ход мысли от категорий и законов к принципам.

Различие в степени конкретности элементов диалектики обуславливает их функциональное различие. В отношении нефилософского знания методологический статус всех элементов диалектики одинаков. Но в рамках диалектики методологический потенциал ее элементов различен: принципы более императивны и аксиоматичны по сравнению с категориями и законами, так как распространяются и на категории, и на законы и служат основой для их выведения.

Вполне правомерно предположить, что принципы взаимосвязаны не только с категориями и законами диалектики, но и друг с другом, образуя систему принципов, в рамках которой возможно движение мысли от абстрактного к конкретному. Тогда мы сможем выделить ряды принципов, находящихся в отношении субординации, когда один будет конкретизировать другой. Так, без связи между вещами или сторонами вещей невозможно взаимодействие, без взаимодействия — изменение; проникновение же в сущность последнего приводит нас к идее развития.

Очевидно, кроме указанных принципов диалектики имеются и другие. Мы не ставили своей задачей рассмотреть как можно больший перечень принципов диалектики, стремясь указать лишь некоторые их основные черты.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ДИАЛЕКТИКИ

Среди элементов диалектики, приведенных В. И. Лениным в «Философских тетрадах», важное место занимают принципы объективности, развития, связи, причинности и др. Установлению системы и закономерной взаимосвязи этих и других принципов диалектики посвящен ряд работ советских философов (см. работы П. В. Копнина, М. М. Розенталя, З. М. Оруджева, С. Е. Зака, И. П. Головахи, В. С. Добриянова, И. И. Жбанковой и др.). В этих работах предлагаются разные критерии и, соответственно, различные подходы к систематизации принципов диалектики. Если исходить из концепции Ф. Энгельса о том, что принципы абстрагируются из природы и человеческой истории и являются заключительным результатом их исследования¹, то становится понятной актуальность рассматриваемой проблемы.

Принципы диалектики составляют узловые пункты, каркас ее структуры. Поэтому проблема систематизации принципов имеет большое значение в понимании всей системы диалектики, в том числе системы категорий и законов. Система принципов является, с одной стороны, завершением, а с другой, в рамках развитой философии, какой является диалектический материализм, и исходным пунктом, началом систематизации элементов диалектики. Отсюда к систематике элементов диалектики можно подойти двумя путями: от принципов к законам, от них — к категориям или наоборот. Это относится и к систематике принципов. Путь к их систематике, соответствующий истории развития философской мысли, — это путь от систематики категорий к систематике принципов. Систематика категорий привела бы и к систематике принципов. Однако пока не предложена универсальная и общепринятая систематика категорий. Можно ожидать, что систематизация принципов прольет свет и на систематику категорий.

Систематизация элементов диалектики, исходя из системы принципов, предъявляет самые серьезные требования к проблеме начала системы принципов. Из истории философии видно, что философские системы отличались в конечном счете началом (см., например: Парменид — бытие, Гераклит — становление, Пифагор — количество, софисты — явление, Сократ — добро, Аристотель — цель, Гегель — тождество мышления и бытия). Однако истинное начало всех философских систем лежит в другой плоскости. Принципиальное деление философских систем начинается с ответа на основной вопрос философии. Другого более общего

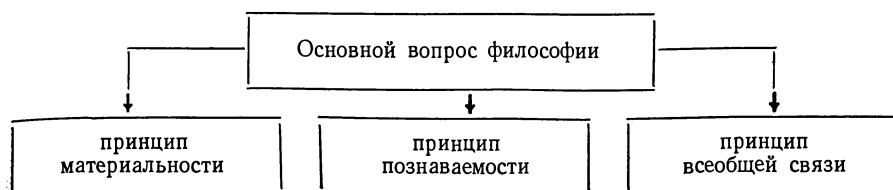
¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 34.

принципа философия не имеет. Поэтому началом систематизации принципов диалектики выступает материалистическое решение основного вопроса философии, т. е. принцип первичности материи по отношению к сознанию. Из этого принципа непосредственно вытекают принцип материальности (независимости материи от сознания), принцип познаваемости, принцип всеобщей связи. Дальнейший ход мысли связан с решением вопроса об экстенсимальных и интенсимальных направлениях систематики принципов. Философские принципы по степени их всеобщности не отличаются, являясь результатом познания всеобщих законов природы, общества и мышления. Различение же их можно проводить по аспекту отражения и по интенсимальной содержательности. Согласно этому критерию, принципы систематизируются по «горизонтали» и по «вертикали». Горизонтальная систематика обусловливается аспектностью принципов, а вертикальная — многоуровневой содержательностью.

Аспектность принципов связана с тем, что одни из них абстрагируются преимущественно в результате познания природы, другие — общества, третьи — самого процесса познания. Можно выделить принципы, отражающие преимущественно объективный мир (онтологические принципы), принципы, отражающие преимущественно субъективный мир (логические принципы), принципы, отражающие преимущественно единство объективного и субъективного мира (гносеологические принципы) и т. д. Единство этих принципов обусловливается, с одной стороны, принципом первичности материи по отношению к сознанию (материалистическим решением основного вопроса философии), а с другой — принципом единства диалектики, логики и теории познания. Конкретизация аспекта отражения принципов обнаруживает и их многоаспектность. Каждый принцип философии, в конечном счете, отражает всеобщие связи. Многоуровневый характер системы принципов обусловлен несколькими факторами. Первый — аспектность принципов. Принципы обобщенные преимущественно в результате исследования материи, определяют природу принципов, обобщенных преимущественно в результате исследования сознания и познания. Второй фактор — общественно-исторический характер философских знаний.

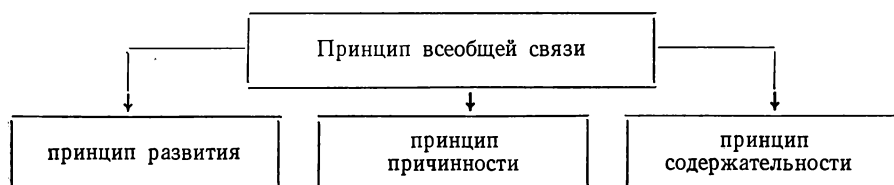
Каждый отдельно взятый уровень философских знаний характеризуется присущей ему содержательностью своих принципов. Принципы развиваются не параллельно. В зависимости от потребностей практики и познания одни принципы развиваются ускоренными темпами, а другие — более медленно; возможно и становление новых принципов. Таким образом, место принципов в системе диалектики определяется аспектными и уровневыми (содержательными) характеристиками.

В местах пересечения аспектных и уровневых характеристик принципов образуются их «гнезда». Исходное, начальное гнездо принципов представляется следующим образом:

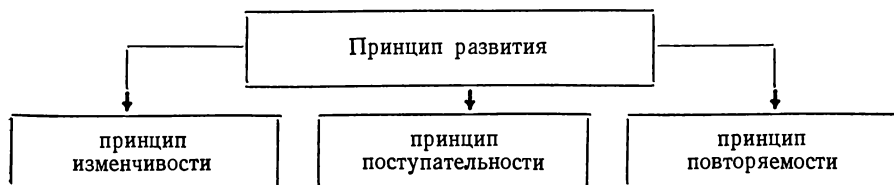

В данном случае число принципов в «гнезде» определялось на основе следующих соображений: основной вопрос философии представляет собой отношение материи и сознания, а само существование этого отношения обусловлено универсальной взаимосвязанностью материального мира. Поэтому принципы материальности, познаваемости и всеобщей связи являются необходимыми и достаточными для раскрытия содержания основного вопроса философии на предельно высоком уровне абстракции. Во всех остальных «гнездах» предложенной здесь систематики принципов их число не имеет строгого логического обоснования. Более того, представляется, что каждое «гнездо» не замкнуто.

Принципы исходного «гнезда», в свою очередь, составляют новое «гнездо» принципов. Например, вокруг принципа материальности группируется целый ряд других принципов: принцип объективности, принцип материального единства мира, принцип неисчерпаемости материи, принцип партийности и др. Принцип познаваемости образует следующее «гнездо»: принцип отражения, принцип единства теории и практики, принцип активности сознания и др. Более подробно механизм «гнездования» рассмотрим на примере анализа принципа всеобщей связи:

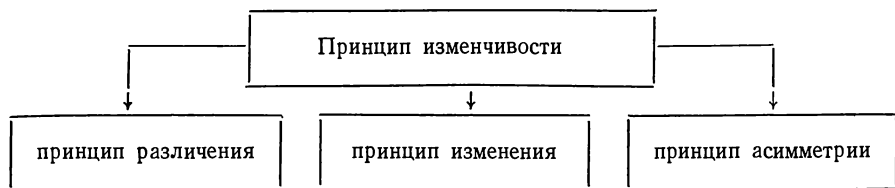

Принцип причинности: принцип генетической обусловленности, необходимость — случайность, возможность — действительность и др. Принцип содержательности: принцип определенности, принцип конкретности, принцип существенности и др.

Принцип поступательности: принцип прогресса, принцип отрицания, принцип восхождения и др.

Принцип повторяемости: возврат к старому, отрицание отрицания, новое и др.

Такую схему можно реализовать для каждого выделенного здесь аспекта. В итоге получили бы некую систему принципов диалектики в виде схемы цепной реакции, в вершине которой — основной вопрос философии, а в основании — категории философии, принципы частных наук, научные понятия. В данной статье представлялось важным выявить начала, критерии различения принципов и отметить гнездообразный характер их систематики.

В заключение отметим, что последовательная систематика принципов приводит к категориальной интерпретации их. Система принципов (законов) и категорий представляет определенную целостность и составляет систему диалектики в целом. Имеется такой уровень систематики принципов, где намечается выход за пределы собственно философских знаний. Например, принципы изменения (сохранения), асимметрии (симметрии) являются уже общенаучными. Это обстоятельство может послужить еще одним методологическим «мостом» между философией и частными науками.

Р. Л. ЛИВШИЦ

К ВОПРОСУ О СУБОРДИНАЦИИ ПРИНЦИПОВ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

«Философствование без системы не может иметь в себе ничего научного»¹. Это положение Гегеля целиком разделяется марксистской философией. Марксистская философия представляет собой открытую (для новых научных достижений) развивающуюся систему². Элементами этой системы являются принципы, законы и категории. Между названными типами элементов марксистской философии существует отношение конкретного тождества. Так, «противоречие» как характеристика определенного способа отно-

¹ Гегель. Соч., т. 1, с. 32.

² См.: Т. И. Ойзерман. К вопросу о марксистском, позитивном понимании философской системы. — «Вопросы философии», 1975, № 7.

шений в некотором фрагменте объективной реальности суть категория диалектики; роль противоречий в движении и развитии раскрывается в законе единства и «борьбы» противоположностей; будучи осознан в его гносеологической функции³, этот закон выступает как принцип противоречия. В настоящих заметках речь пойдет только о принципах марксистской философии, точнее — о их «взаимоотношениях» и отношении к принципам меньшей степени общности.

Элементы каждой целостной системы (а именно такой является марксистская философия) связаны между собой отношениями координации и субординации. Существование субординации предполагает наличие центра (вершины) этой субординации. Что является таким центром, такой вершиной в марксистской философии? На поставленный вопрос, думается, можно ответить однозначно: принцип материализма. Содержание данного принципа заключается в требовании исходить из внешнего, независимого от сознания существования мира. Онтологическим основанием указанного принципа служит материальность мира; центральное положение данного принципа в системе принципов марксистской философии обусловлено тем, что материальность — самая глубокая, самая фундаментальная характеристика окружающего нас мира. Принцип материализма не является в строгом смысле слова принципом познания; точнее, он является принципом не только познания и тем более не только научного познания. Это — самый глубокий мировоззренческий принцип, которым надлежит руководствоваться в практике (во всех ее многообразных видах) и в познании во всех его формах. Отсюда следует, что данный принцип должен быть многообразно конкретизирован применительно к тем специфическим условиям, в которых он применяется. Можно полагать, что в искусстве он трансформируется в виде установки на правдивое воспроизведение жизни, в других видах общественного сознания как-то иначе. Что касается научного познания, то в нем принцип материализма реализуется как принцип объективности рассмотрения.

Ф. Энгельс отмечал в «Людвиге Фейербахе», что стоять на материалистической точке зрения — это значит «понимать действительный мир — природу и историю — таким, каким он сам дается всякому, кто подходит к нему без предвзятых идеалистических выдумок»⁴.

Формулировку принципа объективности рассмотрения мы находим у Гегеля. «Познание истины, — писал Гегель, — полагается в том, чтобы познавать объект таким, каков он есть как объект, свободным от примеси субъективной рефлексии»⁵. Подытожив

³ Философская энциклопедия, т. 4, с. 365.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 301.

⁵ Гегель. Соч., т. 6, с. 162. Следует заметить, что Гегель, в силу своего идеализма, не мог последовательно провести принцип объективности рассмотрения.

это и ряд аналогичных высказываний Гегеля, В. И. Ленин формулирует в своих знаменитых «Элементах диалектики» следующее требование: «Определение понятия самого из себя (*сама вещь* в ее отношениях и в ее развитии должна быть рассматриваема)»⁶. Это же требование в несколько другой редакции звучит так: «*объективность* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)»⁷.

Почему В. И. Ленин поставил объективность рассмотрения на первое место среди элементов диалектики? Ответ напрашивается сам собой. Дело в том, что этот принцип прямо и непосредственно вытекает из материализма.

Существует, по-видимому, еще одна причина этого. В принципе объективности рассмотрения формулируется непосредственная **цель** научного познания. Все остальные методологические принципы указывают на **средства** достижения этой цели. К числу таких принципов относятся, например, принцип развития, принцип самодвижения, принцип противоречия. Действительно, что значит познать то, что **есть**? Это значит, во-первых, познать то, что **стало**, **развилось** до современного состояния, ибо то, что **есть** — это результат того, что **было**, а также исходная база для будущих изменений. Правильное понимание наличного состояния объекта невозможно без учета истории, приведшей к этому состоянию и анализа тенденций изменения. Это значит, во-вторых, объяснить данное развитие, исходя из него самого, «без всяких посторонних прибавлений». Иначе говоря, это значит познать объект в его **самодвижении, саморазвитии**; реализация принципа самодвижения требует вскрытия реальной противоречивости объекта⁸. Это в-третьих. Разумеется, в развертывании принципов познания субъект опирается не на чистую логику, а на практику. Можно предположить, что критерий «цель — средство» в состоянии облегчить задачу выяснения субординации методологических принципов. Кроме уровня общефилософских методологических принципов, существует, по крайней мере, еще три уровня принципов: частнофилософские, общенаучные и частнонаучные принципы⁹. Общефилософские принципы — это принципы рассмотрения объекта в его наиболее глубокой всеобщности. Общенаучные принципы ориентируют на познание объекта как принадлежащего к определенной, изучаемой данным комплексом наук форме движения материи или же к какой-то достаточно общей стороне действительности. Таковы принципы детерминизма, атомизма и инвариантности

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202.

⁷ Там же. Наиболее обстоятельный анализ ленинских элементов диалектики см. в кн.: Ленин об элементах диалектики. М., 1965.

⁸ См.: В. А. Кайдалов. Категория самодвижения в свете ленинской теории познания. — В сб.: Ленинская теория отражения и современность. Свердловск, 1967.

⁹ В классификации методологических принципов мы следуем за В. С. Добряновым. См.: В. С. Добрянов. Методологические проблемы теоретического познания. М., 1968, с. 203—208.

в физике¹⁰, принцип историзма в геологии¹¹. Руководствуясь частнонаучными принципами, исследователь раскрывает специфику объекта, познает объект во всей его единичности и уникальности. В качестве примера такого принципа можно привести правила установления относительного возраста осадков, существующие в геохронологии. Так, из закона напластования Стено вытекает принцип, согласно которому пласты, залегающие выше по разрезу, требуется рассматривать как более молодые в сравнении с теми, что залегают ниже¹².

Итак, «лестнице» отношений «единичное — особенное — всеобщее» соответствует иерархия уровней принципов познания. Поскольку особенное невыводимо без остатка из всеобщего, а единичное — из всеобщего и особенного, нельзя представлять себе дело так, будто каждый нижележащий принцип есть результат простой дедукции из вышележащего. Каждый уровень принципов научного познания и каждый отдельный принцип несут в себе специфическое содержание, несводимое к другим уровням и другим принципам и невыводимое из них. Вместе с тем крайностью было бы игнорировать связь между уровнями методологических принципов и между отдельными принципами. Упомянутый принцип установления относительного возраста осадков «восходит» к более широкому принципу — принципу историзма, этот принцип, в свою очередь, — к принципу развития. А последний, как было показано, «упирается», в конечном итоге, в принцип материализма. Можно предположить, что с какого бы частного принципа мы ни начали, в конечном итоге, мы через ряд опосредующих звеньев придем к принципу материализма.

Из приведенных рассуждений, как можно заметить, «выпал» уровень частнофилософских принципов. Это вызвано тем, что связь данного уровня принципов с определенным «срезом» объективной реальности не столь очевидна и заслуживает отдельного рассмотрения.

Частнофилософскими, по В. С. Добрянову, являются следующие принципы: принцип единства абстрактного и конкретного, принцип единства исторического и логического, структурно-генетический принцип и некоторые другие. Рассмотрим вопрос о субординации принципов на примере принципа единства абстрактного и конкретного. Этот принцип ориентирует субъект на познание системы путем выделения ее абстрактных срезов и последующего перехода к синтезу конкретных определений. Принцип единства абстрактного и конкретного является всеобщим, как любой философский принцип. В то же время его всеобщность иного

¹⁰ См.: И. Я. Лойфман. Принципы физики и философские категории. Свердловск, 1973.

¹¹ См.: Е. А. Куражковская. Принцип историзма в геологии. — В кн.: Пути познания Земли. М., 1971.

¹² См.: Дж. Ферхуген и др. Земля. Введение в общую геологию, т. 1. М., 1974, с. 25.

рода, чем, к примеру, всеобщность принципа целостности. Реализация последнего возможна применительно к любому объекту. Реализация первого возможна только по отношению к объекту, выявившему все (или почти все) свои потенции. Такая разновидность объектов представляет собой подкласс всех объектов, хотя и то, и другое множество объектов — бесконечные множества. По-видимому, и частнофилософские принципы «восходят» к общепhilosophическим. Так, упомянутый принцип единства абстрактного и конкретного, вероятно, связан с принципом целостности.

В. А. КИСЕЛЕВ

ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОСТИ В ДИАЛЕКТИКЕ

Марксистско-ленинская диалектика — это целостная научная система принципов, категорий, законов. В числе ее исходного, первого элемента В. И. Ленин в «Философских тетрадах» назвал принцип объективности: «*объективность* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)»¹. Данный принцип в его трудах рассматривается в онтологическом и гносеологическом аспектах. В. И. Ленин, вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом, при обосновании принципа объективности исходит из первичности объективной диалектики — диалектики природы и общества и вторичности субъективной диалектики, диалектики нашего мышления. «Диалектика *вещей*, — подчеркивал он, — создает диалектику *идей*, а не наоборот»². Онтологический аспект принципа объективности, в сущности, указывает на первичность объективной диалектики, на объективное существование развивающегося бытия, его атрибутов, свойств, которые познает субъект. Данный аспект, являющийся ведущим, определяющим, ориентирует субъект познания прежде всего на исследование диалектики материального мира.

Субъект, практически взаимодействуя с объектом (т. е. частью реальной действительности, на которую направлена его целеполагающая деятельность), познает, отражает в своем сознании законы бытия. Практика, так сказать, «формирует» объект познания в том смысле, что уровень ее развития определяет предметную область, на которую направлена материальная и духовная деятельность субъекта. Через объект, в сферу которого по мере прогресса общественно-исторической практики постоянно и интенсивно вовлекаются новые явления и процессы, субъект познает законы развития материального мира. Они осознаются субъектом как существенные, устойчивые, повторяющиеся связи объективной реальности, бытия. Принципы, категории и законы диалекти-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202.

² Там же, с. 178.

ки суть не что иное, как отражение в мышлении субъекта наиболее общих связей, всеобщих законов развития объективного мира. Поэтому в конечном счете по содержанию объективная диалектика и диалектика нашего мышления совпадают. В этом плане гносеологический аспект принципа объективности — это **объективность самого научного знания**.

Следовательно, принцип объективности как принцип марксистско-ленинской диалектики исходит, во-первых, из материалистического решения основного вопроса философии и тем самым ориентирует на исследование диалектики природы и общества, во-вторых, формулирует ключевую целевую установку для всего научного познания — достижение объективной истины, адекватного образа мира в сознании субъекта. Диалектика требует изучать объект таким, каким он является на самом деле, не привносить в результаты познания субъективных домыслов и измышлений. В данном принципе наиболее ярко выражается единство бытия и мышления.

В настоящее время в разработке принципа объективности, как и в целом теории диалектики, весьма актуальным, но недостаточно разработанным является вопрос о единстве строго научного и оценочного отношения субъекта к объекту. Объективность рассмотрения объекта не противоречит ценностному подходу к нему. Принцип объективности как исходная основополагающая идея диалектики включает в себя оценку познаваемого предмета, явления не только с точки зрения гносеологических, но и аксиологических критериев. Оценки, в которых фиксируется аксиологический подход к объекту, являются составной частью теории диалектики. Научное знание, получаемое в ходе познавательной деятельности субъекта, оценивается и с точки зрения истинности, обоснованности, познавательной ценности, и со стороны его значимости для практики, для преобразования природы и социальных отношений в его интересах. Оценки влияют на выбор предметов, явлений для изучения, отбор фактов и т. д. В свою очередь сами оценки корректируются научным познанием.

Важно подчеркнуть, что оценочный аспект, являющийся органической составной частью принципа объективности, отражает не только сущее, но и должное, которое достигается в материальной целеполагающей деятельности субъекта. Общественно-историческая практика, отмечал В. И. Ленин, выступает не только как критерий истинности научного знания, но и как «определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»³. Из сказанного следует, что неправомерно противопоставлять объективность рассмотрения вещи аксиологическому подходу к ней, что характерно, например, для неопозитивизма (Б. Рассел, Р. Карнап, А. Айер и др.).

Исключение многими буржуазными философами ценностного подхода к изучаемым объектам есть в сущности отрицание прин-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

ципа партийности в диалектике и гносеологии. Такая позиция ведет их к **объективизму**, который, как показал В. И. Ленин еще на примере позиции П. Струве, «оставляет почти вовсе в стороне практические выводы»⁴. Объективность рассмотрения как принцип марксистско-ленинской диалектики включает в себя принцип партийности, оценки объекта, ориентации на практические выводы для субъекта по преобразованию природы и социальных отношений. Благодаря этому диалектика выступает, по выражению В. И. Ленина, как «революционная душа» марксизма.

Принцип объективности неразрывно связан со всеми другими элементами диалектики, в научном познании он реализуется через применение к объекту всех других элементов диалектики. Отметим его взаимосвязь лишь с некоторыми из элементов диалектики.

Чтобы познать объект, адекватно отразить его в сознании, необходимо, по крайней мере, рассмотреть его в двух отношениях: во-первых, со стороны взаимосвязей, многообразных отношений, во-вторых, со стороны развития. Принцип всеобщей взаимосвязи позволяет выделить в изучаемом объекте внешние и внутренние, существенные и несущественные, случайные и необходимые связи, общие и специфические закономерности и т. д. В свою очередь универсальная взаимосвязь конкретизируется в принципах детерминизма и системности. Первый из них отражает актуальные связи между объектами, предметами и раскрывается прежде всего в категориях причины и следствия; второй принцип в концентрированном виде выражает необходимость изучения внутренних связей и сторон объекта, его содержание раскрывается в таких категориях, как часть и целое, элемент и система⁵.

Невозможно всесторонне познать объект, получить объективное знание о нем, не рассмотрев его также в развитии. Это требование предполагает, в первую очередь, рассмотрение объекта как единства и «борьбы» противоположностей, противоречивых тенденций в его развитии. Этой главной, определяющей стороне диалектики объекта и научного познания особое внимание уделял В. И. Ленин. Достаточно сказать, что только во фрагменте «Элементы диалектики» из шестнадцати названных им элементов семь непосредственно раскрывают те или иные аспекты «ядра» диалектики⁶. Объективность рассмотрения объекта как требование диалектики к субъекту познания ориентирует, конечно, и на раскрытие в развитии объекта специфики отрицания старого новым переходом количественных изменений в качественные и т. д. Анализируя объект со стороны его взаимосвязей и развития, субъект получает конкретное знание о нем, как синтез многих определений, как единство многообразного. Тем самым он воспроизводит его в мышлении как «духовно конкретное»⁷.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 353.

⁵ См.: М. Н. Руткевич. Диалектический материализм. М., 1973, гл. 6.

⁶ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202—203.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 727.

ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ ОСНОВЕ ВЗАИМНОЙ СВЯЗИ ПРИНЦИПОВ ДИАЛЕКТИКИ

Для марксистов-философов очевидно, что основой для построения принципов диалектики и их взаимной органической связи должен выступать окружающий нас мир, движущаяся материя, движение как способ бытия материи. Весь категориальный аппарат теории диалектики призван отразить те или иные всеобщие, универсальные, атрибутивные свойства, связи и отношения движения материи. И взаимная органическая связь любых положений теории диалектики, а тем более ее принципов, должна проистекать из органической связи самих всеобщих свойств и отношений движения материи.

Для подтверждения этого тезиса остановимся на принципах относительности конкретного, противоречивости как единства устойчивости и изменчивости, диалектического монизма.

В чем смысл каждого из указанных принципов?

Принцип относительности конкретного требует признания локальной и исторической ограниченности, преходящего характера всех конкретных состояний, свойств и отношений движущейся материи.

Принцип противоречивости как единства устойчивости и изменчивости вскрывает синтетическую природу понятия движения, указывает на единство в нем моментов изменения и сохранения¹.

Принцип диалектического монизма сводится к трем требованиям: 1) чтобы все понятия, категории и законы теории диалектики выводились, объяснялись, приводились в органическую связь с понятиями движения и развития; 2) чтобы все основные онтологические положения философского материализма были выражены на языке диалектики; 3) чтобы под все главные гносеологические положения философского материализма были подведены онтологические, объективно-диалектические основания².

Обратимся к первому принципу. Нетрудно показать, что он есть непосредственное выражение одного из общих свойств движения, а именно — относительности движения в философском смысле. Все мы понимаем абсолютность движения в духе высказываний Ф. Энгельса и В. И. Ленина как всеобщность, непреложность, обязательность движения как способа существования материи. Это означает, что все состояния в мире изменчивы и что их внутренним содержанием выступают процессы. Относительность движения состоит в том, что абсолютная природа движе-

¹ Подробнее см.: В. И. Свидерский. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965, гл. 1.

² См.: В. И. Свидерский. О принципе диалектического монизма в философии. — В сб.: Философские и социологические исследования. Л., 1968.

ния проявляется всегда и только в конкретных, локально и исторически ограниченных, преходящих и в этом смысле относительных формах. Абсолютность и относительность движения в приведенном философском смысле выступают как типичные полярные понятия диалектики, с характерным для последних взаимоположением, взаимоисключением, взаимопереходами и т. д.

Рассмотрим теперь смысл принципа противоречивости как единства устойчивости и изменчивости. Этот принцип является обобщенным выражением того фундаментального факта, что движение, по существу, есть единство двух взаимоисключающих моментов — изменчивости и устойчивости, причем изменчивость выражает внутреннее содержание любых состояний движущейся материи, а устойчивость характеризует сохранение, пребывание самого этого состояния изменения. Рассматривая пребывание, сохранение во времени любого изменения как состояние, противоположное изменению, как покой, неизменность, мы логически вправе заключить и обратное, т. е. что любой покой есть лишь выражение состояния движения, пребывание какого-то процесса изменения.

Итак, выясняется, что принципы относительности конкретного и противоречивости непосредственно характеризуют общие свойства движения материи: первый связан с пониманием абсолютности и относительности движения, а второй вскрывает противоречивую сущность движения, представляющую единство изменчивости и устойчивости при ведущей роли изменчивости.

Обратимся теперь к принципу диалектического монизма. Его органическая связь с движением материи выражена уже его содержанием, а именно требованием объяснения, истолкования всех основных положений диалектики и материализма с позиций свойств и отношений движения и развития. Однако сказанным дело не ограничивается. По нашему мнению, понятия материи, бытия, единства мира; пространства, времени, бесконечности, вторичности сознания и др. не имеют смысла без связи с понятиями движения и развития и, более того, могут быть выражены категориальным аппаратом теории диалектики.

Так, при соотношении с понятием движения понятие материи приобретает значение носителя, субстрата всех состояний изменения. Онтологический аспект понятия материи, представляющий материю в качестве субстанции, всеобщего содержания, основы, первичного и определяющего по отношению ко всем ее конкретным состояниям, также имеет смысл только потому, что в результате движения общая природа материи проявляется в ее бесконечно многообразных конкретных состояниях, свойствах и отношениях, локально и исторически ограниченных, т. е. относительных по своей природе опять же в силу движения. Предложение некоторых ленинградских философов понимать под материей определенную «систему самосогласованных атрибутов» также в своей основе имеет связь понятия материи с понятием движения, ибо

все атрибуты материи суть не что иное, как выражение коренных свойств движения. Наконец, гносеологическое рассмотрение материи как объективной реальности, отражаемой человеческим сознанием, также приобретает смысл лишь в свете того, что материя обладает движением.

Именно движение материи приводит на определенной стадии его к появлению такого конкретного свойства, как сознание, и именно в силу движения возможно отражение сознанием материальных состояний. Наконец, первичность материи по отношению к сознанию непосредственно выражает первичность абсолютной природы движения материи по отношению ко всем относительно конкретным формам и проявлениям движения материи, и в том числе к сознанию как конкретному и относительному свойству движущейся материи.

Возьмем теперь философское понятие бытия, существования. Существовать — значит изменяться и одновременно пребывать. Стало быть, понятие бытия, существования органически включает в себя противоречивую природу движения — единство в нем моментов устойчивости и изменчивости. Сказать о чем-либо, что оно есть, уже означает приписать данному объекту в каком-то смысле свойство двигаться, связать его с движением. Следовательно, поскольку существование возможно лишь как движение, и, наоборот, движение — это и есть существование, то тем самым лишний раз подтверждается объективный диалектический характер самой действительности.

Итак, на основе приведенных положений о том, что мир есть движущаяся материя, что движение есть способ бытия материи, что само понятие бытия, существования тождественно понятию движения как единства устойчивости и изменчивости, что покой есть всегда пребывающее состояние движения, что само понятие материи не имеет смысла без соотношения его с понятием движения и т. д., наконец, учитывая основополагающую роль общих свойств движения во всех проявлениях и отношениях в мире, следует, как нам думается, принять принцип диалектического монизма в единстве с принципом материалистического монизма как руководящее начало при подходе к пониманию действительности. При этом ясно, что данный принцип обобщает другие принципы подхода к миру с позиций представлений о движении и развитии и выдвигает большую программу истолкования всего категориального аппарата теории диалектики и философского материализма в плане понятий движения и развития.

В. И. ПЛОТНИКОВ

ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ В ДИАЛЕКТИКЕ

Систематическая разработка диалектической теории развития, будучи важнейшей задачей научной, марксистско-ленинской философии, предполагает выяснение сущности каждого из элементов

диалектики и в их числе — принципа развития. В советской философской литературе сделано много для реализации задачи, поставленной В. И. Лениным, который указывал, что «всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи etc.»¹. Меньше внимания уделяется раскрытию внутреннего содержания и функционального смысла принципа развития в процессе познания, анализу этих моментов с позиции единства диалектики, логики и теории познания.

В качестве принципа, т. е. особого элемента диалектически развивающегося знания, принцип развития есть **логическое** образование. Всякий принцип есть такой результат познания, который способен стать началом, т. е. организовать дальнейшее приращение знания. В принципе обобщается не всякий результат предшествующего знания, а только такой, который для данной области обладает абсолютной всеобщностью. Логическая природа принципа вынуждает его работать особым образом, оценивая всякое новое знание в качестве всеобщего, трансформируя это знание для своей области, границы которой все более четко определяются. Всякий принцип, в том числе принцип развития, есть поэтому само себя воспроизводящее противоречие: принцип претендует на абсолютность, но таковая всякий раз утверждается лишь относительно, через иное; он претендует на всеобщность, но последняя может быть усмотрена лишь в особенном; по своему содержанию (применительно к конкретной действительности) принцип есть выражение величайшего внутреннего беспокойства, ибо его претензия на абсолютную власть должна быть доказана, но по своей внешней форме принцип невозмутим и даже тривиален. Если принцип узнает в объективном знании свое собственное содержание, он сохраняет стереотипность своей абсолютной формы («все развивается») и готов к дальнейшему функционированию.

В системе принципов материалистической диалектики принцип развития **уникален** по своему содержанию и в этом аспекте выступает уже как **гносеологическое** образование.

Гносеологическая уникальность принципа развития может быть понята лишь в границах логического тождества, т. е. в сфере всеобщего и через сопоставление с другими принципами, обладающими тождественной уникальностью. В этом аспекте принцип развития (как и любой другой) также является в себе сущим противоречием, но уже иного рода: будучи уникальной всеобщностью, принцип развития может функционировать в качестве **особенного**, утверждающего свою предельность и ограниченность теоретически во множестве определений, соотносительных с определениями изменения, движения, причинности, связи, взаимодействия и т. п.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

В своем узком смысле изменение есть противоположность покоя, устойчивости, неизменности. Принцип развития доказывает свою уникальную всеобщую природу, снимая отмеченную противоположность и очерчивая свою область как сферу устойчивого изменения и, соответственно, как изменяющейся устойчивости. Развитие есть их (изменения и устойчивости) диалектическая связь или, говоря иначе, историческое изменение.

Столь же специфично взаимоотношение развития и связи. Связь есть (опять-таки в узком смысле) порядок сосуществования и взаимодействия разного и как таковая есть противоположность хаоса, бессвязности, неупорядоченности. Развитие есть иное по отношению к связи в том смысле, что оно характеризует превращение неупорядоченности в порядок, хаотичности в специфическую связь, или, говоря иначе, развитие есть направленное превращение неупорядоченного в определенный порядок взаимодействия.

Взаимодействие (в себе) есть активное отношение разного, направленное друг на друга. Его противоположностью является уже не хаос (предполагающий случайное воздействие неупорядоченного), а раздельность сосуществования разного. Развитие есть опосредованное основанием взаимодействие и опосредованное обособление разного.

В свою очередь развитие специфично по отношению к опосредованию и его противоположности — непосредственному, прямому. Развитие есть непрерывное раздвоение опосредствующего основания, превращение опосредствующего в непосредственное и тем самым причинное порождение последнего.

Особенно важно разобраться в отношении развития и причинности. Причинность выступает в качестве асимметричного взаимодействия, в котором воздействие одного является настолько преобладающим, что может быть выявлена определенная тенденция в изменении другого (следствия), фиксируемая как его порождение. Как форма всеобщности причинность безразлична к способу порождения и противоположна функциональной связи, где нет однонаправленного порождения. Развитие есть также отношение порождения, но порожденное выступает здесь как «свое иное», как новое состояние того же самого. Поскольку развитие предполагает рождение из единого основания некоторого многообразия явлений, взаимосвязь последних по отношению к своему основанию и друг к другу делает возможным включение в состав развития не только причинности, но и функциональной связи. Но поскольку и развитие и причинность органически связаны с субстанциональной активностью, причинность может быть понята как микрокосм развития, а развитие — как устойчивая связь причинных актов, или, иначе, как такое повторяющееся порождение, которое выражает тенденцию, связывающую во времени изменяющееся многообразие (генетическая связь).

Подобным образом, но уже на новом уровне, соотносятся раз-

витие с генетической связью и ее противоположностью — функционированием. Развитие тождественно с генетической связью (и существенно отличается от функционирования) по своему основному результату — непрерывному порождению нового. Однако ни тождественность в одном отношении, ни существенное различие в другом не абсолютны. Развитие отличается от генетической связи по способу порождения нового: в генетической связи непрерывно и всякий раз по-новому воспроизводится само основание; напротив, в процессе развития новое рождается из основания, производится последним. В связи с этим принцип развития работает одинаково эффективно применительно и к материи в целом и к любому ее конкретному образованию. Генетическая связь, напротив, наилучшим образом объясняет процесс воспроизводства той или другой специфической формы движения материи (например, биологической или социальной). Развитие и функционирование в свою очередь обладают моментом совпадения — устойчивостью изменений, что и позволяет функционированию входить в состав развития, выступая его своеобразной задержанной формой.

Наиболее сложный характер имеет взаимоотношение развития и движения. В зависимости от аспекта исследования развитие может выступать и в качестве момента движения, рассматриваемого в плане абсолютного круговорота материи как способа ее бытия, и в качестве самостоятельного атрибута материи, понимаемого в смысле исторической связи основных форм движения материи. С таких же позиций может рассматриваться и движение. Не входя в обсуждение многих сторон этой дискуссионной проблемы, отметим, что восхождение от причинной связи к связи генетической и от нее — к исторической связи основных форм движения материи, способно, на наш взгляд, в значительной степени приблизить к раскрытию атрибутивности развития и тем самым абсолютного смысла принципа развития в познании объективного мира.

Таким образом, уникальность содержания принципа развития, его особая роль в ряду всеобщего могут быть раскрыты категориально через его специфическое и многообразное отношение ко всем другим философским принципам.

В качестве диалектического единства всеобщей логической формы и уникального гносеологического содержания принцип развития есть **методологическое** образование, т. е. особое работающее средство деятельности и познания, оценки и преобразования сущего в интересах человечества как всеобщего субъекта.

Как работает принцип развития в условиях современного научного знания? Возникновение или обнаружение нового факта (первый коммунистический субботник, находка латимерии, возникновение современной экологической ситуации и т. д.) немедленно приводит в действие всю систему познавательного и практического отношения к нему совокупного человечества. Принцип развития в этот начальный момент представляется крайне общей

абстракцией, имеющей весьма отдаленное отношение к рассматриваемому факту. Глубокий разрыв между абсолютной формой принципа развития («неразвития нет»), аккумулировавшего в себе прошлый опыт, и кажущейся исключительностью всякого нового единичного факта вынуждает искать связь между ними. На первой стадии познания факт анализируется с точки зрения причинной связи, выяснение которой (для коммунистических субботников — глубокий перелом в отношении людей к труду в процессе социалистической революции; для бытия «живых ископаемых» — особо устойчивая «застойная» среда; для кризисных экологических явлений — бесконтрольное изменение среды, обусловленное стихией буржуазных отношений) позволяет установить связь настоящего с непосредственно порождающим. Принцип развития на этой стадии работает опосредованно, выступая в качестве отдаленной цели, отношение которой к принципу причинности, объясняющему факт, далеко не всегда осознается. На второй стадии анализируется с позиции генетической связи уже не столько сам факт, сколько конкретная причинная связь, в которой факт получил свое первичное теоретическое объяснение (новое коммунистическое отношение к труду становится в связь с исторически меняющимися формами отношения к труду, начиная с его зарождения; «застойные» условия рассматриваются в геологическом масштабе времени, позволяющем увидеть генезис самых древних форм животного и растительного мира; экологическая обстановка сопоставляется с характером исторически сменяющих друг друга общественно-экономических формаций и т. д.). Генетическая стадия исследования помогает понять факт во времени и тем самым в развитии, всеобщая форма которого еще скрыта, однако, за специфической природой рассматриваемых явлений. Лишь на последней стадии, когда выявляется всеобщая форма возникновения и развития всякого исследуемого явления (раздвоение единого) и становится ясной историческая связь явлений, принцип развития обретает свою абсолютную форму, погружая в себя единичный факт и обоснование его специфической обусловленности.

Таким образом, сущность принципа развития не только в констатации того, что все развивается (это утверждение есть логический итог познания), и не только в требовании подходить исторически к любому явлению (это требование играет роль начала всякого нового познавательного акта), но еще и в такой организации приращения нового знания, которая ориентирует на исследование противоречий, лежащих в основе вечного саморазвития материи. Не случайно В. И. Ленин характеризовал диалектику как «учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии»².

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 84.

ИСТОРИЗМ КАК ПРИНЦИП ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

В системе элементов диалектики одно из центральных мест занимает принцип историзма. Этот принцип является важнейшим требованием диалектической логики и состоит, как отмечал В. И. Ленин, в том, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении», изменении. Поскольку все без исключения явления возникают, развиваются, изменяются, т. е. носят исторический характер, то познание любого предмета может быть истинным, диалектическим только тогда, когда оно также будет иметь исторический характер. Именно это обстоятельство подчеркивал В. И. Ленин, когда писал, что «диалектика включает историчность»¹.

Те или иные рациональные идеи о принципе историзма в целом и об отдельных его сторонах были высказаны в домарксистской (особенно в гегелевской) философии. Однако подлинно научный историзм впервые был создан классиками марксизма-ленинизма на основе «снятия» всех предшествующих концепций. Марксистский историзм коренным, существенным образом отличается от всех других его форм. Эти отличия обусловлены, во-первых, принципиально иным пониманием развития как **саморазвития материи**; во-вторых, субстратом, «носителем» саморазвития является **органическое** целое как **материальная** система; в-третьих, саморазвитие невозможно **вне времени**, «которое является основным условием всякого развития» (Энгельс); в-четвертых, в марксистско-ленинской философии принцип историзма (как и все другие элементы диалектики) разрабатывается на основе признания решающей роли практики, чувственно-материальной деятельности людей, в познании и преобразовании действительности.

Применение принципа историзма в научном исследовании невозможно без последовательного проведения всех других принципов, элементов диалектики в их единстве и взаимосвязи, и прежде всего таких, как объективность рассмотрения, всесторонность рассмотрения, конкретность рассмотрения, принцип противоречия и многие др. Причем все эти элементы должны применяться не до и не после историзма, и даже не наряду с ним, а должны пронизывать каждый момент, каждый шаг исторического подхода.

Из каких же основных элементов, сторон состоит историзм как всеобщий логический принцип? Таких главных элементов, на наш взгляд, четыре: а) анализ «настоящего» как исходный пункт исторического рассмотрения; б) выяснение генезиса, происхождения

¹ Ленинский сборник. Изд. 2-е, 11, с. 384.

предмета; в) прослеживание основных этапов развития предмета; г) выявление главных тенденций развития предмета.

Внутреннее единство, взаимосвязь этих элементов и образуют структуру принципа историзма. Рассмотрим кратко каждый из названных элементов.

Для осуществления принципа историзма необходимы хотя бы приблизительные, общие предварительные сведения об изучаемом объекте, о его важнейших свойствах, функциях и т. д. «Надо сначала знать, что такое данный предмет, — формулирует это положение Ф. Энгельс, — чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят»². А эти сведения могут быть получены только на основе изучения результата, итога того процесса, который исследуется, т. е. изучения «настоящего», современного состояния предмета исследования.

Предмет, как он дан нам «теперь», в «настоящем» — это та «отмычка», которая позволяет открыть «тайну» его «прошлого» (генезис и этапы его истории) и выяснить тенденции его развития. Именно это обстоятельство К. Маркс выразил в своем известном афоризме: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны» и в «Капитале» подчеркнул, что «размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* [задним числом], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития»³. А эти «готовые результаты процесса развития» выступают перед исследователем прежде всего в форме «настоящего», которое и является поэтому исходным пунктом исторического рассмотрения. В этой связи необходимо отметить следующее.

Во-первых, само «настоящее» может быть различной степени развитости и поэтому очевидно, что чем более зрелым, развитым является «настоящее», тем (при прочих равных условиях) более достоверными и истинными будут наши знания как об этом «настоящем», так и о всей истории предмета.

Во-вторых, характерной отличительной особенностью марксистского историзма является творческий, критический подход к настоящему. При этом исторический подход не допускает ни произвольной модернизации истории, ни искусственной ее архаизации. Утверждая, что изучение современности является ключом к пониманию прошлого, диалектический материализм подчеркивает, что это именно «ключ», а не изучение самого прошлого, которое может быть принципиально иным, даже прямо противоположным «настоящему». Поэтому-то марксистский историзм далек от абсолютизации «современной точки зрения», как это делают сторонники презентизма — К. Беккер, Ч. Бирд, К. Поппер и др.

Последовательное проведение принципа историзма в качестве

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 303.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 85.

важнейшего необходимого момента включает в себя, как отмечал В. И. Ленин, понимание того, «как известное явление в истории возникло», т. е. **выяснение генезиса** изучаемого предмета, его происхождения. Проблема генезиса явления весьма сложна и чрезвычайно актуальна для современной науки и практики. Однако эта проблема все еще, на наш взгляд, слабо разработана в нашей философской литературе. Основными категориями, с помощью которых необходимо выражать процесс генезиса, являются, с нашей точки зрения, категории «предпосылки», «начало», «становление». Однако не сами по себе эти категории отражают процесс происхождения, а их взаимосвязанная, субординированная система, где исходной выступает категория «предпосылки».

Предпосылки явления — это предметы, процессы — вообще, как говорил Гегель, «тот разбросанный и ожидающий своего применения материал», который возникает во времени раньше данного явления (в недрах предшествующего явления, внутри его), существуя до него и независимо от него. Предпосылки предмета — это его «пролог», предыстория, они находятся вне того пункта, с которого начинается действительная история предмета. Любой предмет появляется только тогда, когда имеются налицо полностью все его предпосылки, и возникает как качественно своеобразный продукт их органического взаимодействия.

При этом одни из этих предпосылок непосредственно являются «строительным материалом» для предмета и после его возникновения они в измененном и преобразованном («снятом») виде входят в его состав, в его содержание и становятся взаимодействующими сторонами его как единого целого организма, результатами его бытия, формами его собственного жизненного процесса. Предпосылки другой группы только содействуют возникновению предмета, не образуя материал его субстанции, не входя непосредственно в его состав, в его содержание, или, наоборот, препятствуют этому возникновению и даже делают возникновение предмета в данных условиях невозможным. Предпосылки этой группы образуют ту среду, ту обстановку, на фоне которой то или иное явление возникает, а потом — в которой оно существует и развивается. Различие между этими двумя взаимосвязанными видами предпосылок относительно.

Вновь возникшее явление ассимилирует свои предпосылки, переплавляет, поглощает их, строит из них и при помощи их свое тело, преобразует их сообразно своей собственной природе, подчиняет их своим требованиям и законам, воспроизводит их своим собственным развитием как результаты своего бытия.

Нет ни одного явления, которое бы возникло «из ничего», без предпосылок. Всякое новое возникает из недр предшествующего ему старого, на основе тех предпосылок, которые создаются внутри этого старого. Это присуще всем без исключения явлениям, ибо это объективная необходимость, т. е. всеобщий закон.

Однако предпосылки предмета еще не есть сам этот предмет как

таковой, а только его предыстория. Поэтому чрезвычайно важно (хотя это очень трудно) при проведении принципа историзма уметь правильно отграничить предпосылки предмета от самого предмета, процесс подготовки предмета от процесса его движения «в самом себе», когда он уже существует, и правильно определить **начало** — исходную отправную точку развития предмета, тот пункт, с которого начинается его действительная история. (Понятие «начало» имеет и другие, кроме названного, аспекты, которые мы здесь не рассматриваем).

Верное установление начала каждого конкретного предмета возможно только тогда, когда правильно определена специфика предмета, его качественная определенность (об этом мы говорили ранее) и когда познание руководствуется определенными объективными критериями начала. Каковы же эти критерии?

Исходя из анализа конкретных процессов реальной действительности, можно предложить следующие **критерии начала явления**. Явление начинается с того момента, когда оно: а) появляется как целое, хотя еще и не законченное, не завершенное, как внутренне самостоятельная, органически взаимосвязанная система всех своих предпосылок (элементов), хотя эта система еще полностью не оформленная, не зрелая, не развитая; б) встречается не спорадически, эпизодически, случайно, как аномалия, не в виде исключения, а систематически, регулярно; в) приобретает определенную прочность, известную устойчивость и достаточную широту распространения; г) однажды возникнув, появившись в каком-либо месте, уже не исчезает, а «пускает корни» и развивается вширь и вглубь, т. е. когда имеется в виду дальнейшее поступательное движение, в процессе которого данное явление успевает в определенной мере развернуть свою сущность. Указанные критерии должны применяться не по отдельности, а в единстве, во взаимосвязи, одновременно, иначе они не «сработают», не окажутся полезными для познания. Данные критерии характеризуют начало прежде всего со стороны качества, вместе с тем начало имеет и количественную сторону, т. е. любой предмет возникает всегда в определенное время, притом само его возникновение имеет определенную продолжительность во времени, которую можно измерить, и т. д.

В качестве софистических искажений диалектики начала можно назвать следующие: а) предпосылки и законы первоначального возникновения какого-либо явления (когда его нигде еще не было) смешиваются с предпосылками и законами возникновения этого же явления, когда где-либо такие же явления уже существуют; б) отдельные элементы, «кусочки», части явления выдаются за все явление в целом, история и законы предпосылок отождествляются с историей и законами самого явления; в) недооцениваются или совсем отвергаются предпосылки явления.

Любое новое явление, которое только началось, проходит такой специфический этап своего формирования, как **становление**.

Необходимость этого этапа обусловлена тем, что хотя вновь возникшее явление уже представляет собой некоторое целое, определенную систему, эта система еще полностью не оформлена, не расчленена, не созрела, не развернула все свои свойства, моменты и стороны. Становление системы целостностью — важнейший момент ее развития. Оно означает, что предмет приобрел уже определенное направление своего развития. Процесс становления характеризуется нераздельностью, органическим единством возникновения нового и прехождения, уничтожения старого, однако ведущей противоположностью здесь является новое, которое растет и укрепляется. Вот почему «состояние перехода... от старого к новому, — есть состояние роста этого нового»⁴, его утверждение и упрочение.

Важнейшая закономерность процесса становления состоит в том, что в этот период своей истории явление одновременно, во-первых, поглощает, ассимилирует все свои предпосылки, подчиняя их своим требованиям и законам, делая их моментами своего движения, и, во-вторых, создает еще недостающие ему стороны, элементы и качества. В период становления начинают действовать новые законы, свойственные возникшему новому явлению, и вместе с тем еще сохраняют действие некоторые из законов предшествующего ему старого явления. Появление тех и других осуществляется в форме борьбы противоположных сил. Потому характерной особенностью процесса становления является обилие различных противоречий — старых, которые разрешаются, и новых, возникающих, — их сочетание и взаимодействие.

В результате процесса становления явление, возникнув как незаконченная, нерасчлененная система, превращается, в строгом смысле слова, в целостную, завершенную, дифференцированную, в полной мере сформировавшуюся систему.

Изучив генезис явления, познание должно затем выяснить, «какие главные этапы в своем развитии это явление проходило»⁵, т. е. **выявить основные периоды его истории**, изучив предварительно по возможности все фазы его эволюции (необходимые и случайные, существенные и несущественные и т. п.). Здесь сразу же возникает проблема периодизации и ее основания.

Можно выделить два основных способа периодизации: а) формальный — когда берут одну из сторон исследуемого предмета, один из его признаков, изолируют его и кладут в основу деления; б) диалектический — когда источником деления является основное противоречие предмета. Главные этапы развертывания этого противоречия и есть не что иное, как главные, необходимые этапы истории данного явления.

Последовательное применение принципа историзма предполагает использование обоих видов периодизации в их единстве и

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 154.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

взаимосвязи. При этом на начальных этапах исследования, на уровне «явления», преобладает формальная периодизация. Когда же познание поднимается до уровня «сущности», то здесь господствующей является диалектическая периодизация, которая не отвергает формальную периодизацию, а содержит ее в себе в «снятом виде».

При прослеживании основных этапов истории предмета очень важно правильно понимать имеющуюся здесь диалектику общего и единичного и не искажать ее. В самом общем виде главная задача познания в этом плане состоит не столько в том, чтобы выделить те признаки, определения, моменты и т. п., которые общи всем ступеням развития данного конкретного явления, сколько в том, чтобы найти специфические особенности каждой из этих ступеней и не забывать их существенные отличия как от того общего, которое лежит в их основе, так и друг от друга. При этом мышление должно не просто зафиксировать, с одной стороны, общие (свойственные всем ступеням), с другой — единичные (свойственные одной из ступеней) определения, а обязано найти особенное, т. е. внутреннее единство общего и единичного, вскрывать их глубокую имманентную диалектику, найти всю цепь посредствующих звеньев, через которые осуществляется взаимопереход общего и единичного и разрешается противоречие между ними.

Из основных софистических искажений диалектики общего и единичного при анализе этапов истории предмета можно назвать следующие: а) закономерности высших (конкретных) ступеней сводятся к закономерностям более низких (абстрактных) ступеней; б) закономерности низших фаз развития механически переносятся на высшие, закономерности последних объясняются закономерностями первых; в) закономерности какой-либо одной ступени развития предмета распространяются на всю его историю; г) закономерности, присущие всей истории предмета, т. е. свойственные всем ступеням его развития (общие всем им), распространяются лишь на одну из его ступеней; д) фиксируется, с одной стороны, общее, с другой — единичное, но не вскрывается их единство, не анализируются посредствующие звенья, связывающие общее и единичное.

Принцип историзма включает в себя не только изучение генезиса исследуемого предмета и этапов его развития, но и определение главного направления, основной тенденции его дальнейшего развития. Иными словами, последовательное проведение принципа историзма предполагает предвидение будущего. Поскольку этот элемент историзма в нашей литературе исследован довольно обстоятельно, мы не будем на нем останавливаться более подробно, а отметим лишь следующее. Предвидение будущего — завершающий момент исторического рассмотрения, и его точность и достоверность определяются тем, насколько глубоко и обстоятельно исследованы два предшествующих состояния — «настоящее» и «прошлое». При этом следует иметь в виду, что образ будущего обнаруживается в настоящем в виде тех внутренне присущих ему

конкретных противоречий, которые созревают в ходе исторического процесса, обостряются и требуют своего реального разрешения.

Итак, историзм есть всеобщий логический принцип, состоящий из рассмотренных выше основных элементов, находящихся во взаимной, субординированной связи между собой. Хотя историзм как принцип диалектической логики имеет универсальное значение, однако при своем применении в конкретном научном исследовании он соответствующим образом «преломляется», получает ту или иную специфическую форму проявления. В зависимости от предмета той или иной науки, характера решаемых ею задач, целей исследования и т. д., при проведении данного принципа не всегда все его стороны «используются» равномерно; а чаще всего выдвигается на первый план та или иная из его сторон, на которую в данном случае делается акцент. В одном случае большее внимание уделяется, например, выяснению генезиса предмета, в другом — этапов его развития и т. д. Поэтому-то историзм выступает в таких специфических формах своего проявления, как сравнительно-исторический подход, актуализм, генетический метод и др. Однако при этом нельзя забывать и полностью отвлекаться от тех моментов историзма, которые не «работают» при данных конкретных обстоятельствах, ибо так или иначе они «в снятом виде» присутствуют в любом исследовании и их всегда необходимо иметь в виду.

Л. Н. ЛЯХОВА

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ РАЗВИТИЯ И ЕДИНСТВА МИРА

Одну из важнейших задач материалистической диалектики В. И. Ленин видел в том, что «всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить со всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи etc.»¹. Необходимость решения этой задачи определяется тем, что диалектика есть не только учение о наиболее общих законах развития, но и учение о связях; следовательно, принципы развития и взаимосвязи являются ее основополагающими, фундаментальными принципами. Принцип единства мира есть, в сущности, обобщающая, интегральная форма принципа взаимосвязи, показывающая, что «отношения каждой вещи (явления etc.) не только многообразны, но всеобщы, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с *каждой*»².

Конкретные попытки решения данной проблемы в нашей литературе привели к определенным трудностям, порожденным неко-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

² Там же, с. 203.

торой нечеткостью в трактовке как характера единства мира, так и его развития. Трудности эти хорошо заметны в концепции, получившей у нас широкое распространение и наиболее полно разработанной С. Т. Мелюхиным. Согласно этой концепции, большой ошибкой является трактовка единства мира как его вещественно-субстратного единства, поскольку бесконечность и неисчерпаемость материи делают невозможным существование какой-либо качественно однородной «праматерии». Столь же неверно было бы понимать единство мира как его системно-функциональное единство, ибо отсутствует непосредственная, актуальная связь любого материального объекта со всеми остальными, а без этого не может быть и речи о системе. Реальное единство мира заключается лишь в том, что всем его объектам и процессам присущи универсальные атрибуты и закономерности, отражаемые законами и категориями диалектики³. Тем самым связь принципов единства мира и развития в самой общей форме сводится к констатации факта всеобщности законов и категорий диалектики. Всеобщность их в таком случае принимается как изначальная данность, как постулат, ниоткуда не выводимый и ничем не обоснованный.

Отказ от вещественно-субстратного и системно-функционального аспектов единства мира обусловлен, как нам представляется, несколько упрощенным их пониманием. Так, единство субстрата понимается у нас обычно только как наличие однородного исходного первовещества, общего для всех материальных образований; но оно может заключаться также в непрерывности цепи превращений и взаимопереходов различных его форм. Возможность превращений обусловлена некоторым сходством, тождеством субстрата исходной и возникающей форм, но из этого еще не следует, что вся непрерывная совокупность форм представляет собою модификации одного и того же сохраняющегося, пребывающего в них субстрата. Признание функционально-системного аспекта единства мира также не противоречит духу и логике диалектического материализма: классики марксизма (например, Ф. Энгельс и В. И. Ленин) неоднократно писали о мире как целом, о природе как связанном целом, о закономерной связи всего процесса мира и т. п.⁴, и это не были случайные оговорки или метафорические выражения.

Само понятие единства богато различными оттенками значения. Еще Аристотель выделял четыре основных значения этого понятия: единое как непрерывное, как целостность, как единичное и, наконец, как общее понятие, выражающее то, «что есть причина единства сущностей»⁵. Эти аспекты единства связаны между собою и взаимно полагают друг друга. Вопрос о характере взаимосвязи различных форм единства имеет богатую историко-фило-

³ См.: С. Т. Мелюхин. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966, с. 61—75.

⁴ См., в частности: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 92, 135.

⁵ Аристотель. Соч., т. 1. М., 1975, с. 252.

софскую традицию (Платон, Аристотель, Гегель и др.). Идеализм, как правило, считал исходной формой единство мысли, понятия, выражающего родовую сущность; старый материализм усматривал «ключ к универсальной системе природы» в непрерывности переходов между различными формами и уровнями организации материи⁶, и эта точка зрения представляется вполне рациональной и заслуживающей дальнейшего развития и углубления в марксистской философии.

Итак, относительно исходным проявлением единства мира является единство его субстрата, реализующееся в процессе непрерывных и бесконечных взаимопереходов различных форм материи. Любой материальный объект, любая форма материи способны либо прямо, либо через ряд промежуточных ступеней превратиться в любую другую форму, и следовательно, все объекты и формы материального мира связаны между собой как отдельные фазы всеобщего круговорота материи, в котором, как писал Энгельс, нет ничего устойчивого и постоянного, кроме самой материи и ее движения. Среди этих текущих форм и состояний нет и не может быть какого-то особого, фундаментального уровня, сохраняющегося в потоке изменений и порождающего все другие уровни и формы; речь может идти лишь об относительно устойчивых для какого-то «региона» или этапа развития материи состояниях.

Над этой исходной формой надстраиваются, как продукты ее усложнения и качественного преобразования, другие, более развитые формы единства, которые, сформировавшись, начинают, в свою очередь, оказывать влияние на исходную (разумеется, для бесконечного во времени материального мира вопрос о том, какие аспекты его единства сформировались «раньше», а какие «позже», имеет характер чисто логический, а не реально-исторический). Процесс непрерывного качественного изменения и преобразования субстрата и есть тот механизм, благодаря которому материя бесконечно, вновь и вновь воссоздает себя и существует как единое связанное целое, как закономерно организованная система вещей и процессов. Это система особого рода; признаки и характеристики системы, выработанные методологией естественных и общественных наук, неприменимы к бесконечному миру как целому или, в отдельных случаях, применимы с большими оговорками⁷. Системность мира, непрерывно воссоздающего качественное многообразие своего субстрата и свое системное единство, весьма специфична, и еще Энгельс подчеркивал, что наше познание сталкивается здесь с трудностями принципиального характера: «Ясно, что мир представляет собой единую систему, т. е. связанное целое, но познание этой системы предполагает познание *всей* природы и

⁶ См. напр.: Ж. Б. Робине. О природе. М.—Л., 1935.

⁷ См.: Л. А. Петрушенко. Самодвижение материи в свете кибернетики. М., 1971, с. 186—202.

истории, чего люди *никогда* не достигают»⁸. Но он же указывал на большую методологическую и эвристическую роль признания системности мира: «Уразумение того, что вся совокупность процессов природы находится в систематической связи, побуждает науку выявлять эту систематическую связь повсюду, как в частностях, так и в целом»⁹.

Реальное субстратное и системное единство мира выступает основанием всеобщности атрибутов и законов развития материи. «Всеобщие законы движения материи, поскольку мы их отразили в законах материалистической диалектики, и являются не чем иным, как выражением единства мира, его сущности и свойств именно как единого целого»¹⁰.

Качественные превращения, генезис одних форм материи из других, т. е. в конечном счете развитие, и есть важнейший механизм, условие и основание всех аспектов и проявлений единства мира. С другой стороны, единство мира является основанием и предпосылкой всеобщности и бесконечности процесса развития. Подлинным развитием, согласно марксистской концепции, является саморазвитие, т. е. процесс, предпосылки и движущие силы которого принадлежат самому развивающемуся объекту, а не привносятся в него извне. Бесспорно, что только материя несет в себе источники, движущие силы и предпосылки всех возможных форм развития, и в этом смысле только она есть подлинная субстанция, «причина самой себя», являющаяся «субъектом всех изменений»¹¹. Еще Спиноза показал, что определение некоторой вещи как субстанции имеет своим следствием признание ее единственности и единства. В качестве субстанции материя существует не над или рядом со своими конкретными формами, а как их целостное единство, как их закономерно организованная система. Определение материи как субстанции поэтому есть обобщенное выражение материального единства мира; материя как субстанция есть «объективная реальность, рассматриваемая со стороны ее внутреннего единства, безотносительно ко всем тем бесконечно многообразным видоизменениям, в которых и через которые она в действительности существует; материя в аспекте единства всех форм ее движения, всех возникающих и исчезающих в этом движении различий и противоположностей»¹².

Всеобщее самодвижение и развитие материи реализуется через самодвижение множества конкретных систем, каждая из которых может быть материальным носителем определенной формы саморазвития, порождать некоторое специфическое многообразие яв-

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 630.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 35—36.

¹⁰ Е. Ф. Солопов. Предмет и логика материалистической диалектики. Л., 1973, с. 27.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 143.

¹² Э. В. Ильенков. Субстанция.— В кн.: Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970, с. 151.

лений и потому быть «конкретно-всеобщей для данного круга явлений субстанцией»¹³, определяющей своим внутренне обусловленным движением специфическое содержание порождаемого ею «мира». Но автономность, субстанциальность таких систем ограничена, поскольку каждая из них возникает исторически из каких-то предпосылок и множеством связей и отношений прикована к внешней среде. Ее способность к саморазвитию и порождению новых форм ограничена, и потому развитие как процесс бесконечного и ничем не ограниченного возникновения новых и новых форм обусловлено реальным единством бесконечной материи-субстанции.

Итак, бесконечный процесс развития материального мира имеет своим основанием и предпосылкой (которую процесс развития воссоздает непрерывно везде и всегда, в любой момент времени) единство бесконечного мира. Из этого не следует, что в той системе, каковой является материальный мир, господствует какое-то единое направление развития, определяющее весь ход мирового процесса. Определенную направленность, детерминируемую характером сложившейся структуры, типом частных и общих связей, имеет развитие только конкретных систем; но не может быть речи о едином направлении развития материи в целом, о повышении ее общего качественного уровня и т. п. Но столь же ошибочно было бы считать, что круговорот материи вновь и вновь приводит к воссозданию одних и тех же, уже бывших некогда, форм, и их «вечному возвращению». В таком случае мы имели бы вместо одного фундаментального сохраняющегося уровня материи бесконечное их множество. Во-первых, нет пределов как повышению, так и понижению качественного уровня отдельных форм материи: в процессе бесконечных превращений могут возникнуть столь сложные и высокоорганизованные формы, которых ранее вообще не было в бесконечном мире; и точно так же отдельные формы в процессе деградации и упрощения могут опуститься «ниже» любых когда-либо бывших форм, любого относительно исходного субстрата. Любая форма воссоздается круговоротом материи не такой же точно, какой она некогда была, а с изменениями, отклонениями и новшествами, со «следами» тех форм и состояний, через которые прошел породивший ее субстрат. Материя вечна и неизменна в том смысле, что всегда остается материей, сохраняет свое объективное бытие, все свои атрибуты, качественное многообразие, всеобщие законы, актуальную и потенциальную бесконечность. Но материя никогда не остается той же самой, потому что все ее конкретные формы развиваются и изменяются, а исчезнув, возникают в другое время и в другом месте не такими же точно, какими были, а иными, обновленными, вобравшими в себя историю пройденного ими пути.

¹³ Э. К. Лиепинь. Системные исследования в свете субстанциального подхода. Автореф. канд. дис. Рига, 1973, с. 8.

В системе материалистической диалектики принципы развития и взаимосвязи (интегральной, обобщающей формой которого является принцип единства мира) являются исходными, фундаментальными. Они независимы в том смысле, что каждый отражает какую-то свою, особую сторону бытия; в то же время они логически предполагают и обуславливают друг друга, поскольку нельзя создать полного, развернутого учения о развитии, не учитывая всеобщую, универсальную связь материального мира, и нельзя понять подлинной природы единства мира, игнорируя его бесконечное развитие.

Д. А. ГУЩИН

ОБ ОБЪЕКТИВНОМ СОДЕРЖАНИИ ПРИНЦИПА РАЗВИТИЯ

Известно, что в советской философской литературе существуют различные трактовки принципа развития, ведутся споры о значении термина «развитие» и споры о том, что представляет собой сам исследуемый объект.

В отличие от классической метафизики, признававшей в развитии лишь количественные изменения, материалистическая диалектика настаивает на существовании качественных изменений при развитии. Но уже в рамках материалистической диалектики встает вопрос о том, любые ли качественные изменения следует называть развитием, или только необратимые качественные изменения, или только такие необратимые качественные изменения, которые являются переходом от простого к сложному, от низшего к высшему, движением по восходящей спирали.

Сторонники ограничительных концепций полагают, что не следует называть развитием ни равновесные колебания, при которых не образуется собственно новое, ни, тем более, процессы деструкции, скажем, гибель индивида, распад личности и т. п. Отмечается, что собственно диалектическое отрицание, «снятие», сохранение всего ценного имеет место только при переходе от низшего к высшему, и только к таким процессам относится непосредственно закон отрицания отрицания. «Расширители», в свою очередь, утверждают, что развитие включает в себя ветви: и восходящую, и нисходящую, и одноплоскостную.

Как же обстоит дело на самом деле? А на самом деле, в объективной действительности есть все эти типы изменения и потому не очень понятна постановка вопроса — которая из концепций истинна. Все истинны. Не надо только допускать подмены понятий, когда развитие определяется как восходящая спираль, а затем «незаметно» экстраполируется и на все прочие области; или вводится как совокупность прогрессивного, регрессивного и одноплос-

костного изменений, а потом трактуется как восходящая спираль. Такая «индукция» неправомерна.

Это — азбука, о которой приходится говорить, ибо даже в научных публикациях такие подмены понятий нередко встречаются.

Другой аспект — а нет ли преимущественного направления изменений в самой объективной действительности или, сильнее — самой объективной действительности? Утверждается, что есть и что это преимущественное направление есть направление прогрессивного развития.

Именно это последнее утверждение и вызывает возражения. В области социальной и биологической форм движения материи с учетом тупиков, спадов, гибели и деградации и видов и цивилизаций, не говоря уже об индивидах, господство общей тенденции прогрессивного развития представляется бесспорным. В неживой же природе (по крайней мере, во всех известных нам объектах неживой природы) действует второе начало термодинамики, закон возрастания энтропии, деструкции, распада, повышения однородности, изотропности, хаотичности.

В качестве аргумента в пользу прогрессивного развития неживой материи приводится возникновение живого из неживого. Помимо указания на то, что существует (от Гельмгольца до К. С. Тринчера) и иная концепция, концепция невозможности возникновения живой материи из известной нам неживой материи¹, в силу термодинамического запрета, принципиального различия между физикой живого и физикой неживого, помимо указания на такую возможность, отметим, что и происхождение жизни из неживого вещества² не дает оснований для утверждений о всеобщепрогрессивном характере процессов, протекающих в неживой природе. Здесь имеет место лишь часть, причем малая часть процессов, часть пока что не воспроизводимая, несмотря на все усилия современной науки. Иными словами, возникновение жизни из неживого вещества — локальный процесс, не обладающий характером всеобщности.

Вот почему и так называемый интегральный подход к развитию при всех своих несомненных преимуществах не спасает дела. Вся социосфера интегрально, бесспорно, развивается, несмотря на гибель идей, людей, государств и т. д. То же относится и к биосфере — от простейших до высших животных. Утверждать же, что прогрессивно развивается вся неживая природа в целом, — значит полагать, что основные естественные науки — физика, химия, геология и т. д. — дают нам неистинное знание, причем интегрально, на уровне законов и принципов неистинное. И лишь на отдельные процессы можно указать в подтверждение тезиса прогрессивного развития неживой природы.

¹ См.: К. С. Тринчер. Биология и информация. М., 1964, с. 18.

² Автору эта концепция представляется более достоверной.

Рассматриваемая концепция основана на неправильном понимании абсолютности развития, когда абсолютность эта трактуется как неизбежность или, во всяком случае, как доминирование прогресса. Представляется, что такое сведение объективно многокачественного движения даже не просто к развитию, а к одной лишь восходящей ветви его обедняет содержание одной из фундаментальных категорий диалектики.

Выше отмечалось, что живой природе и обществу в целом, интегрально, присуще преимущественно прогрессивное развитие. Однако даже и в этих областях оно не является абсолютным. Идет ли процесс видообразования сегодня? Идет ли процесс прогрессивного развития если не всех, то большинства или хотя бы группы наиболее эволюционировавших биологических видов? Подчас утверждается, что все сотни тысяч ныне существующих биологических видов есть тупиковые ветви развития, что собственно прогрессивное, причем бесконечно прогрессивное развитие, присуще лишь человечеству. Если встать на эту точку зрения, то всеобщность развития начисто отрицается. Получается, что вся неживая и живая материя развивалась для того, чтобы создать человека, после чего развитие прекратилось во всех областях, кроме социальной.

Не разделяя такого пессимизма в отношении живой природы, нельзя принять и упреков в пессимизме по адресу противников идеи бесконечного прогрессивного развития человечества. «Марксистская философия — это философия оптимизма, поэтому она несовместима с идеей конечности человечества», «Если человечество когда-нибудь погибнет — зачем тогда жить?», «Из утверждения, что человечество не вечно, следует необходимость замедлить темпы развития, чтобы подольше не дойти до конца. И уже договариваются до призывов кончать преобразовывать природу, начать приспосабливаться к ней! — с такого рода высказываниями приходится встречаться».

Человечество не станет «замедляться» в развитии хотя бы потому, что нет такой связи — чем выше уровень развития, тем короче оставшееся время существования, тем ближе конец. Что же касается требований ограничить вредную сторону преобразовательной деятельности человека, то они связаны не с глобальной «гибелью» человечества, а с вполне конкретными, порой обратимыми отрицательными последствиями, которые порождаются различными причинами — иногда социальными (хищническое разрушение ради сверхприбыли), иногда тем, что *Homo* не всегда еще *sapiens*.

Нельзя исключать и гибель человечества, уничтожение цивилизации, как в результате возможной галактической катастрофы, так и в результате, скажем, термоядерной войны. В первом случае мечты о переселении на другие планеты — утопия, ибо в Солнечной системе пригодных планет нет, а для путешествия человечества к иным звездам нужна энергия, по величине

сравнимая с той, которая может быть получена при ядерном сжигании всей планеты Земля. Во втором случае — будь термоядерная катастрофа возможностью абстрактной — не тратила бы наша страна такие силы на борьбу с опасностью термоядерной войны и средства на экономическое и военно-потенциальное обеспечение успешности этой борьбы. Понижать значимость этих усилий, настаивая на том, что человечество погибнуть не может, методологически ошибочно. Оптимистический, жизнеутверждающий характер нашего мировоззрения — в жизни и борьбе за эту жизнь, а не в постулировании бесконечности прогрессивного развития — ибо где же тогда наша заслуга в оптимизме?

Наконец, упрекать противников «вечности человечества» в пессимизме нет оснований еще и потому, что конечность во времени существования человечества нельзя связывать с его «нисходящей ветвью». Это и возможное прогрессивное качественное изменение. Вечность человечества, сохранение качественной определенности ныне существующего человечества есть признание лишь его количественных изменений, что несовместимо с универсальностью закона меры, закона взаимосвязи количественных изменений с изменениями качественными. И наиболее вероятным будущим человечества представляется не его гибель, как метафизически понимаемое уничтожение, и не его столь же метафизически понимаемая качественная консервация, сохранение, а именно прогрессивное качественное изменение, такое, что наши отдаленные потомки будут по отношению к нам тем же, чем мы являемся по отношению к антропоидам.

Такое сравнение может показаться субъективно обидным — что ж, многим «обидными» казались и кибернетика, и упразднение сословий, и дарвиновская теория.

Л. А. СОЛОМОНОВА

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА МИРА В ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ

Каждый из основных принципов диалектики осуществляет методологическую роль при раскрытии содержания других принципов и необходим для понимания диалектики как научной системы. С этой точки зрения можно попытаться проанализировать методологическую функцию принципа единства в раскрытии содержания некоторых кардинальных вопросов диалектико-материалистической концепции развития: общей характеристики развития, критериев направленности развития и вопроса о детерминации направленных изменений.

Средством реализации поставленной задачи может служить соотнесение пространственных и временных аспектов единства и

многообразия. Такое соотнесение предполагает четкое определение понятия «единство». Последнее характеризуется двумя признаками — нераздельностью и наличием общности вследствие принадлежности к целостности. Категория единства неразрывно связана с категорией многообразия, концентрирующей в себе все различия конкретных видов материи, их дифференцированность, выделенность. Познание единства многообразия в любой области связано с систематизацией последнего. Любая попытка концептуально упорядочить, систематизировать многообразие исходит из некоторой общности различий, лежащих в основе групп или классов многообразия. Задача заключается в том, чтобы выделить такие группы многообразия, которые отражают реальную противоречивость структуры материи, являются предельно общими классами многообразия и охватывают все многообразие. Этим условиям отвечает выделение пространственного и временного аспектов многообразия. Они взаимосвязаны, но не тождественны. В пространственном многообразии фиксируется сосуществование множества разнородных состояний материи в одном временном «срезе», устойчивость состояний. Их изменчивость, переходы, появление новых форм разнородности выражаются во временном аспекте многообразия. При рассмотрении пространственного и временного аспектов многообразия выявляется многоплановость проблемы единства мира: единство мира как его единственность, единство мира как его целостность и исторически-генетическое единство.

Соотнесение проблемы единства и многообразия с развитием позволяет не только уяснить сущность и характер всех аспектов материального единства мира, но и выявить некоторые существенные характеристики самого процесса развития.

Выделение существенных характеристик развития как особой формы изменений оказывается связанным с проблемой пространственного многообразия, его стабильности или изменчивости.

Признание абсолютной стабильности пространственного аспекта многообразия приводит к тому, что развитие представляется принципиально обратимым процессом, необратимость признается только для локальных областей и рассматривается как форма проявления принципиальной обратимости (В. И. Корюкин, 1967). Это приводит к пониманию развития как движения по кругу, ибо в рамках неизменного пространственного многообразия возможны лишь взаимопереходы сосуществующих состояний. Иначе говоря, лишь тот набор форм, который воплощен в пространственном многообразии актуально, представляет собой с этой точки зрения те потенциальные формы материи, которые возможны для любой локальной области мира.

Обратимость действительно является реальной и необходимой чертой движения материи. Однако обратимость никогда не бывает полной, точной. В любом конкретном процессе происходит, с одной стороны, потеря качественных различий, а с другой стороны, порождение новых качественных различий, новых свойств. Этот

процесс и составляет изменение пространственного многообразия во времени, в силу которого развитие имеет необратимый характер.

Развитие выражает изменчивость, но изменчивость особого рода. Будучи связано с наличием специфических форм единства многообразия в локальных областях, развитие есть изменение специфики единства многообразия. Эти черты развития делают возможным обсуждение вопроса об определении **направленности развития** в рамках проблемы единства и многообразия.

Специфика единства компонентов пространственного многообразия тесно связана с его организацией, в основе которой лежит упорядоченность, определенность и целостность. Уровень организации характеризует многообразие в статике, а изменение организации выступает его динамической характеристикой. Уровень организации — такая абстракция, которая позволяет рассматривать изменение организации относительно фиксированной точки отсчета в развитии компонентов пространственного многообразия и сравнивать их между собой в определенном отношении. Понятие уровня организации отражает ее способность изменяться в двух противоположных направлениях — в сторону повышения или понижения сложности организации.

Проблема сложности в настоящее время анализируется на основе концепции разнообразия и теоретико-информационных методов. На этой основе уже выдвинуты идеи, имеющие существенное методологическое значение, например, идея сохранения информации для систем связи (И. Б. Новик, 1962), идея информационного критерия развития (А. Д. Урсул, 1966) и др.

Однако подход, основанный на концепции разнообразия, представляется неполным. Дело в том, что разнообразие в рамках теории информации рассматривается либо как число различных элементов системы (У. Р. Эшби), либо как совокупность различий одного и того же объекта (А. Д. Урсул). В этом смысле понятие разнообразия уже понятия многообразия. Сложность организации и ее критерии связаны с единством многообразия. Развитие изменяет многообразие, его качественные и количественные характеристики. Это изменение в силу относительной автономности, выделенности объектов, неизбежно происходит в двух отношениях: как изменение внутреннего единства и многообразия развивающегося объекта и как изменение внешнего для них многообразия и единства. Поэтому понятие направленности развития является относительным и к определению направленности возможны различные подходы. Первый путь связан с выяснением соотношения различных временных «срезов» изменяющегося объекта; из их сравнения выводятся существенные черты, могущие служить показателями степени совершенства, достигнутого системой.

На втором пути выясняется изменение отношений объекта с сосуществующим внешним многообразием и единством. При этом обнаруживается, что направленность изменений внутреннего и

внешнего многообразия не всегда совпадает. Изменение, выступающее для внутреннего многообразия и единства как понижение их сложности, может иметь противоположную направленность на пути совмещения с наличным многообразием, например, олигомеризация гомологичных органов, упрощение технологии и конструкции и т. п. Поэтому определение прогресса как просто движения от низшего к высшему оказывается недостаточным. Понятия прогресса и регресса должны применяться дифференцированно, с указанием на то, в каком отношении рассматривается процесс изменения. Критериями направленности, достаточно надежными, если их применять комплексно, могут служить качественные и количественные характеристики многообразия и единства.

Любое изменение обусловлено наличным многообразием и его взаимодействием. Для каждого конкретного объекта оно складывается из внутреннего многообразия и специфической формы единства и внешнего многообразия и взаимодействий, для которых объект открыт. Тем самым проблема единства и многообразия оказывается связанной с проблемой **детерминации направленных изменений**.

Исходя из того, что в рамках универсального взаимодействия существуют непосредственные и опосредованные его формы, можно заключить, что проблема детерминизма включает в себя обусловленность существования вещей, событий и процессов изменения и развития не только прошлыми обстоятельствами, но и одновременными с ними, сосуществующими. Применительно к пространственным и временным аспектам единства и многообразия вопрос заключается в выяснении того, чем обусловлено изменение вещей и каковы «пусковые механизмы» развития.

В рамках пространственного многообразия можно выделить три основных фактора направленных изменений. Во-первых, многообразие и единство самого развивающегося объекта, его качественные и количественные характеристики. Внутреннее многообразие и единство определяют реальные возможности и границы изменчивости объекта и выступают в роли направляющего фактора развития. При этом важное значение имеет гетерогенность системы, ее количественная определенность, или критический уровень многообразия, а также степень и характер целостности, связности.

Во-вторых, относительная выделенность объекта, замкнутость по тем или иным признакам. Роль относительной автономности заключается прежде всего в том, что она препятствует нивелировке различий, которая произошла бы в результате полной открытости объекта по отношению ко всем внешним взаимодействиям. Обменный характер непосредственных взаимодействий с внешней средой привел бы все субстратные элементы исходного многообразия системы в состояния минимальных различий. Относительная автономность системы, ее замкнутость сама по себе не является «пусковым механизмом» процесса развития, но воздействует на

него через внутреннее многообразие качественных и количественных различий.

В-третьих, воздействие внешнего многообразия, т. е. многообразия сосуществующих с развивающимся объектом состояний материи и наличных функциональных отношений. Внешнее многообразие и необходимость совмещения с имеющимися в наличии функциональными отношениями производят отбор изменений и приводят к запрету некоторых из них и сохранению общих и существенных для наличного многообразия свойств и природных величин. Исследуя на этой основе феномен сохранения в различных областях действительности, можно вскрыть его неразрывную связь с процессом изменения. В современной физике устанавливается зависимость законов сохранения от типа взаимодействия (В. С. Барашенков, 1967), что имеет несомненное эвристическое значение. Существенно подчеркнуть, что такая зависимость теоретически достаточно очевидна, если исходить из необходимости совмещения системы с наличным единством многообразия. Изменение пространственного аспекта многообразия приводит и к возможности допущения ограниченности действия известных в настоящее время законов сохранения. Субстанциональные изменения компонентов пространственного многообразия и функциональных отношений между ними должны, видимо, привести к изменению тех или иных свойств материальных образований и их несохранению, однако сохраняться будут другие свойства и величины. В связи с этим кажется спорным представление о сохраняющихся величинах как независимых от эволюции системы (В. А. Марков, 1970).

Внешние воздействия на систему иногда перекрывают внутренние взаимодействия, поэтому для сохранения существования и оптимальности совмещения с наличным многообразием объект должен обладать внутренним механизмом перевода непосредственных воздействий в опосредованные, механизмом авторегуляции. Через него осуществляется связь внешнего и внутреннего многообразия и единства, относительная автономность объекта, причем изменение автономности может служить показателем направленности конкретного процесса развития.

Процесс развития объекта не ограничивается только сохранением, его необходимым моментом является возникновение нового, а потому различные временные «срезы» наличного бытия оказываются нетождественными.

Формы единства мира в пространственном аспекте многообразия связаны с формами единства во временном аспекте, что свидетельствует о диалектическом синтезе принципов единства мира и развития. При этом обнаруживается изменчивость, развитие пространственных форм многообразия.

Единственность как форма единства мира в пространственном аспекте проявляется в материальности наличного многообразия, а во временном — в закономерном характере изменения форм ма-

терии и связи между ними, в несотворимости и неуничтожимости материи и движения.

Другим аспектом единства мира выступает его целостность, реализующаяся в пространственном аспекте как функциональные зависимости и пространственные корреляции. В основе пространственных корреляций лежат генетические формы связи, порождающие субординацию. Генетические связи выступают в виде связи состояний в процессе развития и как причинные связи. И те и другие находят свое выражение в пространственном аспекте многообразия. Так, причинные связи на уровне пространственного многообразия выражаются через функциональные зависимости, а исходное состояние входит в совокупность условий, детерминирующих развитие.

Единый характер связи обеспечивается единством взаимодействий. Но взаимосвязь имеет смысл только в той степени, в которой ей противостоит самостоятельность, независимость, автономность. Относительная независимость есть результат специфических форм единства (как в смысле особого характера связи, так и в смысле субстратных компонентов многообразия). В силу этой специфики происходит отграничение одних вещей от других. Единство, таким образом, не противостоит многообразию, оно необходимым образом связано с ним. Автономность объекта возможна лишь в силу его специфического единства, автономность предполагает связь, а связь — автономность.

Таким образом, принцип единства мира позволяет понять развитие как целостную характеристику определенным образом организованного ряда (системы) изменений, обосновать подходы к выявлению направленности конкретных процессов развития. В свою очередь, установление таких черт развития, как взаимосвязь этапов, преемственность в процессе развития, обогащает содержание принципа единства, расширяя сферу его приложения за рамки чисто пространственного рассмотрения. Единство мира выступает не только в пространственном, но и во временном аспекте, наличие этих форм единства и их соотношение является одним из возможных путей реализации указания В. И. Ленина о необходимости связать принцип развития с принципом единства мира.

В. В. БАЙЛУК

ПРИНЦИП СВЯЗИ И ПРИНЦИП ДЕТЕРМИНИЗМА

Наиболее абстрактными и потому исходными элементами материалистической диалектики являются ее принципы. Особенность принципов диалектики в том, что они являются абстрактными образами, аспектами диалектики в целом. Мы рассмотрим соотношение принципа связи и принципа детерминизма. Для этого необходимо прежде всего остановиться на содержании понятий «связь» и «детерминизм».

В философской литературе существует большое количество различных определений понятия «связь»¹. Общим моментом в них, в преобладающем большинстве случаев, начиная от Аристотеля и вплоть до наших дней, является определение связи через термин «зависимость». И это не случайно. Термин «зависимость» наиболее полно выражает существо связи. Зависимость означает невозможность существования вещей друг без друга. С учетом сказанного категорию «связь» можно определить как отношение зависимости вещей друг от друга.

Теперь о категории «детерминизм». В ряде работ детерминизм отождествляется либо с причинностью (существо дела не меняется от того, что в одних случаях причина понимается в узком смысле², а в другом — в широком, как полная причина³), либо со связью состояний⁴.

Широко распространено также понимание детерминизма как учения, признающего существование универсальной закономерной связи всех вещей и явлений мира и отрицающее существование вещей и явлений вне этой связи⁵. Здесь детерминизм отождествляется уже не с отдельной формой связи, а со связью вообще. По поводу всех этих подходов можно сказать только одно: всякое опубликование категорий в научном отношении бесплодно.

Ряд авторов (М. А. Парнюк, Я. Ф. Аскин), не отождествляя детерминацию со связью и учитывая их единство, рассматривают детерминизм только как подсистему материалистической диалектики, которая раскрывается в основном теми же категориями, что и принцип связи⁶.

Отсюда следует необходимость разграничения категорий «детерминизм» и «связь». Ряд авторов связь рассматривают как одно из центральных понятий детерминизма⁷ или, наряду с понятием обособленности, как исходную его категорию⁸. По мнению других авторов, детерминизм связан с положением о всеобщей взаимосвязи вещей, но не тождествен этому положению: он выражает

¹ См.: А. И. Уемов. О диалектико-материалистическом понимании связи между явлениями.— «Философские науки», 1958, № 1; Философская энциклопедия, т. 4. М., 1967, с. 570; А. П. Шенгулин. Категории диалектики. М., 1971, с. 54; В. Н. Сагатовский. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973, с. 203.

² См. напр.: Философская энциклопедия, т. 4, с. 370.

³ См.: В. Н. Сагатовский. Основы систематизации всеобщих категорий, с. 304—322.

⁴ См.: Г. А. Свечников. Причинность и связь состояний в физике. М., 1971, с. 118.

⁵ См.: Б. М. Кедров. Научная концепция детерминизма.— В сб.: Современный детерминизм. Законы природы. М., 1973, с. 8.

⁶ См.: М. А. Парнюк. Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. Киев, 1972; Я. Ф. Аскин. Философский детерминизм. Саратов, 1974.

⁷ См.: С. И. Уколова. О содержании детерминизма как философской теории.— В сб.: Проблемы общественных наук. Челябинск, 1974.

⁸ См.: М. А. Парнюк. Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики, с. 15.

активную сторону этой взаимосвязи. Детерминизм не ограничивается лишь констатацией взаимосвязи вещей, а выявляет ее функциональную роль, основы, действующие в определенном направлении факторы. Другими словами, понятие «детерминизм» конкретизирует понятие «связь», т. е. связь соотносится с детерминацией как абстрактное с конкретным⁹. Этот подход нам представляется более плодотворным.

Если связь выражает отношение зависимости вещей друг от друга, то детерминизм раскрывает механизм этой зависимости, ее направленность, обусловленность. Наиболее полно суть детерминизма схватывается термином «обусловленность». Обусловленность фиксирует процесс возникновения, существования и исчезновения зависимостей между вещами. С учетом сказанного, детерминизм можно определить как учение о всеобщей обусловленности вещей в их возникновении, существовании и исчезновении.

Детерминизм как принцип удовлетворяет всем критериям выделения принципов в материалистической диалектике, так как, с одной стороны, детерминизм есть абстрактный образ, аспект всей диалектики, с другой — существует подсистема категорий, которая непосредственно его конкретизирует. Особенность принципа детерминизма, по сравнению с принципами противоречия, развития, связи, в том, что он конкретизирует принцип связи. Поэтому такие категории, как причина и следствие, функциональная связь, необходимость и случайность, общее, особенное и единичное, сущность и явление, закон непосредственно конкретизируют и принцип связи, и принцип детерминизма. Но если исходными категориями принципа связи являются тождество и различие, то исходными категориями детерминизма — условие и обусловленное.

Под условиями мы понимаем совокупность всех тех явлений, от которых зависит возникновение, существование и исчезновение других явлений. Обусловленное — то, что определяется условиями, превратившимися в факторы. Условия и факторы различаются тем, что условия характеризуют сферу возможного, а факторы — процесс превращения возможности в действительность.

Далее. Поскольку принцип связи находится в диалектическом соотношении с принципом противоречия и принципом развития, то связь является также аспектом и тех категорий, которые непосредственно раскрывают содержание этих принципов. Но так как принцип связи конкретизируется принципом детерминизма, то отсюда следует, что: 1) детерминация, обусловленность также являются аспектом и противоречия, и развития; 2) все категории диалектики либо непосредственно, либо опосредованно включают в себя детерминационные аспекты, т. е. раскрывают процесс детерминации, обусловленности явлений. Это позволяет сделать вывод, что детерминизм — аспект всей материалистической диалектики. Отрицание этого положения означает, что тогда необходимо:

⁹ См.: Я. Ф. Аскин. *Философский детерминизм*. Саратов, 1974.

1) либо отождествить детерминизм с какой-либо частной связью (причинностью или связью состояний) или со связью вообще, но этот путь в научном отношении бесплоден; 2) либо рассматривать детерминизм как подсистему диалектики, которая в основном раскрывается категориями, непосредственно конкретизирующими связь. Но в этом случае мы должны отрицать детерминационные отношения между теми явлениями, которые отражаются категориями развития и всеми другими соотносительными категориями, что явно не соответствует действительности; 3) при отрицании первого и второго остается еще одна альтернатива — вообще изгнать детерминизм из системы материалистической диалектики, но это будет противоречить широкому употреблению этой категории в истории философии и в современной науке.

Остается признать, что концепция детерминизма непосредственно или опосредованно раскрывается всеми категориями диалектики и что материалистическая диалектика в целом есть не только концепция противоречия, концепция связи и концепция развития, но также и концепция детерминизма.

В. В. ИЛЬИН, А. С. КАРМИН

О ПРИРОДЕ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ

1. Существуют три основных направления, в которых ведется исследование философских категорий: 1) анализ природы философских категорий вообще; 2) выявление логической связи между ними и систематизация их; 3) раскрытие содержания отдельных философских категорий. Очевидно, что все эти направления взаимосвязаны и тесно переплетаются, но весь подход к проблеме категорий в целом определяется в первом из них.

В истории философии насчитывается немало попыток решения проблемы категорий (Аристотель, Спиноза, Кант, Гегель, Милль, Тренделенбург, Вундт, Наторп и др.)¹. Различные учения о категориях развиваются и в современной буржуазной философии². Однако анализ природы категорий наталкивается на трудность, которая неразрешима для философского мышления, не поднявшегося до уровня диалектико-материалистической методологии. Впервые эту трудность испытал Аристотель, обнаруживший, что всеобщие категории, подобно двуликому Янусу, оборачиваются то «родами высказываний», «формами мысли», то «родами бытия», «свойствами сущего». В дальнейшей истории философии метафизическое по своей сути стремление избавиться от такой двойственности приводит к тому, что вопрос о природе всеобщих философских категорий приобретает характер альтернативы: являются ли они только «принципами мышления», субъективными, существующими априорно в человеческом сознании логическими условиями, способами, формами мышления обо всем, что становится объектом мысли, или же они представляют собою существующие вне человеческого мышления «принципы бытия», формы определенности бытия самого по себе. Категории, таким образом, либо

¹ Обзор этих попыток дается в кн.: А. П. Шенгулин. Система категорий диалектики. М., 1967. См. также: E. Lysinski. Die Kategoriensysteme der Philosophie der Gegenwart. Weida, 1913; O. Spann. Kategorienlehre. Jena, 1939.

² См. напр.: N. Hartmann. Der Aufbau der realen Welt. Berlin, 1940; B. Brandenstein. Der Aufbau des Seins. System der Philosophie. Tübingen, 1950; J. R. Noonen. General Metaphysics. Chicago, 1957; O. Fechner. Das System der ontischen Kategorien. Dammtor-Verlag Hildesheim, 1961; W. H. Werkmeister. The Basis and Structure of Knowledge. N. J., 1968.

вообще лишаются объективного содержания, либо наделяются самостоятельным объективным существованием вне сознания человека. Кант последовательно развивает первую из указанных точек зрения, и это влечет за собой агностический отрыв мышления от реального мира. Гегель же дает последовательное развитие второй точки зрения, приходя к идеалистическому отождествлению бытия с мышлением. Вырваться за рамки этих двух основных тенденций в трактовке всеобщих категорий не под силу и представителям современной буржуазно-идеалистической философии.

2. Основные принципы диалектико-материалистического понимания природы всеобщих философских категорий сформулированы в ленинских «Философских тетрадах». С одной стороны, В. И. Ленин настаивает, в отличие от Канта, на том, что категории следует понимать не как чисто субъективные формы познания, а как отражение в сознании человека объективной действительности: «...категории мышления не пособие человека, а выражение закономерности и природы и человека»³. С другой стороны, он подчеркивает, в отличие от Гегеля, что они являются не моментами развития абсолютной идеи, существующей вне нашего сознания, а моментами человеческого познания: «Моменты познания (= «идеи») человеком природы — вот что такое категории логики»⁴.

Таким образом, В. И. Ленин подходит к анализу природы всеобщих категорий с двух сторон: во-первых, он рассматривает их в онтологическом аспекте, т. е. в плане их отношения к бытию, к объективной действительности, утверждая при этом, что они обладают объективным содержанием, являются отражением реального мира; во-вторых, он рассматривает их в гносеологическом аспекте, т. е. в плане их отношения к человеческому познанию, характеризуя их значение, их роль в развитии человеческих знаний о мире. Отсюда видно, что диалектическому материализму чужда метафизическая абсолютизация какого-либо из «двух ликов» категорий, неизбежно ведущая к превращению их в некие изначально существующие в сознании или в природе особые идеальные конструкции. Он не отрывает гносеологический аспект от онтологического, как делал Кант, и не отождествляет первый со вторым, как поступал Гегель. Признавая, что всеобщие философские категории обладают как онтологическим содержанием, так и гносеологическим значением, диалектический материализм объясняет взаимосвязь этих аспектов тем, что субъективная диалектика человеческого познания должна совпадать в общих чертах с объективной диалектикой реального мира, ибо первая есть только отражение последней⁵.

3. Онтологическое содержание всеобщих философских категорий состоит в том, что они выступают как отражение атрибутов

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 83.

⁴ Там же, с. 180.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 526.

материи, т. е. фундаментальных характеристик, присущих любому материальному объекту. В содержании всеобщих категорий диалектически «снят» весь процесс познания атрибутов. Выявление этого содержания представляет чрезвычайно сложную задачу. Решение ее не может начинаться с определения категорий; определения их могут быть получены только в результате анализа и обобщения научных данных, характеризующих разнообразные проявления атрибутов и их взаимосвязь в материальных объектах.

При определении содержания всеобщих категорий нельзя пользоваться стандартными логическими приемами определения понятий. Действительно, всеобщие категории не поддаются обычному логическому способу определения через род и видовое отличие, ибо их универсальность не позволяет подвести их под более общее (родовое) понятие. На принципиальные трудности наталкиваются и попытки определить их путем построения соответствующей аксиоматики. Аксиоматизация содержания всеобщих категорий связана с введением строгих формальных правил оперирования ими. Но в реальном процессе развития познания необходимость обращения к всеобщим философским категориям возникает больше всего именно тогда, когда требуется неформальное, содержательное обсуждение проблем, способы решения которых неясны. Подгонка всеобщих философских категорий под формально-аксиоматическое прокрустово ложе неминуемо обеднила бы их содержание и уменьшила бы их методологическую эффективность. Кроме того, следует учесть, что всякая аксиоматически построенная теория имеет определенные границы применимости, а аппарат всеобщих категорий по самому своему существу должен обладать универсальной применимостью. Таким образом, возможности применения аксиоматического метода при определении содержания всеобщих философских категорий весьма незначительны. Может быть, он в какой-то мере пригоден для изложения некоторых отдельных узких фрагментов философской науки, но применение его к категориальному аппарату философии может привести, в лучшем случае, лишь к созданию еще одной частной, специальной аксиоматической теории, приспособленной для описания какой-то ограниченной области явлений (а скорее всего, просто к неудаче).

По-видимому, проблема определения всеобщих философских категорий должна решаться не на пути построения тех или иных формально-логических дефиниций, в которых их содержание выражается через ранее определенные (или заданные аксиоматически) понятия, а на пути, в известном смысле обратном этому: содержание категорий следует раскрывать посредством сопоставления их с другими категориями и понятиями, содержание которых не является заранее определенным, а подлежит, в свою очередь, дальнейшему определению через такое же сопоставление. Продвигаясь по цепи таких определений, мы в конце концов придем к понятиям, которые либо получают частичные (неполные, одно-

сторонние) определения в различных специальных науках, либо остаются неопределяемыми, но «интуитивно ясными» настолько, что их употребление в науке не ведет к каким-либо недоразумениям и потому потребности в их определении нет (хотя в дальнейшем такая потребность может возникнуть). При этом под «сопоставлением» имеется в виду не подведение категорий под какие-то более общие понятия (что является, как правило, невозможным), а выявление моментов содержания категории с помощью других категорий и понятий, имеющих такую же или меньшую степень общности. Подобный подход использовал В. И. Ленин, когда определял категорию материи через сопоставление материи с сознанием. В различных формах он применим и к другим категориям. Так, например, причинность можно определить как воздействие одного объекта на другой, при котором изменение первого предшествует изменению второго и необходимо порождает это изменение. Здесь содержание категории «причинность» раскрывается с помощью понятий «воздействие», «изменение», «необходимость», «предшествование», «порождение», отражающих отдельные моменты причинности. Можно, далее, раскрыть содержание этих понятий, сопоставляя их с какими-то другими понятиями, и т. д.

Рассматривая множество имеющихся в науке понятий, можно, разумеется, с известным приближением, представить его в виде некоей «пирамидальной» структуры. В этой «пирамиде» каждый более высокий «этаж» занимают более общие понятия, а на самых верхних «этажах» располагаются всеобщие философские категории. Стандартный логический прием определения понятий через подведение их под более общие понятия можно использовать по отношению к большинству понятий, образующих эту «пирамиду», но на верхних ее «этажах» он утрачивает применимость. Рассмотренный подход к определению категорий позволяет, однако, действовать здесь иначе: содержание категории можно раскрыть через содержание понятий нижележащего «этажа». Логическая структура содержания категории предстает тогда в виде системы понятий, отражающих его отдельные моменты. При этом в «пирамиде» обнаруживается некоторый «переходный», «промежуточный» слой, состоящий из «общенаучных» и, может быть, наиболее фундаментальных специальнонаучных понятий, а также из «интуитивно ясных» понятий высокой степени общности. Место, занимаемое такими понятиями, служит обычно предметом своего рода «территориальных» споров: к какому ведомству — научному или философскому — оно относится. За счет этих понятий, в принципе, может пополняться аппарат философских категорий.

Опираясь на нижележащие «этажи» понятийной «пирамиды», всеобщие философские категории обобщают в своем содержании исторически накопленные и выраженные в научных понятиях знания, фиксируют «в снятом виде» итоги развития науки. С формированием новых научных понятий «пирамида» растет, и в результате этого изменяется и обогащается содержание всеобщих фило-

софских категорий, находящихся на ее «вершине». Отсюда следует, что нельзя дать раз и навсегда законченное определение их.

4. Онтологическое содержание всеобщих философских категорий определяет их роль (гносеологическое значение) в процессе познания. Эта роль состоит в том, что они, отражая наиболее общие, атрибутивные стороны объективной действительности, выступают в качестве наиболее общих средств построения человеческих знаний о ней. Содержащееся в категориях знание об атрибутах материи становится орудием мышления при изучении конкретных проявлений этих атрибутов в тех или иных материальных объектах.

Своеобразие всеобщих категорий как средств мышления заключается, во-первых, в их универсальной применимости, и, во-вторых, в их содержательности, т. е. в том, что они определяют не форму мыслительного процесса, а организацию самого содержания его.

Онтологическое содержание всеобщих категорий обуславливает постановку познавательных задач, осмысление нового знания, возникающего в ходе их решения, движение познания от одного знания к другому. Совокупность моментов содержания категории как бы задает «программу» исследования соответствующего атрибута: зная, например, моменты причинности, можно целенаправленно построить процесс исследования причинной зависимости, поиск и проверку гипотез о тех или иных конкретных причинных зависимостях в изучаемых объектах. Полученные в процессе познания новые данные так или иначе «подводятся» под какие-то категории («это — причина», «это — случайность» и т. п.). «Подводя» определенные данные под какую-либо категорию, мы переходим к поиску новых данных, которые должны соответствовать другим категориям — тем, в сопоставлении с которыми раскрывалось содержание первой. Так, если какое-то явление «подводится» под категорию «следствие», то встает вопрос о его причине; чтобы обнаружить ее, требуются сведения о генетической («порождающей») связи данного явления с другим, о необходимом характере этой связи и т. д.

Роль всеобщих философских категорий в познании принципиально отличается от роли специальнонаучных понятий. Если последние вырабатываются как средства возможно более точного и однозначного отображения специфики изучаемых объектов, то первые, направляя мышление на анализ определенных атрибутивных характеристик объектов, не дают никаких конструктивных указаний относительно конкретных особенностей проявления атрибутов в этих объектах и поэтому недостаточны для отображения их специфики. Образуя «каркас» мышления они вместе с тем предоставляют ему свободу в оперировании опытным материалом, в выдвижении специфических представлений и идей, составляющих «начинку» категориального «каркаса» в каждом отдельном случае.

5. Анализ гносеологического значения всеобщих философских

категорий помогает нам понять развитие **содержания** наших знаний. Но содержание знаний, если это знания объективно истинные, определяется природой познаваемого объекта, а не познающего субъекта; оно «не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества»⁶. Чтобы исследовать зависимость знания от природы субъекта познания, от особенностей его познавательной деятельности, гносеология должна иметь в своем концептуальном аппарате, кроме всеобщих философских категорий, еще и категории специально гносеологического характера — такие как восприятие, мышление, образ, истина, практика, адекватность, эксперимент, теория, гипотеза и т. д. В отличие от всеобщих философских категорий, эти категории отражают не универсальные атрибуты объективной реальности, а формы, способы, результаты, закономерности и т. п. познавательной деятельности человека. Учитывая это различие, будем ради краткости всеобщие философские категории называть «онтологическими», а категории специально гносеологического характера — «гносеологическими»⁷.

Между онтологическими и гносеологическими категориями существует тесная взаимосвязь. В самом деле, формы и методы познавательной деятельности не могут выбираться человеком произвольно: чтобы получить объективно истинное знание, человек вынужден использовать такие формы и методы, которые соответствуют не только его возможностям, не только условиям и задачам данного конкретного познавательного процесса, но и объекту исследования. Если имеется нечто общее в объектах исследования, то должно быть нечто общее и в способах их познания. Следовательно, онтологически однотипные моменты действительности должны исследоваться гносеологически однотипными формами и методами познания. По-видимому, можно думать, что познание каждого атрибута объективной реальности требует определенных форм и методов познавательной деятельности. Такое предположение прямо связано с принципом единства объективной и субъективной диалектики. Это означает, что содержание каждой онтологической категории раскрывается с помощью определенной совокупности его моментов.

Приведенные соображения дают основание полагать, что системе онтологических категорий должна соответствовать некоторая система общих форм и методов познания. Но эти формы и методы характеризуются определенными гносеологическими категориями. Поэтому наряду с проблемой разработки системы онтологических категорий, вероятно, является оправданной и постановка вопроса о разработке системы гносеологических категорий. В этой системе должна фиксироваться гносеологическая «модель» познавательного процесса (система форм, методов, операций, про-

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 123.

⁷ В философской литературе нередко категории первого вида называют также «логическими», а категории второго вида — «эпистемологическими».

цедур познавательной деятельности человека), подобно тому, как в системе онтологических категорий фиксируется онтологическая «модель» материального объекта⁸.

Взаимосвязь между онтологическими и гносеологическими категориями может быть рассмотрена и с другой стороны. Если верно, что познание каждого атрибута материи опирается на использование определенной совокупности форм и методов познания, то, выделяя каким-либо способом группу форм и методов, направленных на познание некоторого атрибута, можно делать выводы о природе этого атрибута. Иначе говоря, представления о содержании онтологической категории могут быть получены путем анализа той информации, которая добывается с помощью соответствующей группы форм и методов познания. Таким образом, необходимо учитывать взаимодействие между содержанием онтологических категорий, характеризующих атрибуты материи, и содержанием гносеологических категорий, характеризующих формы и методы познания. Исходя из этого взаимодействия, можно проследить и развитие наших знаний об атрибутах материи, и прогресс соответствующих форм и методов познания, используемых наукой.

Из сказанного следует, что между онтологией и гносеологией в философии диалектического материализма существует неразрывное единство. Исследуя атрибуты материи, онтология должна опираться на результаты даваемого гносеологией анализа форм и методов познания. В свою очередь, гносеология при исследовании форм и методов познания должна опираться на данные онтологического анализа атрибутов материи.

И. И. СУББОТИН

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВЫВОДА КАТЕГОРИЙ

В известном ленинском положении «категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверяя», а *доказывая*)...»¹ как в фокусе собрались самые различные линии исследования категорий. Одной из таких линий выступает логическая дедукция, где доказательство и вывод осуществляются, исходя из простейших основных категорий, а результатом такого вывода оказывается логическая система.

Но не следует забывать и иное понимание вывода, присутствующее в «Философских тетрадах»: сама логика и теория познания должна быть выведена из «развития всей жизни природы и

⁸ Подробнее об этом см.: В. П. Бранский, В. В. Ильин, А. С. Кармин. Диалектическое понимание материи и его методологическая роль.— В кн.: Методологические аспекты материалистической диалектики. Л., 1974.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 86.

духа»². Разумеется, такой вывод нельзя представить как продолжение логической дедукции. В данном случае наблюдается прерыв непрерывного, обращение к качественно иному этапу исследования, который вместе с другими этапами образует **путь развертывания философии**. Выделение Гегелем этого философского пути от незнания к знанию, направления движения к полной системе философии оценивается в ленинском конспекте очень высоко. Важным, и в рамках философской теории — первым, этапом движения системы философии оказывается конструирование философией себя самой. Здесь оформляется то, что можно было бы назвать **предельной философской конструкцией**. О значении данного этапа Гегель писал: «Я утверждаю, что философия способна быть объективной, доказательной наукой лишь на этом конструирующем себя пути»³. В. И. Ленин замечает по поводу этого высказывания: «(«Сам себя конструирующий путь» = **путь** (тут гвоздь, по-моему) действительного познания, познавания, движения от незнания к знанию)»⁴.

Как уже было отмечено, предельную философскую конструкцию нельзя логически дедуцировать из других философских положений. Предельная конструкция выступает предпосылкой всех философских исследований. Точнее было бы сказать, что она представляет собой теоретическое оформление предпосылок философствования. А в качестве последних выступает сама человеческая жизнь. К. Маркс и Ф. Энгельс, обрисовав в «Немецкой идеологии» основные черты своего подхода к материалистическому решению основного вопроса философии, далее отмечают, что «этот способ рассмотрения не лишен предпосылок», которые «отнюдь не могут быть даны здесь, а проистекают лишь из изучения реального жизненного процесса и деятельности индивидов каждой отдельной эпохи»⁵. Совершенно очевидно, что привлечь всю совокупность жизненных явлений для обоснования философской стратегии невозможно. Вся совокупность жизненных факторов входит в философию через философа: через его классовый интерес, жизненный опыт и т. п., формируя убеждение в истинности его понимания мира и человека (при этом подчас создаются парадоксальные формы убеждения, например, — убеждение скептика). Можно считать, что этот процесс проходит бессознательно. Профессиональный философ преодолевает эту бессознательность теоретически: он развивает философию как установку жизненного опыта до философского принципа путем оформления абстракций, взаимосвязь которых создает предельную схему философии (например, «природу» у натурфилософов или «сознание» в классической немецкой философии; что касается марксистской предельной философской конструкции, то ее можно представить в следующем виде:

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 80.

³ Гегель. Наука логики, т. 1. М., 1970, с. 79.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 80.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 25, 26.

объективный мир — практика — сознание — язык). Следует отметить, что не все философы выявляют в процессе своей теоретической деятельности подобные предельные абстракции. Но всякая философия, на каком бы уровне она ни развивалась, принципиально сводима к предельному теоретическому уровню. В том случае, если сам автор философского построения не вычленял предельной конструкции, такую доработку смогут провести и проводят его интерпретаторы и критики. Доработка эта интересна и тем, что в ней часто выявляется противоречие между «бессознательным» отношением философа к жизни и теоретическим выражением жизненной позиции в его учении. Здесь можно сказать, что в такой доработке выявляется не только жизнь как ее понимал философ, но и жизнь как ее философ не понимал. В этом отношении особенно показателен пример Гегеля. К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», показав, что Гегель с идеологических позиций конструирует право, политику и т. д., затем отмечает: «Таким образом, теперь не может уже быть и речи о том, что Гегель просто приспособлялся к религии, к государству и т. д., так как эта ложь есть ложь его принципа»⁶.

Итак, движение философии на рассматриваемом отрезке пути завершается созданием предельной философской конструкции, оформление которой означает оформление сферы дальнейшего движения философии, а также формулирование исходной установки, принципа, основной идеи философского построения. Условно этот этап пути системы философии можно обозначить «жизнь (или факт) → принцип»⁷. В философских построениях подобной ориентации категории не даны как таковые. Здесь философ имеет дело с построением исходных принципов, а не с созданием системы⁸ и ее элементов — категорий. Но на этом уровне философского исследования закладываются **предпосылки категорий**: действительно, от природы сферы, в которой будет функционировать система категорий, в прямой зависимости оказывается и характер самой этой системы.

Оба подхода (исследование предпосылок и систематизация) связаны неразрывной цепью: второй вытекает из первого, а первый предполагает разрешение во втором. Эта связь по природе своей аналогична той, что скрепляет гегелевскую «Феноменологию» с его «Логикой». К. Маркс, назвав «Феноменологию» «истинным истоком и тайной гегелевской философии», очень точно определил ее место в системе философии Гегеля. Не зная «Феноменологии»,

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, с. 166.

⁷ В этой связи уместно будет вспомнить слова Энгельса: «Коммунизм — не доктрина, а движение. Он исходит не из принципов, а из фактов. Коммунисты имеют своей предпосылкой не ту или другую философию, а весь ход предшествующей истории и, в особенности, его современные фактические результаты в цивилизованных странах» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 281).

⁸ Мы различаем **систему философии** как путь развертывания философского знания и **философскую систему** как один из этапов на этом пути.

невозможно понять и «Логике». Можно считать, что в «Феноменологии духа» как раз задается философская ориентация типа «факт→принцип». Знание фактов, знание жизни, «замешенное» на определенной жизненной позиции, с которой происходит осмысление природы и духа, теоретически оформляется Гегелем в принципе, который можно выразить так: нет ничего, кроме исторически развивающегося самосознания, которое основывается,— и здесь, заметим, уже перебрасывается мостик к новому этапу в исследовании, к «Логике»,— на «природе *«чистых сущностей»*, составляющих содержание логики»⁹. Выдающиеся творения философии отличаются, конечно, не только тем, что в основе их философской системы лежит принцип, в свою очередь выведенный из жизни, но и тем, что жизнь эта представлена в принципе глубоко, истинно, действительно: «Величие гегелевской *«Феноменологии»* и ее конечного результата — диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа — заключается... в том, что Гегель... ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительно, человека как результат его *собственного труда*»¹⁰.

Но цель философа составляет не формулирование принципа, а «необходимость *полностью* изучить систему философии». Развивая эту мысль, Гегель не без остроумия замечает: «*Принцип* содержит все в скрытом виде, но лишь в скрытом виде, латентно, пустое формальное понятие, но не сам предмет. Он подобен скупому, который держит в мешке все наслаждения как возможность, в действительности же избавляет себя от утомительности самого наслаждения»¹¹. Этому наслаждению Гегель в полной мере предан в «Науке логики», произведении, написанном в духе философской ориентации «принцип→система». Основная идея философии, выраженная доселе принципиально, приобретает на новом этапе движения системы философии категориальное обличье. «Пустая» сфера принципа стягивается в категориальные узлы.

Таким образом, развертывание полной системы философии, а соответственно, и вывод ее категорий, можно представить как непрерывный процесс, где выделяются относительно обособленные этапы. На первом этапе задается сфера и принципы функционирования философского содержания, на втором эта сфера наполняется сущностными определениями — категориями. Чтобы не стать бесплодной «игрой в бисер», деятельность по созданию системы категорий должна опираться не просто на умение философа классифицировать, дедуцировать и сопоставлять, а прежде всего — на понимание жизни, созревшее до философского принципа.

⁹ Гегель. Наука логики, т. 1. М., 1970, с. 79.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, с. 158—159.

¹¹ Гегель. Работы разных лет, т. 2. М., 1971, с. 537.

ВЫВЕДЕНИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ

При решении проблемы дальнейшего развития диалектико-материалистической философии как системы, при выведении категорий важно учитывать, что с каждой из них связан определенный категориальный подход, т. е. определенное направление познавательной деятельности в отношении любого рассматриваемого объекта. А это значит, что порядок выведения категорий является вместе с тем и порядком их методологического функционирования.

Часто приводят известные слова В. И. Ленина «...Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще...»¹ вместе с предшествующим абзацем фрагмента «К вопросу о диалектике» и пытаются представить их как указание на то, чтобы изложение диалектики как системы строилось в той последовательности изложения категорий, в какой К. Маркс применял их в «Капитале». На наш взгляд, нет оснований согласиться с таким толкованием слов В. И. Ленина.

Конечно, К. Маркс применял в «Капитале» диалектико-материалистическую философию, но применял ее в соответствии со спецификой объекта исследования. Последовательность применения ее категорий не может быть абсолютно одинаковой в разных науках².

В первой главе первого тома «Капитала» К. Маркс исследует «клеточку» буржуазного общества — отношение товаров, используя, можно сказать, одновременно, по меньшей мере, следующие категориальные движения познания: а) от отношения (связи) к свойству вещи и далее к основе свойства; б) от единого к раздвоению его на противоположности и затем через изучение их к выяснению их единства; в) от качества к количеству и потом к мере; г) от единичного к общему; д) от явления к сущности; е) от случайности к необходимости; ж) от сосуществования к каузальности и т. п. Здесь важно подчеркнуть, что К. Маркс в «Капитале» использовал диалектико-материалистическую философию во всем ее богатстве, в единстве ее элементов и аспектов и что нет оснований представлять такое использование в виде строгого поочередного применения групп (или гнезд) философских категорий.

Мнение, будто В. И. Ленин настаивает в указанной цитате на построении диалектико-материалистической философии в виде строгой и однозначной последовательности категорий порождено, на наш взгляд, двумя причинами: 1) сторонники такого мнения

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

² См.: П. В. Копнин. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969, с. 91.

не учитывают **контекста, основной мысли** всего фрагмента «К вопросу о диалектике», органической частью которого является указанная цитата; 2) на вопрос, в каком смысле понимать слова «таков же должен быть метод изложения... диалектики вообще...», они пытаются искать ответ в предшествующем этим словам абзаце, отвлекаясь от **последующего** изложения. Центральной мыслью, пронизывающей весь этот фрагмент, является одна из закономерностей познания — движение от нерасчлененного мыслью объекта к раздвоению (мысленному) его на противоположные, взаимоисключающие стороны, к исследованию каждой из них и далее к уяснению объекта как тождества, единства этих сторон. В. И. Ленин ставит задачу проверки данного элемента материалистической диалектики, составляющего ее суть, путем исследования истории познания. Он указывает на исключительно важное значение этой закономерности для научного познания, для правильного понимания любых процессов мира, в особенности развития, скачков, уничтожения старого и возникновения нового и др. Затем он вкратце отмечает применение этой закономерности познания в «Капитале», благодаря чему в исследуемой простейшей «клеточке» буржуазного общества — обмену товаров — К. Маркс вскрыл зародыши всех противоречий капитализма и показал в дальнейшем это общество с его противоречиями как развивающееся целое, от его начала до конца. В связи с этим В. И. Ленин отмечает, что диалектика должна быть изложена аналогичным методом: взять самое простое, обычное, массовидное (можно даже взять элементарное предложение) и уже в нем (имеется в виду: используя рассматриваемую закономерность движения познания) можно и должно вскрыть зачатки всех элементов диалектики (единство таких противоположностей, как отдельное и общее, случайное и необходимое, явление и сущность и др.), показав, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика, что, используя простейшие примеры из области естествознания, надо раскрыть «объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей»³. А далее В. И. Ленин подчеркивает, что материалистическая диалектика и есть теория познания, ибо она является живым, многосторонним познанием «с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности...»⁴, что гносеологические корни идеализма кроются именно в превратном понимании бесконечно сложного, противоречивого процесса познания, в абсолютизации одного из его моментов. Как видим, слова В. И. Ленина «таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще» не имеют прямого отношения к **очередности** изложения философских категорий. В. И. Ленин настаивает на изложении (и изучении) диалектики

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 321.

⁴ Там же.

путем исследования материала и вскрытия в нем единства противоположностей, выражаемого парами противоположных категорий, выступая против сведения изложения (и изучения) тождества противоположностей как сути диалектики — к сумме примеров⁵.

В. И. Ленин неоднократно перечислял, характеризовал или излагал философские категории⁶. Однако он нигде не настаивал на какой-то жесткой, единственной очередности изложения их, перечислял или характеризовал (излагал) их в самых различных последовательностях. При изложении, разработке, развитии, выведении диалектико-материалистической философии В. И. Ленин придавал ведущее значение не очередности раскрытия категорий, а применению принципов этой философии в их единстве, что делает ее цельной, доказательной и действенной, что обеспечивает выведение ее категорий.

Рассмотрим еще одну закономерность движения познания, использованную, как отмечал В. И. Ленин, К. Марксом в «Капитале». Это нужно сделать, поскольку ряд авторов неправильно полагает, будто в связи с данной закономерностью В. И. Ленин выдвинул во фрагменте «План диалектики (логики) Гегеля» идею строгой очередности функционирования категорий как ступеней познания, откуда якобы следует необходимость аналогичной очередности их изложения, выведения.

В этом фрагменте В. И. Ленин показывает, что основное подразделение малой «Логике» Гегеля выражает собой общий ход всего человеческого познания — движение от бытия (от непосредственных явлений) к сущности. Эту закономерность он подчеркивал неоднократно⁷. Отмечая, что она присуща всей науке вообще (и естествознанию, и политической экономии, и истории), что именно **постольку** диалектика Гегеля есть обобщение истории мысли, В. И. Ленин писал: «Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на *истории отдельных наук*»⁸. Затем В. И. Ленин отмечает, что К. Маркс не оставил специального труда, аналогичного «Логике» Гегеля, но он оставил *логику* «Капитала» (которая — это напрашивается из контекста всего фрагмента — является выражением закономерного движения познания от непосредственно данного к сущности). Поэтому по данному вопросу (речь идет от начала фрагмента до конца его о закономерном ходе познания от явления к сущности) следовало бы сугубо использовать логику «Капитала», — тем более что все ценное, что есть у Гегеля, было К. Марксом вычленено и развито в диалектико-материалистическую философию, которая была использована в «Капитале». В заключительной части фрагмен-

⁵ В. И. Ленин всегда выступал против «игры в примеры» (см. напр.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350; т. 32, с. 80; т. 36, с. 242).

⁶ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 298, 301, 318—321, 202—203; т. 18; 26, с. 51—55.

⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 136, 138, 209, 227, 298.

⁸ Там же, с. 298.

та В. И. Ленин указывает на ряд характерных моментов из «Капитала», которые прямо говорят о движении исследования в данном произведении от явления к сущности: товар — деньги — капитал (в этом движении имеет место и совпадение исторического и логического), цена и стоимость, спрос и предложение и стоимость, заработная плата и цена рабочей силы. Более того, В. И. Ленин показывает действие рассматриваемой закономерности, беря само начало «Капитала» и исследование его К. Марксом: это начало выступает как непосредственное бытие; его исследование, раскрывающее сущность капитализма, идет с использованием категорий единичного и общего, исторического и логического, с постоянной проверкой фактами, практикой. Итак, центральная мысль всего фрагмента — одна из важнейших закономерностей движения познания (от явления к сущности) и задача прослеживания ее конкретнее, подробнее на истории отдельных наук, в особенности на «Капитале» Маркса.

Кстати, закономерности развивающегося познания, о которых речь шла в рассмотренных фрагментах, В. И. Ленин не считал единственными, он отмечал и другие⁹, которые тоже применяются при исследовании, выведении философских категорий.

Часто ссылаются на следующее место из «Философских тетрадей» В. И. Ленина: «Категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверая», а *доказывая*), исходя из простейших основных (бытие, ничто, становление (das Werden)) (не беря иных) — здесь, в них «все развитие в этом зародыше»¹⁰. Эту цитату нередко приводят, либо стремясь обосновать необходимость жесткой **очередности** категорий при изложении диалектико-материалистической философии как системы, либо пытаясь истолковать ее «в пользу» правомерности выведения последующих категорий **из предыдущих**. Сравнение этой цитаты с конспектируемым В. И. Лениным материалом¹¹ показывает, что В. И. Ленин прежде всего констатирует мысли Гегеля относительно изложения «Науки логики». Если принять во внимание данную Б. М. Кедровым классификацию различных частей «Философских тетрадей» В. И. Ленина, то, пожалуй, эта цитата относится в основном ко второй группе. «Вторую группу, — пишет Б. М. Кедров, — составляют различного рода извлечения из цитат, т. е. сокращения и резюме, которые делает В. И. Ленин из выписываемого им материала... Эти заметки показывают, что именно заинтересовало Ленина в прочитанном материале, какую именно мысль автора предполагал Ленин так или иначе учесть в своей дальнейшей работе (если, конечно, вообще он собирался ее учитывать)»¹². Судя по тому, что особо выделял Ленин в фиксируемых

⁹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 141, 152, 152—153, 161, 183, 202, 203, 301.

¹⁰ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 86.

¹¹ См.: Гегель. Соч., т. 5. М., 1937, с. 15—17.

¹² Б. М. Кедров. Из лаборатории ленинской мысли. М., 1972, с. 32.

им гегелевских мыслях, он выведение категорий понимал как **доказывание**, обоснование их, противопоставляя произвольному, механическому введению, описанию их. Он учил, что все содержание научной философии является резюме, квинтэссенцией, **выводом** из истории человеческого познания и практической деятельности. Аналогично понимал выведение содержания диалектико-материалистической философии и Ф. Энгельс¹³. На таком же толковании выведения категорий настаивают и многие советские философы¹⁴.

Итак, при выведении философских категорий главное — не в очередности их изложения, а в доказательном, обоснованном, всестороннем раскрытии каждой из них и соотношений между ними в результате обобщения всей деятельности людей, всех ее результатов (как в прошлом, так и в настоящем). Что касается очередности **применения** их в процессе научного познания, то она может быть различной в разных типовых познавательных ситуациях и зависит от специфики объекта исследования, удовлетворяемых потребностей, поставленных задач и т. п. Выведение философских категорий не может не совпадать со строгим и последовательным соблюдением всех диалектико-материалистических принципов, взятых в единстве, с всесторонним доказательным определением каждой категории, с раскрытием единства всех функций, связей, соотношений их, а значит, с верным отражением марксистско-ленинской философией как системой единства атрибутивных сторон мира (в том числе атрибутивных сторон социальной деятельности).

Д. В. ПИВОВАРОВ

ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОСВЯЗИ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИКИ

В свете операционального подхода к анализу человеческого познания диалектика как логика и методология есть наука о наиболее общих, универсальных типах действий, посредством которых субъект осваивает материальную и духовную действительность. Вместе с тем правильная система действий с предметами в той или иной мере согласуется с законами бытия этих предметов, моделирует доступный деятельности их «срез» и придает продуктам познания истинностное значение. Поэтому диалектика как логика в то же время является и «картиной мира». Такая двойственная трактовка сущности логики вытекает из знаменитых ленинских замечаний, что фигуры логики есть многократно повто-

¹³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 12, 22, 34.

¹⁴ См.: П. В. Копнин. Диалектика, логика, наука. М., 1973, с. 53; А. П. Шенгулин. Категории диалектики. М., 1971, с. 24—25; Б. М. Кедров. Из лаборатории ленинской мысли, с. 23, 25.

ренная и закрепленная в сознании практика, а тем самым эти фигуры есть самые обычные отношения вещей.

Категории диалектики по своему генезису суть общие алгоритмы деятельности, в них неявно запечатлено предметное (истинностное) содержание. Их нельзя трактовать как «чистое» знание о мире самом по себе; операциональная и предметная стороны категории, хотя и находятся в неразрывном единстве, далеко не всегда совпадают друг с другом. Чем глубже человеческая деятельность погружается в объект, тем точнее совпадение предметной и операциональной сторон знания. Решить, что в сплаве предметного и операционального в категориях диалектики обусловлено нашей деятельностью, а что — самими вещами, позволяет только последующий прогресс науки. Актуально же, независимо от того, осознается это обстоятельство учеными или не осознается, законы и категории диалектики заключают в себе и такое содержание, которое детерминировано спецификой человеческого бытия.

Если принимать во внимание сложность и противоречивость содержания категорий, то нетрудно увидеть, что проблема построения системы категорий диалектики имеет два аспекта: «предметный» (когда исследователь строит эту систему как образ закономерностей самого окружающего нас мира) и «операциональный» (когда эта система мыслится как последовательность наиболее общих типов действий по освоению мира). Совершенно ясно, что ни чисто «предметную», ни чисто «операциональную» модели мира в отрыве друг от друга построить нельзя, ибо действие всегда предметно-содержательно, а предметное значение образа вырастает из системы операций субъекта и в конечном счете всегда обслуживает практику.

Речь может идти лишь о расстановке акцентов: то ли при построении системы категорий нужно прежде всего обращать внимание на ее предметное значение, то ли на операциональное. При этом невозможно даже себе представить, чтобы «предметная система» была выстроена в отрыве от «операциональной» в виде таблицы, подобной менделеевской. Сквозь призму такой трактовки проблемы попытки создания чисто онтологических систем категорий диалектики представляются крайне сомнительными.

Категории диалектики прежде всего суть инструменты познания, в каждой из них закреплён успех умственного действия с тем или иным кругом идеальных объектов. Можно ли создать систему категорий, в которой отображалась бы раз и навсегда заданная последовательность человеческих действий по преобразованию природы? Реально существовавшие в истории философии системы философских категорий Аристотеля, Канта, Гегеля по сути дела в скрытой форме воспроизводили такую последовательность. Начинались эти системы с категории бытия (вначале человек должен убедиться в существовании предмета, прежде чем действовать с ним), продолжались категориями, характеризующими ту или иную определенность предмета (исследование челове-

ком формы и содержания, внутренних связей вещей и т. д.), и кончались категориями причины и действия (следствия). Тем не менее ни одна из этих систем не оказалась универсальной.

Да и вряд ли вообще возможна такая универсальная система. Ведь последовательность действий в значительной степени определяется конкретными и разнообразными условиями действия, меняется в любом направлении, зависит от совершенствования инструментария. Грубой моделью системы категорий как набора стереотипов умственных действий служит последовательность предметно-чувственных действий субъекта, изменяющего объекты природы. Тот или иной материальный объект можно обрабатывать по-разному, используя, например, молоток, пилу, топор, рубанок и другие орудия труда. Применение каждого из этих орудий связано с осуществлением особого способа действия. Спрашивается, с чего нужно начинать деятельность — с какого инструмента и с какого сопряженного с ним типа действия? Очевидно, всякий раз последовательность операций определяется веществом предмета и характером потребности человека. В одном случае начинают действовать молотком, в другом — пилой и т. д. По-видимому, аналогично обстоит дело и в случае с системой категорий диалектики. Их последовательное сочетание определяется объектом рассуждений. Скажем, изложение К. Марксом сущности товарного производства начинается с категорий абстрактного и конкретного, исследование процессов развития начинается с категорий устойчивости и изменчивости, а анализ познавательного процесса — с категории практики. Иначе говоря, возможна различная последовательность категорий диалектики, но каждая из них выполняет строго определенную функцию и не является универсальной.

Каждая из созданных нашими учеными категориальных систем диалектики, по-видимому, предопределена конкретным материалом, с которым работали авторы этих систем. Разработка различных логически непротиворечивых сочетаний категорий диалектики имеет такую же ценность, как создание логико-математического аппарата. И в том и в другом случаях впрок планируются различные методы умственного экспериментирования с конкретным материалом, которые могут быть применены в зависимости от специфики исследовательской программы. Инвариантное содержание, обнаруживающееся в многообразии диалектико-логических операций над конкретным материалом, и есть онтологический аспект системы категорий диалектики.

В. С. ЛУТАЙ

О СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ ВЫВЕДЕНИИ ЗНАНИЙ

При построении теории материалистической диалектики, или диалектической логики «с большой буквы», в качестве правил вывода выступают, в первую очередь, законы диалектики, соглас-

но с которыми исходная категория раздваивается на противоположные стороны, а затем происходит синтез этих противоположностей в новой категории. Однако эти правила являются слишком абстрактными и недостаточными для ответа на вопрос — какая именно категория должна выводиться из предыдущей. Поэтому в качестве необходимых правил выведения категорий выступают те положения, в которых обобщаются закономерности развития истории человеческого познания¹. Далее будет сделана попытка более тщательного анализа самого понятия выведения знаний.

Нередко в литературе встречается мнение о том, что понятие логического выведения относится исключительно к формально-логическому выводу. Однако мы полагаем, что правомочно и более широкое понимание логического выведения, которое включает в себя и так называемое содержательное выведение знаний. Примером последнего является теория видообразования Ч. Дарвина, в которой, по словам Ф. Энгельса, «какой-нибудь вид буквально *дедуцируется* из другого путем установления его происхождения»².

Здесь роль правил «дедуцирования» знаний о новых видах из знаний об исходных видах играют основные принципы этой теории — положение об изменчивости видов, закон естественного отбора и т. д. Однако «чисто логическое» выведение нового знания из исходных посылок в данном случае будет весьма ограниченным и проблематичным. На самом деле «дедуцирование видов» в теории видообразования означает, что посредством законов видообразования мы объясняем, почему одни виды погибли, а другие изменились определенным образом с учетом того, что мы уже обладаем знаниями как об исходных, так и о новых видах. Таким образом, **содержательное выведение — это, по существу, объяснение посредством закона**, причем оно включает в себя как элемент формальнологического выведения, так и конкретизацию полученных этим путем суждений посредством тех знаний об объектах познания, которые имеются у нас.

В нашей литературе имеется много работ, раскрывающих закономерности подобного содержательного (диалектического) выведения категорий в логике Гегеля и в особенности в «Капитале» К. Маркса. Здесь мы остановимся на анализе тех данных современной науки, которые дают возможность уточнить понятие содержательного выведения. Прежде всего рассмотрим проблему выведения законов одной науки из законов другой. В этой связи важно отметить, что такое выведение может осуществляться только благодаря тому, что раскрываются некоторые более общие фундаментальные законы, которые и играют роль правил выведения более специфических законов и конкретизация кото-

¹ Подробнее см.: В. С. Лутай. О методе построения системы диалектического материализма. Киев, 1970.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 542.

рых дает возможность получить последние логическим путем. Так, посредством квантовой механики можно теоретически вычислять свойства атомов, а также свойства образующихся из них молекул и кристаллических тел, рассчитывать количественно химические процессы, объяснять природу химической связи и периодичностей, обнаруженных в таблице химических элементов.

Как пишет Р. Фейнман, основные правила, составляющие теоретическую химию, сами «были в конечном счете объяснены квантовой механикой»³. Из квантовой механики выводятся и многие законы, специфические для тех или иных физических явлений. Тем самым, грубо говоря, и физику и химию можно рассматривать как разные «решения» основного уравнения квантовой механики — уравнения Шредингера.

Однако нужно иметь в виду, что для подобного выведения законов одной науки из законов другой правил формальной логики недостаточно. Во-первых, в правила этого выведения кроме законов фундаментальной науки, отражающей общую форму движения, включаются также законы и некоторые другие знания, которые не устанавливаются и не объясняются в рамках фундаментальной науки, а «заимствуются» часто из той специальной науки, положения которой выводятся⁴. Так, например, при выведении знаний о химических явлениях из квантовой механики такие величины, как заряды, массы, константы связи, вводятся в формулы квантовой механики извне, из других разделов микрофизики и химии в качестве феноменологических параметров.

С подобным содержательным выведением знаний мы встречаемся и во всех случаях теоретического предсказания знаний о каких-либо эмпирических фактах в дедуктивных науках. Известно, что такое предсказание требует перехода от терминов и высказываний теоретического формализованного языка к терминам и высказываниям эмпирического языка, что осуществляется посредством их приблизительного отождествления с помощью так называемых правил соответствия, или правил эмпирической интерпретации теоретических терминов. Причем, поскольку последние не являются ни однозначными (так как имеется много их различных видов, в том числе обычно и для одной и той же теории), ни точными (в частности они не могут быть формализованы), то в целом дедуцирование эмпирических высказываний из теории не ограничивается формальнологическим выводом⁵. Таким образом, в правила содержательного выведения знаний, в отличие от правил формальной логики, обычно включаются, на основании содержательных соображений,

³ Фейнмановские лекции по физике, вып. 1. М., 1967, с. 56.

⁴ E. Nagel. The Structure of Science. 1961, p. 349.

⁵ Там же, p. 96—105.

некоторые дополнительные положения, не вытекающие из исходных фундаментальных законов.

Однако и знания, полученные в результате такого содержательного вывода, обычно не дают полной картины о соответствующих объектах познания, а являются лишь некоторой упрощенной идеализированной моделью этих объектов. Так, даже в самом «простом» случае, когда посредством квантовой механики теоретически точно рассчитываются свойства атомов водорода и гелия, необходимо абстрагироваться от некоторых деталей известной нам структуры атома, например от магнитного момента атома. В случае подобного вычисления свойств более сложных атомов приходится абстрагироваться и от ряда других параметров, например от взаимодействия электронов их оболочек и т. п.

Последнее связано с упрощением математических уравнений, на основе которых производится данное вычисление, т. е. с пренебрежением некоторыми его членами, учитывающими эффекты, от которых пришлось абстрагироваться.

Тем самым процесс содержательного вывода знаний о каких-либо конкретных объектах можно рассматривать как состоящий из следующих элементов: а) формальнологического вывода суждений из исходных посылок посредством некоторых фундаментальных законов, играющих роль правил вывода, б) дополнения этих правил вывода новыми положениями, исходя из определенных содержательных соображений, в) дальнейшей содержательной конкретизации полученного этим путем нового знания об объектах, посредством присоединения к нему тех знаний об этих объектах, которые были получены другим путем. Несмотря на то, что такое содержательное выведение не является точным, подобно формальнологическому, оно играет важнейшую роль в научном познании, в систематизации научных знаний.

Специфика содержательного вывода категорий философской системы, при построении ее как диалектической логики «с большой буквы», состоит в том, что при таком выведении нужно раскрыть в обобщенном виде взаимосвязи, взаимопереходы между всеми основными формами познания и соответствующими им формами объективной действительности. Такая взаимосвязь раскрывается посредством выведения категорий, отражающих, в первую очередь, различные противоположные стороны бытия и познания, а именно объективного и субъективного, устойчивого и изменчивого, качества и количества, эмпирического и теоретического, содержательного и формального и т. п. Поэтому раскрытие правил такого вывода осуществляется путем как обобщения истории познания, так и обобщения данных современной науки о взаимопереходах всех основных форм познания. В то же время построение теории материалистической диалектики будет играть важнейшую методологическую роль для дальнейшей интеграции специальных наук, построения их единой системы.

Выведение категорий теории материалистической диалектики

методом восхождения от абстрактного к конкретному осуществляется путем конкретизации исходных принципов теории. При этом новые принципы вводятся именно тогда, когда мы переходим к рассмотрению новых основных форм познания, например, от категорий, отражающих атрибутивные свойства материи, к категориям, характеризующим общие закономерности практически-познавательной деятельности людей. Этот переход требует введения специфических принципов, например, положения о решающей роли практики в процессе познания и т. п. Соответственно, такие принципы должны вводиться при переходе к изложению исторического материализма.

Г. А. ЧУПИНА

О ЯЗЫКОВОМ ПОДХОДЕ К КАТЕГОРИЯМ ДИАЛЕКТИКИ

Языковой подход к научному знанию отражает прогрессивную тенденцию развития современной науки. Правомерность такого подхода обусловлена не только возрастанием формализованных элементов в структуре и способах приращения современного знания, но и его рефлексивностью, стремлением исследовать познавательные возможности собственного категориального аппарата, а также присущими ему тенденциями к коммуникации, преодолению языковых барьеров между различными науками.

В связи с этим представляет интерес высказанная в нашей литературе точка зрения, согласно которой категории диалектики играют роль метаязыка в развитии современного знания¹. Понятие «метаязык», как известно, было впервые введено в связи с логическим обоснованием математики и представляло своего рода технический прием, призванный преодолеть, в частности, парадоксы теории множеств. Ныне возникла общегносеологическая потребность в разработке метаязыка, позволяющего обеспечить соответствие различных уровней научного знания (рассматриваемых в известном отношении как язык), а также их интерпретацию.

Очевидно, чтобы решить эту задачу, метаязык должен отвечать некоторым гносеологическим требованиям: 1) быть богаче интерпретируемого языка (языка-объекта) в семантическом отношении, чтобы любой термин языка-объекта мог получить в нем свое объяснение; 2) обладать универсальной синтаксической системой, позволяющей включать синтаксис языка-объекта в качестве своей подсистемы; 3) обосновывать собственную непротиворечивость внеязыковым способом.

¹ П. В. Копнин. Диалектика, логика, наука. М., 1973, с. 201—203; Э. А. Мариничев. Категории диалектики и язык науки. Л., 1973, с. 110—157.

Представление о категориях диалектики как метаязыке науки обосновывается, во-первых, их местом в системе современного научного знания, которая включает последовательно надстраиваемые уровни эмпирического, теоретического, общетеоретического (научная картина мира) и философского знания; во-вторых, их методологическую роль по отношению к науке, которая выражается в функциях организации конкретнаучного знания в единую картину мира, эвристической функции, и, что особенно важно в плане рассматриваемой проблемы, — функции интерпретации.

На наш взгляд, кроме того, имеются еще, по крайней мере, два аргумента в пользу обсуждаемой точки зрения. Первый касается специфики самих категорий диалектики, которые в отличие от понятий частных наук могут обосновать себя, **внеязыковыми** способами, поскольку они выступают как обобщение не только научного, но и обыденного знания и всей совокупности человеческой практики².

Тем самым категории диалектики всегда богаче и универсальнее любого языка науки, в том числе языков логики и математики. Они входят как необходимая составляющая в «условия познания», «интеллектуальный фон эпохи»³ и позволяют преодолевать гносеологические трудности, возникающие в связи с революциями в науке.

Второе соображение касается способа организации категорий диалектики.

Проходящая в нашей философской литературе дискуссия о системе категорий материалистической диалектики выявила в ней ряд признаков, характерных для языковой системы. Отвлекаясь от многообразных конкретных подходов, отметим принципиальные положения, признаваемые многими авторами.

1. Структуру диалектики характеризуют такие языковые признаки, как **многоуровневость** (категории, принципы, идея первичности материального); отношения **иерархического соподчинения** категорий (в частности «гнездовой» способ их организации); наличие линейных, **синтагматических** связей (например, парность категорий, позволяющая образовывать предложения, законы); наличие **парадигматических** отношений, языковой нормы (взаимосогласованность значений, соответствующая данному уровню развития научного знания).

2. Категории диалектики представляют собой **динамическую функциональную** систему. Фактором, детерминирующим ее функ-

² Заметим, что мы не считаем это единственным возможным способом обоснования философского знания. В нашей литературе отмечаются также такие пути, как самоопределение философских понятий, их экспликация средствами общенаучных категорий, аппаратом логики и математики и т. д. Однако эти способы обоснования являются языковыми.

³ В. Ф. Черноволенко. Мировоззрение и научное познание. Киев, 1970, с. 58—71; П. С. Дышлевый. О фундаментальных понятиях и принципах современной физики. — В сб.: Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974, с. 260—261.

ционирование и развитие, является система объективной реальности в единстве всех составляющих ее подсистем; природы, общества, человеческого мышления. Выступая как высший уровень систематизации знания, категории диалектики не априорны, но зависят от степени научно-практического освоения мира и потому постоянно развиваются. Это развитие осуществляется как в качественном, так и в количественном отношении: обогащается содержание (семантика) философских категорий, расширяется их лексический состав за счет общенаучных понятий, а также вследствие экспликаций понятий обыденного языка, которые существовали ранее как неопределяемые, а затем становятся предметом философского исследования.

3. Языковая природа категорий диалектики обнаруживает себя и в тех функциях, которые они выполняют в научной и практической деятельности людей. Эти многообразные функции могут быть сведены, на наш взгляд, к двум основным, присущим всякому языку, — **моделирующей и коммуникативной**. Образую логическую сетку («узловые пункты в сети» познания), категории диалектики организуют научное знание в единую модель — научную картину мира, которая выполняет нормативную и эвристическую роль в период экстенсивного развития научного знания.

Коммуникативная функция категорий диалектики⁴ проявляется в установлении соответствия между существующими уровнями научного знания и объективной реальностью и выражается в различных формах интерпретации (эмпирической, семантической, прагматической, эпистемологической)⁵. В условиях современной интеграции научного знания эта роль категорий диалектики способствует также «переводу» с языка одного знания на другой.

4. Системе категорий диалектики присуще и такое свойство содержательного языка, как **целостность**. При относительной самостоятельности, дискретности ее категорий нельзя полностью выявить содержательный смысл каждой вне ее соотношения с парой, «гнездом» и диалектической системой в целом⁶. В то же время система категорий диалектики образует философскую картину мира, которая нетождественна сумме категорий или научной картине мира, хотя и служит ее основой, поскольку выходит за границы не только данного уровня научного знания, но и вообще нашего геоцентрического мира, позволяет отвечать на самые общие вопросы бытия и познания.

⁴ Мы исходим из кибернетического смысла коммуникации как информационной связи динамических функциональных систем, направленной на организацию их взаимодействия.

⁵ См.: П. В. Копнин. Анализ языка как логико-эпистемологическая проблема.— В сб.: Проблемы теории познания и логика. Материалы XIV Международного философского конгресса, вып. 1. М., 1968, с. 38—40.

⁶ См.: Взаимосвязь категорий. Свердловск, 1970, с. 5; Ленинская теория отражения и современная наука. Отражение, познание, логика. София, 1973, с. 416.

Языковой подход к философскому знанию позволяет вычленить и исследовать его семантический, синтаксический и прагматический аспекты, соотнести их с соответствующими сферами общенаучного и разговорного языка, с которыми непосредственно соседствует язык философии, исследовать возможности и границы экспликации философских категорий средствами логики, математики, общенаучных понятий.

О. В. МАСЛИЕВА

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИКИ

Дальнейшая разработка категорий диалектики предполагает изучение их истории, их древнего смысла и развития содержания. Историческое исследование значений категорий диалектики позволяет обнаружить определенные тенденции и законы развития философских понятий, что, в свою очередь, открывает возможности для приведения в соответствие с развивающимся знанием и структурой научного мышления сетки философских понятий и для определения тенденции дальнейшего развития. Анализ взаимосвязи категорий в процессе становления и развития может послужить дополнительным материалом в разработке системы категорий материалистической диалектики.

В состав категорий диалектики входит большая группа понятий, соответствующих коренным структурным связям процессов мышления (общее и отдельное, часть и целое, качество и количество, причина и следствие и т. д.) Возникновение этих структурных связей относится ко времени становления человеческого сознания. Категории мышления возникли как фиксация определенных инвариантов практической деятельности людей: включающиеся в нее взаимодействие вещей и отношения людей явились основой для возникновения и развития категорий мышления.

Содержание логических категорий, выражающих «закономерности и природы и человека»¹, меняется и обогащается по мере освоения человеком объективной действительности. Они представляют собой «ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее [природу] и овладевать ею»². В категориях, которыми в настоящее время оперирует философия, сконцентрирован большой опыт исторического развития познания.

Между тем в работах, касающихся проблемы развития категорий, за рамками исследования обычно остается вопрос об осно-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 83.

² Там же, с. 85.

ваниях возникновения этих понятий и о той эволюции, которую они претерпевают, прежде чем превращаются в собственном смысле слова в категории философии. В тех работах, в которых исследование категорий затрагивает также их глубинные основы, в качестве иллюстраций используются данные истории языка, наряду с материалами по детской психологии и психологии народов примитивной культуры³.

Представляется правомерным выделить историю языка в качестве самостоятельного источника исследования развития категорий (наряду с уже существующими методами исследования). Основанием для такого выделения прежде всего служит указание В. И. Ленина, который, перечисляя «те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика»⁴, выделяет историю языка как один из важнейших источников по истории познания человечества.

Говоря об истории языка как источнике изучения развития категорий, следует иметь в виду несколько аспектов этой области знания, соответствующих разным уровням функционирования категорий как форм мышления.

Во-первых, этимология выражающих категориальные понятия слов естественного народного языка позволяет вскрыть древнее, глубинное содержание этих понятий, соответствующее уровню становления категорий и показать практический характер происхождения категорий мышления⁵. Выделение различных уровней категориального мышления открывает также возможности для научно обоснованного истолкования детского мышления и мышления народов, находящихся на ранних ступенях общественного развития.

Знание этимологии дает, однако, лишь отправную точку для изучения процесса развития категорий, но не объясняет еще их подлинной истории. Напомним здесь, что Ф. Энгельс, рассматривая толкование религии Л. Фейербахом, критикует его как раз за то, что он ограничивается в своем применении истории языка к анализу понятия религии лишь материалом этимологии и исходит, таким образом, при определении значения этого понятия из его древнего смысла без учета исторического развития слова «рели-

³ См.: Б. П. Ардентов. *К становлению категорий движения, пространства и времени* (по материалам русского языка). — В сб.: *Некоторые вопросы философии*, вып. 3. Кишинев, 1963; А. А. Кузьмина. *Категория причинности и практика*. М., 1964; М. Г. Макаров. *Отражение становления категории цели в развитии языка*. — *Уч. зап. Тартус. ун-та*, вып. 324. Сер. филос., 18. Тарту, 1974; В. З. Панфилов. *Категории мышления и языка. Становление и развитие категории количества в языке*. — *«Вопросы языкознания»*, 1971, № 5; А. Г. Спиркин. *Происхождение сознания*. М., 1960.

⁴ В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 29, с. 314.

⁵ Конечно, даже самые архаичные формы языка еще не дают представления о начальном периоде формирования категорий мышления. Поэтому этимология дает возможность наблюдать этап лишь более позднего развития категорий (с момента закрепления их как форм мышления в словах языков, сохранившихся до настоящего времени).

гия» и обозначаемого им понятия⁶. Для того, чтобы проследить развитие категорий мышления на следующем этапе, предшествующем их становлению в качестве категорий философии, необходимо изучить историю выражающих их слов и грамматических структур в культуре народов — носителей рассматриваемых языков на протяжении длительного периода. Это — второй аспект истории языка как источника исследования категорий.

И, наконец, третий аспект истории языка в этом смысле — это история становления философской терминологии: вхождение слов-терминов, обозначающих понятия развитого категориального мышления, в состав философских систем; развитие значений этих философских терминов; замена одних терминов другими для выражения близких по значению философских понятий.

Таким образом, история языка может служить вспомогательным средством для исследования процесса развития категорий, начиная с определенного периода их существования как форм мышления. Этимология соответствующих слов дает известную возможность вскрыть глубинное содержание этих категорий, а эволюция значений этих слов в естественном языке позволяет до некоторой степени наблюдать эволюцию выражаемых ими понятий. Данные же по развитию философской терминологии, относящейся к той или иной категории, дают определенную возможность проследить эволюцию этой категории уже внутри философских систем.

В. В. КИМ

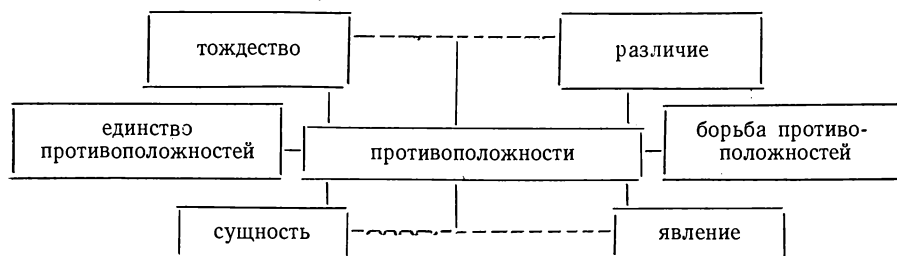
ТОЖДЕСТВО И ЕДИНСТВО В СТРУКТУРЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

В диалектике как целостной научной системе, объединенной едиными принципами, категориями и законами, существует определенная субординация между указанными основополагающими элементами. Так, если располагать их по степени абстрактности отражения действительности, то наиболее абстрактными элементами выступают принципы, а наиболее конкретными — законы диалектики. Такая субординация означает, что суть принципа диалектики раскрывается через категории, а суть последних — только через законы диалектики.

Сказанное можно конкретизировать на примере анализа таких элементов диалектики, как принцип противоречивости, категория «диалектическое противоречие» и закон единства и «борьбы» противоположностей. Сущность принципа противоречивости, как более абстрактного определения, чем категория диалектического противоречия, можно понять только через раскрытие струк-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 293.

туры диалектического противоречия. В свою очередь, сущность диалектического противоречия раскрывается только через структуру закона единства и «борьбы» противоположностей, как более конкретного определения. Так, если под структурой диалектического противоречия понимать совокупность существенных отношений его элементов, взятых в единстве устойчивости и изменчивости, то ее можно схематично представить следующим образом:

В схеме схвачены наиболее существенные и устойчивые элементы, входящие в структуру диалектического противоречия.

В литературе подчас диалектическое противоречие связывают только с различием, тогда как не всякое различие можно рассматривать как противоречие. Только различия, представляющие собой дифференциацию сущности явления, можно и нужно связывать с противоречием. Лишь те различия приобретают значение для понимания противоречия, которые могут быть сведены к тождеству, к единой субстанциальной основе. Иначе говоря, только через субстанциальное тождество различия выступают как **противоположности**¹. Следовательно, помимо противоположностей, элементами структуры диалектического противоречия являются как тождество и различие, так и сущность и явление.

Важное место в структуре диалектического противоречия занимают элементы, характеризующие моменты взаимоотношения противоположностей — «единство противоположностей» и «борьба противоположностей». Взятые вместе эти моменты выступают как закон связи между такими конституирующими элементами диалектического противоречия, как противоположности. Именно закон единства и «борьбы» противоположностей является более глубоким и конкретным определением сущности явления, ибо он выражает существенную и устойчиво повторяющуюся связь между противоположностями. Отсюда очевидна несостоятельность встречающегося в литературе отождествления диалектического противоречия и закона единства и «борьбы» противоположностей или же трактовки диалектического противоречия только как «борьбы» противоположностей.

¹ Подробнее см.: В. В. Кцм. Различие и противоречие.— В сб.: Проблемы диалектики, вып. 3. Л., 1973.

Обратимся к проблеме соотношения тождества и единства противоположностей, которая в философской литературе получила различное и довольно разноречивое освещение: от полного отрицания их совпадения (по смыслу) до их отождествления².

Известно, что в отношениях между вещами, их сторонами, компонентами существует и тождество, и различие. Если определенные типы различия составляют основу противоположностей, то тождество составляет основу их взаимосвязи, т. е. их единства. Безусловно, именно в этом аспекте В. И. Ленин употреблял термины «тождество» и «единство» в одном и том же смысле³. Действительно, тождество противоположностей означает существование противоположностей в единстве, их взаимопревращаемость, т. е. переход одной противоположности в другую. Никогда тождество противоположностей не бывает мертвым, застывшим, а является живым, подвижным, относительным. В определенных условиях каждая из присущих явлению двух противоположностей переходит в то положение, которое занимает противостоящая ей сторона. «В жизни, в движении,— писал В. И. Ленин,— все и вся *бывает* как «в себе», так и «для других» в отношении к другому, превращаясь из одного состояния в другое»⁴. Если под противоположностями понимать «различия одной *сущности* на *высшей ступени ее развития*» или «различное определение сущности»⁵, то применительно к этой сущности явлений понятия «тождество» и «единство» равнозначны, они по смыслу совпадают полностью. Ленинский пример рассмотрения взаимосвязи категорий общего и отдельного как нельзя лучше поясняет это⁶.

Вне рассмотренных отношений равнозначное употребление «тождества» и «единства», без точного определения их специфики, непозволительно. Во-первых, во взаимосвязи категорий тождества и единства можно обнаружить не только совпадение, но и несовпадение. Категория «единство» характеризует, с одной стороны, принадлежность к единому, т. е. к данной определенной целостности, вещи, явлению, процессу и т. д., с другой — наличие общего, вытекающего из принадлежности к единому. Тождество же характеризуется наличием общего в вещах и явлениях, обусловленным, вытекающим из единства. Отсюда ясно, что по объему содержания понятие «единство» шире понятия «тождество», ибо не всегда единство выражается в тождестве. Единство выступает как тождество только в том случае, когда

² См. напр.: Н. В. Карабанов. О единстве и тождестве противоположностей.— В сб.: Вопросы диалектического материализма. Элементы диалектики. М., 1960; В. П. Чертков. Ядро диалектики. М., 1963; С. П. Дудель, Г. М. Штракс. Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1967; В. И. Горбач. Проблемы диалектических противоречий. М., 1972; и др.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 316—317.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 97. Об этом же см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 529—531.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 321.

⁶ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

наличие общего характеризует ряд сходных признаков, свойств и т. д. Поэтому можно сказать, что если всякое тождество есть единство, то не всегда единство есть тождество. Только в известных случаях эти понятия употребляются как синонимы.

Во-вторых, тождество, в соотношении с единством, характеризует самое существенное и необходимое в этом единстве, т. е. выступает как бы **существенным основанием** единства, например, единства мира, социального единства в обществе и т. д. Так, именно существование тождества коренных целей и интересов у всех социальных групп населения нашего общества делает возможным возникновение и развитие социального единства советского общества. Основные формы выражения этого единства общеизвестны: союз рабочего класса и колхозного крестьянства, дружба народов, единство партии и народа и т. д. Однако тождество коренных целей и интересов не исключает, а, наоборот, включает в себя живые различия и противоречия, без которых само существование данного явления было бы невозможно. Здесь должен быть подход сугубо диалектическим, ибо одинаково ошибочным будет рассмотрение единства в обществе в отрыве и вне всякой борьбы противоположностей, а борьбы в отрыве от единства. Нельзя разрывать и противопоставлять два взаимосвязанных момента противоречия — единство и «борьбу» противоположностей.

И, наконец, в-третьих, несовпадение категорий тождества и единства заключается в том, что тождество как соотношение вещи с самой собой предполагает ее отличие от всего другого. Вещи различны, ибо они себестождественны, и, наоборот, они тождественны себе, ибо различны между собой. Единство же такого значения не имеет. О единстве, применительно к отдельной вещи, взятой с внешней стороны, принято говорить, имея в виду такую ее количественную характеристику, как единичность. С этой стороны единство есть понятие собирательное.

Таким образом, в структуре диалектического противоречия, за исключением отношений его элементов на уровне закона единства и «борьбы» противоположностей, тождество в качестве своей «пары» соотносится с различием, тогда как категория единство — с многообразием.

В. И. СУХАНОВ

О СИСТЕМЕ ПОНЯТИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ КАТЕГОРИЮ «ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ»

В настоящее время в советской философской литературе предпринимаются попытки построить систему категорий материалистической диалектики. Не отрицая полезности и значимости

данной проблемы, считаем, что в то же время не менее актуальна и важна другая проблема — создание микросистем понятий, т. е. таких систем, с помощью которых раскрывается содержание основных категорий диалектики. «По существу, осмысление на современном уровне каждой категории диалектики составляет сложную философскую проблему, решение которой возможно лишь в тесной связи с обобщением развития социальной практики и научного познания»¹.

При построении микросистем понятий, предназначенных для логической характеристики категорий, в данном случае категории «диалектическое противоречие», важное значение имеют исходные категории. Требования, которые предъявляются к исходным категориям, принципы их отбора и расстановки, по существу, те же, что и требования к самой микросистеме понятий.

Во-первых, порядок расположения исходных категорий должен соответствовать самой действительности и законам познания. Во-вторых, исходные категории — это минимум, позволяющий совершить логический переход к изложению понятий, посредством которых раскрывается действительная природа объективного противоречия. Уместно будет напомнить слова В. И. Ленина о том, что «категории надо *вывести...*»². В-третьих, исходные категории должны быть связаны между собой так, чтобы они могли образовать отправную стадию всего последующего логического процесса. Основу их расположения и построения микросистемы понятий составляет принцип развития. В-четвертых, обязательным требованием при изложении исходных категорий является движение исследования от наиболее абстрактного начала ко все более и более конкретному результату.

Исходные категории — это не только логическое начало в системе понятий, но и основа, фундамент их движения, переходов, превращений. Без них невозможно развертывание понятий, последовательность изложения, определение философской позиции и линии в решении общеметодологических проблем. Более того, именно исходные категории определяют характер решения этих проблем.

Системный подход, т. е. рассмотрение объекта познания как системы, применяется по существу во всех современных науках. Однако из этого было бы неправильно делать вывод о том, что системный подход является детищем науки XX в., что приоритет в его разработке и применении принадлежит естественным наукам. Системный подход, в основе которого лежит диалектический метод, разрабатывался и классически применялся марксизмом на всех этапах его развития. Сошлемся, в частности, на «Капитал» Маркса, который сочетает в себе и разработку, и при-

¹ Ф. В. Константинов. Современные проблемы марксистско-ленинской философии и задачи философской общественности. — В кн.: Философия и современность. М., 1973, с. 43.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 86.

менение системного подхода при познании капиталистических производственных отношений. В «Критике политической экономии», в «Главе о капитале» К. Маркс писал: «Если в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития»³.

Анализ современных исследований по проблеме систем позволяет определить данное понятие примерно следующим образом: система — динамичный, целостный комплекс связанных между собой элементов. Определяя систему как комплекс элементов, мы тем самым указываем на ее структурность. Система в этом аспекте может быть понята как все то, что структурно организовано.

В понятии «система» раскрываются два ее основных признака: во-первых, наличие в ней определенного количества качественно различных элементов; во-вторых, связь элементов системы. Что касается структуры, то она не только фиксирует наличие в системе того и другого — и элементов, и их связей, но еще раскрывает характер и сущность взаимодействия этих двух компонентов любой системы и тем самым целостность системы, ибо в процессе и на основе структурных изменений возникает то, что не свойственно ни элементам, ни их связям, ни взаимодействию того и другого. Через анализ взаимодействия двух основных компонентов системы раскрывается механизм действия системы, ее функционирование, изменение и развитие.

Если теперь попытаться подойти к системе как отношению целого и части, то она может быть понята как отношение элементов двоякого рода — элементов как частей системы (вещи, свойства, отношения) и элементов как отношений частей, связь этих двух частей системы (целого) и есть структура. Она характеризуется как единство устойчивости и изменчивости, причем то и другое двояко распределяются в самой структуре.

Во-первых, устойчивость присуща связи элементов, поскольку один и тот же тип связи повторяется, воспроизводится в пространстве и времени, что объясняется устойчивостью самих элементов. Данная устойчивость обеспечивает сохранность, существование системы в состоянии относительного покоя. В то же время тип связи элементов изменяется в рамках системы, что обусловлено

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, с. 229.

определенными изменениями одних и тех же элементов. Данная изменчивость обеспечивает устойчивость системы, ибо без изменений, повторяющихся и воспроизводящихся, устойчивость невозможна.

Во-вторых, устойчивость и изменчивость распределяются между основными компонентами системы. В этом случае носителем устойчивости будет тип, способ связи, а изменчивости — сами элементы. Данная устойчивость и данная изменчивость образуют, если допустимо такое выражение, стороны процесса развития системы, но не сами по себе, а через взаимодействие друг с другом.

Структура, независимо от того, как ее толковать⁴, являясь более конкретной и углубленной характеристикой бытия по сравнению с системой, в то же время сама нуждается в объяснении. Анализ структуры, сколь бы точен он ни был, не может вскрыть причин изменения элементов, а стало быть и их связи, изменения всех граней структуры и системы в целом. Он, наконец, не может объяснить, почему одна система трансформируется в другую. И суть дела здесь в том, что сама по себе структура не может быть источником изменений, в ней происходящих, источником превращения одной системы в другую. В то же время в самой структуре содержится источник ее изменения и развития — противоречия. Более того, противоречия дают ключ к пониманию самого бытия структуры, а следовательно, и системы. «Условие познания всех процессов мира в их *«самодвижении»*, в их спонтаннейшем развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей»⁵.

Находясь в структуре системы, противоречие само имеет структуру, которая позволяет проникнуть в механизм его действия.

При анализе структуры диалектического противоречия возможно вычленение следующих взаимосвязанных между собой граней.

1. Устойчивость структуры и механизма действия диалектического противоречия (тождество и различие, соответствие и несоответствие элементов системы; элементы системы как противоположности; единство противоположностей; «борьба» противоположностей, ее соотношение с противоречием; повторяемость, стадийность и цикличность в движении противоречия).

2. Изменчивость структуры и механизма действия диалектического противоречия (стадийность и цикличность как характеристики развивающегося противоречия; возникновение и формирование противоречия, внешнее выражение внутреннего противоречия; обострение противоречия, превращение внутреннего противоречия

⁴ См.: М. Н. Руткевич. Структура как философская категория.— В кн.: Категория структуры в системе философских категорий. Свердловск, 1973.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

во внешнее; разрешение противоречия, превращение внешнего противоречия в качественно новое, внутреннее).

3. Противоречие и множество противоречий (система как множество противоречий, глобальные противоречия, основное противоречие системы, локальные противоречия, эпизодические противоречия, связующие противоречия).

Соответственно трем основным граням в структуре диалектического противоречия следует различать и три группы понятий, образующих в своем единстве микросистему понятий, раскрывающих сущность категории «диалектическое противоречие»:

- 1) понятия, отражающие бытие противоречия;
- 2) понятия, отражающие развитие противоречия;
- 3) понятия, отражающие многообразие противоречий системы.

Вычленение в диалектическом противоречии структурных граней позволяет описать механизм его действия, показать противоречие как активное, деятельное и напряженное внутреннее состояние системы.

А. Я. РАЙБЕКАС

ОТНОШЕНИЕ, СВЯЗЬ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Понятия связи, взаимодействия, отношения входят в группу, которую условно можно было бы назвать группой категорий движения. Будучи понятиями разного уровня абстракции, отображая материальное движение с разных сторон и с различной глубиной, эти категории отнюдь не являются синонимами. Рассмотрение содержания, соотношения этих категорий представляет определенный интерес, тем более, что в советской философской литературе по данному вопросу нет единой точки зрения.

Представляется целесообразным начать рассмотрение этих понятий с анализа категории отношения, которая, по нашему мнению, является наиболее абстрактной в ряду понятий, отображающих материальное движение.

В отношении участвуют по крайней мере две **различные вещи**. Но еще древнегреческие философы заметили, что различие есть бытие одного и того же, но в качестве другого; о последнем, таким образом, всегда говорится в противоположность тому, что говорится о тождественном. Иными словами, отношение устанавливается между **различными** вещами по **тождественному** для них признаку, причем соотносимые стороны различны и тождественны в **одном и том же** отношении. Различенность, ограниченность сторон отношения и их тождественность (одно и то же отношение) есть неотъемлемые моменты отношения вещей и как их противоречивое единство отношение суть **противоречие**.

Всеобщий характер этой категории, выражающей противоречивую природу бытия вещей, был великолепно понят и развит

Гегелем. «Все, что существует,— отмечал он,— находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования. Благодаря отношению существующее — не абстрактно, не стоит само по себе, но есть лишь в другом, но в этом другом оно есть соотношение с собой и отношение есть единство соотношения с собою и соотношения с другим»¹. В этом отношении с собой через другое каждая из сторон отношения противоположна самой себе и, следовательно, всякое отношение действительно суть противоречие. «Отношения (= переходы=противоречия) понятий» — таково, по словам В. И. Ленина, **главное** содержание логики, отображающей в содержании и движении понятий объективную диалектику вещей («явлений, мира, природы») ².

Категория отношения обозначает (и, соответственно, отображает) движение, «схватывая» самую его суть. Если в понятии движения, замечает Гегель, противоречие в известном смысле еще скрыто за простотой его (движения) определения, то «наоборот, в определениях отношения противоречие выступает непосредственно. Тривиальнейшие примеры: верх и низ, правое и левое, отец и сын и т. д. до бесконечности, все содержат противоположности в одном определении»³.

Признание объективного характера отношений вещей выражается в наличии прочной историко-философской традиции понимания **связи** вещей как отношения. Понятие связи является, по видимому, одним из первых понятий, в которых человек пытался отобразить процессуальный (изменчивый) характер бытия мира, обусловленный взаимодействием вещей. В понятии связи прежде всего отображался факт **изменения определенности** одной вещи в результате воздействия на нее другой. Выяснить **зависимость** можно было, очевидно, лишь **соотнеся** действие (точнее, воздействующую вещь) и его результат (воздействуемую вещь). Но соотнести разные вещи можно лишь по тому, что является в них тождественным, иными словами, единым (одним и тем же) для них. Поэтому «связать», установить связь вещей — значит **соединить** их, отобразить как различное единство. Связь вещей, таким образом, с одной стороны, исходит из их единства, с другой — устанавливает его. Сказанное, на наш взгляд, объясняет, почему, познавая многообразие связей вещей, мы необходимо приходим к идее единства материального мира.

В понятии связи отображается взаимное изменение вещей, обусловленное процессом, их взаимодействия. Имея это в виду, Ф. Энгельс и отмечал, что уже в самом факте взаимосвязи вещей заключено то, что они взаимодействуют друг с другом и это их взаимное воздействие друг на друга и есть движение ⁴.

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1. М.—Л., 1930, с. 226.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 178.

³ Цит. по: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 127.

⁴ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 392.

Итак, в понятии связи находит свое выражение динамический (процессуальный) характер отношений материальных вещей, реализующихся в форме их взаимодействия. Связь, стало быть, суть противоречие и в этом смысле — отношение. Видимо, именно это имел в виду В. И. Ленин, подчеркивая, что диалектическое отрицание следует понимать «как момент связи, как момент развития...»⁵. Иногда, правда, высказывается мнение, что существует достаточно много предметов или свойств, между которыми имеется неразрывная связь, но она не имеет характера взаимодействия и, таким образом, не является реализацией противоречия⁶. При этом в качестве примеров, якобы подтверждающих эту мысль, приводят зависимость (связь), скажем, массы атома от заряда его ядра, связь объема шара с его диаметром и т. п. Совершенно очевидно, что в данном случае имеет место явное смешение онтологического и гносеологического аспектов рассмотрения.

Понятие взаимодействия появляется значительно позже, чем понятия связи и отношения, с которыми мы встречаемся уже в философских системах древних. Древние греки, например, не знали понятия взаимодействия, ограничиваясь рассмотрением процесса одностороннего воздействия одного на другое. Такой подход, как отмечает Ф. Энгельс, был исторически оправдан, так как взаимодействие есть «такой двусторонний процесс, который по своей природе может рассматриваться с двух различных точек зрения; чтобы его понять как целое, его даже необходимо исследовать в отдельности сперва с одной, затем с другой точки зрения, прежде чем можно будет подытожить совокупный результат»⁷. Взаимодействие мысленно расчленяется, «разносится» на воздействие одного на другое; эта абстракция необходимо связана с представлением, что вещь как носитель и предмет воздействия может существовать до, вне и независимо от этого воздействия (обладая этой способностью в возможности и реализуя ее в подходящем для этого случае).

Идея взаимного воздействия находит свое первоначальное выражение в представлении о взаимной зависимости, взаимной связи материальных вещей, ибо отображая, как увидим далее, внешнее проявление взаимодействия вещей, понятие связи представляло «первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи»⁸.

Представление о взаимодействии устанавливается в эпоху Нового времени и четко формулируется первоначально только для случая механического движения в физике Ньютона: взаимодейст-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

⁶ См.: С. Т. Мелюхин. О диалектике развития неорганической природы. М., 1960, с. 83—84; Б. А. Бабин. К определению понятия «система». — «Философские науки», 1974, № 3, с. 134—137.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 483.

⁸ Там же, с. 544.

вие понимается как взаимное механическое воздействие **непосредственно** соприкасающихся друг с другом тел. Потребовалась по времени целая эпоха в естествознании и философии, пока утвердилось понимание взаимодействия в самом широком смысле этого слова — как материального отношения вещей, осуществляющегося в форме их взаимного изменения. Отсюда уже следовало, что взаимодействие может носить как непосредственный, так и опосредованный характер, что и обнаружилось достаточно четко, «лишь только люди познали вселенную как систему, как взаимную связь тел»⁹.

Только с выявлением противоречивой природы движения, с пониманием отношения как противоречия стала возможной конкретизация представления о связи вещей в более глубокое и содержательное понятие взаимодействия, понимание самого движения как взаимодействия.

Сказанное выше о движении как взаимодействии позволяет рассмотреть структуру последнего как структуру противоречия и на этой основе выявить отчасти намеченное ранее соотношение понятий связи и отношения.

Рассматривая материальное отношение как отношение противоположностей, можно выделить в нем, по крайней мере, два уровня — внешний и внутренний¹⁰. Уровень «соотношения с другим» — это, так сказать, уровень внешний, уровень существования противоположных сторон отношения в их нераздельности друг от друга, в их полагании друг друга и вместе с тем в их относительной самостоятельности (отграниченности) друг от друга; с точки зрения их пространственно-временной характеристики эти внешне соположенные стороны-полюса противоположности существуют одновременно, будучи пространственно разнесены. Внутренний уровень отношения противоположностей — отношение каждой из соотносящихся сторон к самой себе, которое каждая из сторон отношения реализует, как уже было сказано, через свое отношение к другому, полагая, обосновывая таким образом это другое как форму, в которой оно внешним образом обнаруживает себя. Каждая из соотносящихся сторон взаимодействия в своем отношении к самой себе существует как конкретное тождество, как различенное в себе единство и в этом смысле (как противоречивое равенство самой себе) может быть определена как сущность¹¹. Иначе говоря, когда речь идет о «внутреннем уровне» материального отношения (взаимодействия) вещей, мы имеем дело с противоречием в самой сущности соотносящихся сторон. Если учесть, что противоречие может существовать лишь постоянно воспроизводя себя как противоречие, то понятно, почему сущность

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 392.

¹⁰ См.: Ф. Ф. Ваккерев. Структура диалектического противоречия. — «Вопросы философии», 1964, № 9; В. И. Горбач. Проблемы диалектических противоречий. М., 1972.

¹¹ См.: Гегель. Наука логики, т. 2. Учение о сущности. М., 1971.

есть нечто самодвижущееся, саморазвивающееся, т. е. в своем бытии исходящее из самого себя.

Не следует, конечно, забывать, что выявление внешнего (уровень функционирования противоположностей) и внутреннего, сущностного уровней в структуре взаимодействия довольно условно, оба они существуют лишь как необходимые моменты материального отношения в целом; при этом внешняя противоположность соотносящихся сторон-полюсов выступает как форма проявления и, таким образом, существования и движения внутреннего противоречия: внутреннее обнаруживается, становится вполне наружным, внешним, так как все, что находится внутри, открывается или действует¹².

Анализ взаимодействия сторон-полюсов реального отношения показывает, что противоположности как стороны отношения нераздельны и в этом смысле **едины**, составляют единство. Эта нераздельность бытия взаимодействующих сторон-полюсов материального отношения находит свое выражение во **взаимной зависимости** каждой из них от другой, что и отображается в содержании понятия «связь».

Понятие связи, отражая **внешнюю сторону взаимодействия** вещей, фиксирует скорее уже результат взаимодействия, то, что остается на поверхности, а именно — взаимозависимость соотносимых сторон взаимодействия. Как проявление внутреннего, сущностного аспекта взаимодействия сторон отношения связь, с одной стороны, предполагает единство (внутреннее единство), с другой — устанавливает единство (внешнее единство сторон отношения). В этой своей функции связь не только соединяет, но и объединяет разные стороны отношения. Связь соотносящихся сторон возникает на базе их различного единства (т. е. конкретного тождества) и устанавливает единство различного; как это противоречивое единство объединения и разделения она, разумеется, также суть отношение. Имея в виду сказанное выше (взаимозависимость сторон отношения как ставший результат), связь можно рассматривать как внешнее завершенное отношение вещей (в отличие от внутреннего аспекта взаимодействия вещей как отношения незавершенного)¹³. Это, однако, не является, на наш взгляд, основанием для того, чтобы рассматривать саму связь как частный случай отношения¹⁴.

Если говорить о материальных отношениях вещей, то они всегда носят характер взаимодействия и обнаруживают себя в форме той или иной зависимости соотносящихся вещей друг от друга, т. е. их связи. Когда же пытаются установить место связи в ряду отношений или рассматривать отношение как одну из форм связи, то, как нам представляется, происходит смешение онтоло-

¹² Гегель. Наука логики, т. 2, с. 165.

¹³ А. И. Уёмов. Отношение и связь.— «Философская мысль», 1969, № 3 (на укр. яз.).

¹⁴ Там же.

гического и гносеологического аспектов рассмотрения. Категории взаимодействия связи и отношения с разной степенью абстракции отражают **одно и то же** — материальное движение. В ряду понятий, отражающих движение, категория отношения является предельной абстракцией, выражающей самую суть движения — его противоречивую природу. Именно поэтому и взаимодействие, и связь, фиксирующая внешний аспект взаимодействия вещей, есть отношение.

Связь вещей есть отношение по самой своей сути, по той основе (внутренний, сущностный уровень взаимодействия), которая полагает и обосновывает ее. Вместе с тем связь есть внешняя форма, в которой реализуется и обнаруживает себя взаимодействие вещей, иными словами, их отношение. Не удивительно, что характер изменения сторон отношения (изменение связи) может, вообще говоря, как отметил А. И. Уемов, и не совпадать с изменением самого отношения¹⁵. Ситуация здесь, на наш взгляд, аналогична той, когда изменения явления не совпадают с изменением его сущности. Как предельная абстракция материального движения понятие отношения охватывает все многообразие его материальных форм и их мыслительных образов.

Б. Ф. КЕВБРИН

КАТЕГОРИЯ «СОСТОЯНИЕ» И ЕЕ ФИЛОСОФСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Категорией «состояние» в частных науках обозначается конкретный способ проявления бытия системы, предмета в определенный момент времени. В познании изменения, функционирования и развития, по словам В. И. Ленина, «особенно необходимо, чтобы... был исследован весь ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития»¹. В. И. Ленин писал, что «диалектический материализм настаивает... на превращении движущейся материи из одного состояния в другое»². А это значит, что необходимо знать и исследовать различные состояния изменяющейся действительности, необходимо разрабатывать категории, отражающие различные стороны, свойства, отношения, состояния материи.

Впервые «состояние» как философская категория рассматривается Аристотелем: «Одно называется сущим потому, что оно сущность, другое — потому, что оно состояние сущности, третье — потому, что оно путь к сущности»³. Качество у Аристотеля высту-

¹⁵ А. И. Уемов. Вещи, свойства и отношения. М., 1963, с. 50.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 167.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 276.

³ Аристотель. Соч., т. 1. М., 1976, с. 120.

пает в четырех значениях, одним из значений являются «состояния движущихся сущностей, например тепло и холод, белизна и чернота, тяжесть и легкость и все тому подобное, изменение чего дает основание говорить, что и тела становятся другими»⁴.

Любая система изменяется, развивается, а значит, и проявляет свое бытие в каждый момент времени специфическим образом в силу того, что на данную систему действуют внешние и внутренние детерминанты, наблюдаются различные условия. Специфика проявления, реализации бытия зависит и от самой природы системы. Какое-то свойство, отношение, сторона этой системы оказывается определяющим по отношению к другим, что и отражается категорией «состояние». Например, когда пространственное перемещение системы доминирует над покоем, она находится в состоянии движения, а когда преобладает покой,— в состоянии покоя. Таким образом, состояние фиксирует специфику, конкретность проявления бытия в данный момент времени. Форм проявления бытия систем, материи существует множество, а значит необходимо отличать то специфическое, неповторимое, что отличает категорию «состояние» от других категорий, близких к ней по содержанию и отражающих способ проявления бытия материи (качество, количество, мера, свойство и пр.).

Специфика категории состояния, в отличие от других категорий, близких по содержанию к ней, проявляется в том, что она отражает способ проявления бытия материи, системы в данный момент времени, а также фиксирует результат изменения, развития системы.

В философской литературе можно встретить отождествление качества и состояния в силу того, что качество совпадает с внутренней определенностью предмета, которая представляет единство его основных свойств, а состояние есть не что иное, как способ проявления этой определенности.

Качество предмета шире, стабильнее; только при определенных количественных изменениях, на границе меры переходит данное качество в другое. Состояние же динамичнее и существует менее продолжительное время в пределах меры предмета, это есть временной срез бытия предмета с его количественными и качественными характеристиками.

Процесс смены состояний имеет постоянный характер и только при переходе границы меры смена состояний приводит к смене качества предмета. Смена состояний в пределах меры отражает факт изменения качества предмета, что выражается в понятии «качественное состояние». Например, развитой социализм — это определенное качественное состояние коммунистической формации. В то же время по отношению к обществу в целом общественно-экономические формации выступают как различные качественные состояния общественного прогресса.

⁴ Там же, с. 166.

Состояние является характеристикой качественной определенности бытия предмета в пределах меры. Мера бытия предмета есть ряд генетически связанных между собой состояний, последовательное изменение которых приводит к смене меры предмета. Отсюда следует, что состояния «теснее», ближе находятся к предмету и фиксируют любые, малые изменения и отношения предмета с другими предметами, точнее фиксируют процесс развития.

Качество предмета предполагает множество характеристик, параметров, отношений и пр. Состояние системы предполагает ограниченное их число, достаточное для описания доминирующей формы бытия системы, для выявления законов связи и смены этих доминант в различные промежутки времени. В связи с этим многие частные науки оперируют понятием «состояние», а не «качество», анализируют не качество системы, а различные ее состояния.

Состояние отличается от свойства предмета. «Свойства представляют собой результат внутренних и внешних связей и взаимодействий тел»⁵ и, как правило, более устойчивы, чем состояния. Состояния не обладают относительной самостоятельностью по отношению к системе, так как любая система всегда находится в определенном состоянии. Отсюда следует, что существуют не состояния, а системы, предметы, обладающие состояниями. Свойству же присуща относительная самостоятельность в том смысле, что при переходе системы в различные состояния происходит потеря каких-то свойств или появление новых. Свойство раскрывает систему только с одной стороны. Состояние системы характеризуется свойствами, присущими системе, что говорит о широте охвата бытия предметов категорией «состояние» по отношению к свойствам. В некоторых случаях состояния могут переходить в свойства, если, например, какое-то состояние системы в процессе изменения ее закрепляется за ней и сопутствует данной системе в дальнейшем изменении. Еще Аристотель отмечал, что свойства «возникают» из состояний.

Итак, состояние — это философская категория, характеризующая конкретный, доминирующий способ проявления бытия предметов, явлений в пределах их меры, в данных отношениях в определенном месте и времени. Категория «состояние» тесно связана с другими категориями диалектики, отличаясь от них по своему содержанию. В процессе познания она выполняет интегральную функцию, характеризует совокупность качественных и количественных характеристик, изменение структуры, взаимоотношение элементов, свойств системы в определенный момент времени. Без анализа состояний системы невозможно познание изменения, развития системы.

⁵ С. Т. Мелюхин. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966, с. 331.

СООТНОШЕНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ

Определяя свое отношение к случайному, Ф. Энгельс писал: «Можно сколько угодно утверждать, что многообразие существующих бок о бок на определенной территории органических и неорганических видов и индивидов покоится на нерушимой необходимости,— для отдельных видов и индивидов оно остается тем, чем было, т. е. случайным»¹. Вообще случаен каждый конкретный момент действительности в своей индивидуальной неповторимости. Необходимость проявляется лишь в определенном «коллективе» этих моментов в виде необходимости относительной, опосредствованной через эти моменты. Необходимость выступает как мера, определяющая данный коллектив, ограничивающая пределы вероятностного варьирования количественных и качественных признаков каждого момента, т. е. как своеобразная «граница» данного коллектива. По отношению к этой мере конкретный момент действительности, входящий в коллектив, выступает как случайность — проявление данной необходимости. Случайность — дополнение данной необходимости — участвует в процессе генезиса каждого конкретного момента действительности и включается в случайность-проявление как элемент ее собственной структуры. Случайность-дополнение (по отношению к данной необходимости) исходит из соответствующих ультра- и инфрасистем и по отношению к ней оправданы эпитеты «потустороннее», «необязательное», «внешнее» до тех пор, пока она выступает в роли детерминанты явления и не закреплена во внутренней структуре явления.

В свое время О. Курно характеризовал случайности как «события, возникшие при встрече или комбинации явлений, принадлежащих независимым рядам, получившимся в порядке причинности»². При этом предполагается, что необходимость является следствием пересечения зависимых друг от друга причинных рядов. Нетрудно заметить, что подобное определение, принятое без уточнений, проводит между необходимостью и случайностью весьма определенную демаркационную линию, после чего невозможно говорить о диалектическом единстве необходимого и случайного. Получается, что в мире сосуществуют «чистые» необходимости (результат пересечения зависимых рядов) и «чистые» случайности (результат пересечения независимых причинных рядов). Выявленное метафизическое противопоставление снимается, если учесть, что каждый момент действительности случаен в своей индивидуальности. Необходимость в «чистом» виде не существует, она присутствует в наличном бытии в «снятом» виде как *относительная необходимость, как детерминизм*³. На наш взгляд, опре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 534—535.

² О. Курно. Основы теории шансов и вероятностей. М., 1970, с. 85—86.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, с. 36.

деление О. Курно является критерием не для различения случайности и необходимости, а для различения случайности-проявления и случайности-дополнения данной необходимости.

Для уточнения сказанного рассмотрим в качестве примера взаимодействие изменчивости, наследственности и среды в процессе эволюции живого. Элементарной эволюирующей единицей выступает, как известно, не особь и не вид, а популяция. Основой для внутрипопуляционной изменчивости являются самопроизвольные мутации генов. Так как «процесс мутирования гена носит случайный характер... и не находится в каком-либо адаптивном отношении к среде, в которой он происходит»⁴, изменчивость «поставляет» среде результаты перекрещивания зависимых и независимых внутренних причинных рядов. Сами эти «результаты» (отдельные индивиды) представляют собой причинно-следственные цепи, по отношению к которым внешние факторы среды выступают как независимые причинные ряды. Таким образом, в отборе происходит пересечение независимых причинно-следственных цепей. Означает ли это, что результаты отбора — «чистая» случайность? Каждый индивид будет безусловно случаен в своей конкретной определенности (в любой популяции нет и двух абсолютно сходных индивидов), однако в популяции среди индивидов наблюдаются некоторые общие, сущностные признаки, несомые индивидами в «снятом» виде. Каждый индивид в популяции представляет собой случайность — проявление необходимости, определяющей существование, функционирование и эволюцию популяции. Сама эта необходимость представляет собой синтез внутренней генетической обусловленности и внешней детерминации среды. Детерминанты среды опосредствуют внутреннюю обусловленность, они выступают как случайность — дополнение внутренней необходимости. «Дополненная», она представляет в действительности уже не «чистую», а относительную необходимость.

Рассмотренный пример убеждает в том, что разрешение проблемы типологии категории «случайность» в ее соотношении с необходимостью способствует не только развитию диалектико-материалистической картины мира, но и имеет непосредственную связь с философскими проблемами частных наук.

Представляется целесообразным проводить дальнейшее уточнение содержания категорий «необходимость» и «случайность» через построение системы опосредствующих категорий, в которую (с учетом взаимосвязи категорий) войдут практически все известные категории диалектического материализма. Можно утверждать, что любая из категорий «позволяет» выбрать ее в качестве основания системы. Однако парные категории, отражая диалектику противоположностей, обладают в связи с этим преимуществом при построении подобной системы. Мы должны, кроме того, опреде-

⁴ Р. Сэджер и Ф. Райн. Цитологические и химические основы наследственности. М., 1964, с. 78.

литель принцип построения системы, причем здесь два пути: либо исходить из процессов объективной действительности и воспроизводить в построении системы логику этих процессов, либо опираться на исторический путь становления категорий, развития познания⁵. Единство субъективной и объективной диалектики выявляется при этом в том и в другом случае как в процессе построения системы, так и в структуре уже законченной системы.

В онтологическом плане рассмотрения необходимость и случайность соотносятся как сущность и явление и сопоставимые с ними категории, т. е. соответственно, как внутреннее и внешнее, устойчивое и изменчивое, общее и единичное, основание и существование и т. п. Устойчивое, общее, существенно-внутреннее, то, что объединяется в философской категории «сущность», имеет статус объективного существования, но оно существует, только присутствуя в «снятом» виде в изменчивом, единичном, внешнем — т. е. в явлении. Категории «изменчивость», «единичное», «внешнее», раскрывающие содержание явления, характеризуют, таким образом, и случайность. И одновременно, категория «случайность» характеризует явление. При этом «внешнее» должно рассматриваться как внешнее данного внутреннего, а не как потусторонне-внешнее. Соотнесение необходимости и случайности с категорией «мера» было проведено ранее.

Отметим, что ни одна из приведенных пар категорий в отдельности не раскрывает диалектику взаимосвязи необходимости и случайности сколько-нибудь полно, это задача всей системы.

Л. Ф. РЫБКО

ПЕРЕХОД ОТ СЛУЧАЙНОСТИ К НЕОБХОДИМОСТИ

Для систематизации категорий диалектики важнейшее значение имеет принцип развития категорий, позволяющий раскрыть переходы между ними и тем самым вывести одни категории из других. В пределах каждой категории процесс развития достигает рано или поздно такого высшего своего пункта, где предельно «развитое тело» для данной категории становится одновременно исходным пунктом, «клеточкой» развития другой, более сложной категории. В частности, превращение случайного в необходимое есть процесс, включающий развитие самого случайного, определенные этапы становления случайности и необходимости. Рассмотрим логику данного процесса, имея в качестве реального прообраза процесс превращения избыточного продукта в товар, исследованный в «Капитале» К. Маркса.

В случайности, характеризующей зародыш развития, синтезированы абстрактное, единичное, явление, форма (необходимости)

⁵ См.: Диалектический материализм. М., 1975, с. 147.

и другие категории. Случайное необходимо — значит оно содержит в себе зародыш необходимости, тенденцию превращения в необходимость. Такую случайность классики марксизма называли единичной или чистой. Возникшая случайность содержит в себе возможность другого, форму необходимости. В случайном только заложена могущая получить дальнейшее развитие возможность необходимости, или ее могущая получить дальнейшее развитие абстрактная форма. Превращение абстрактной формы в действительность требует целой совокупности отношений, которые складываются в ходе развития. Маркс на примере теории экономических кризисов показал, что *«наиболее абстрактной формой кризиса (и потому формальной возможностью кризиса) является сам метаморфоз товара...»*¹.

В процессе повторения случайного в нем выкристаллизовывается нечто устойчивое, возобновляющееся, инвариантное, скрывающееся на первых этапах своего развития за индивидуальными, неповторимыми параметрами единичного. Прорыв «оболочки» единичного начинается тогда, когда что-то повторилось в вещи, когда появился признак, присущий хотя бы нескольким объектам. Только тогда единичное возводится в особенное и, далее, через особенное — во всеобщее. Всеобщее входит в единичное как его живая сущность (или частичка или сторона); а единичное (и особенное) находит во всеобщем прочную основу и подлинное содержание своей действительности. Высшая категория (всеобщее) отрицает низшую диалектически, т. е. так, что низшая категория не отбрасывается полностью, а снимается, сберегается, сохраняется в высшей своим положительным содержанием в виде актуальной основы.

Исходные моменты случайного — формальная возможность и формальная действительность — «суть наиабстрактнейшие, наибеднейшие, а потому первоначальные формы противоречия»². Это «двоякое» существование случайного должно развиваться дальше в различие, различие — в противоположность и в противоречие. Ступени самодвижения противоречия и есть вхождение или углубление в сущность. Сущность есть результат взаимодействия противоположных сторон, порождающих многообразные связи предметов. Она раскроется только тогда, когда проявит себя как систему связей, взаимопереходов, опосредствований, их совокупного сцепления в составе целостности. Сущность объединяет и связывает все части вещи в единое целое. Она раскрывается совокупностью законов, «многими единицами» (Маркс), но она никогда не исчерпывает сфер своего существования одной единицей.

Процесс утверждения необходимости можно подразделить на ряд этапов, в пределах которых развивающаяся случайность (и сосуществующие с нею категории) отличается определенной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 2, с. 566.

² Гегель. Работы разных лет. В 2 т. Т. 2. М., 1973, с. 416.

устойчивостью, известным единообразием, сохраняя определенные качественные характеристики. Чтобы отразить реальную субординацию отношений, складывающихся между различными уровнями развития анализируемых категорий, установим следующую систему терминов: а) уровни становления случайности будем уточнять определениями: «единичная», «особенная», «всеобщая»; б) уровни становления необходимости — соответственно: «формальная», «условная», «безусловная». В этом случае сама терминология будет подчеркивать диалектику их связи и различия.

Сущность и необходимость развиваются параллельными рядами: сущность в себе³ — формальная необходимость, сущность как явление — условная необходимость, сущность в единстве с явлением — безусловная необходимость.

В сущности синтезируется все общее, устойчивое, повторяющееся, инвариантное, а необходимое, кроме компонентов сущности, включает также и нечто изменчивое, неразвитое, мимолетное, случайное. Случайное укрывается в двух относительно самостоятельных лабиринтах необходимого — содержании и форме. Случайные элементы содержания дополняют необходимость, форма проявляет ее. Необходимость в себе есть «полная содержания сущность» (Гегель), сущность же можно определить как чистую необходимость. Но такой необходимости никогда не было и быть не могло. «Чистый человек», например, — это совокупность всех общественных отношений. Но ни один человек не есть просто одна эта «совокупность», он гораздо богаче и многообразнее своей сущности и этот спектр вариаций «дарит» ему случайность. Необходимость — предельно широкое понятие, синтезирующее в своем объеме сущность (и явление), содержание (и форму), общее, случайное и т. п., т. е. все богатство предшествующих категорий в снятом виде.

Относительно независимые ряды категорий представляют в определенных местах более прочные «узлы», служащие опорными и направляющими пунктами их развития. Каждая последующая категория конкретнее предыдущей и включает все ценное, что добыто в ходе предшествующего развития; она ничего не оставляет позади себя, а «несет с собой все приобретенное, обогащается и сгущается внутри себя»⁴. Оттолкнувшись от одного «узла» категорий — случайное (единичное, явление, форма и пр.), в результате их самодвижения обнаруживаем второй «узел» — необходимое (всеобщее, сущность, содержание и пр.). «Опосредствование... — пояснял Гегель, — возводит случайное в необходимость»⁵. Закономерный характер развития данных категорий станет более отчетливым, если мы выделим следующие этапы их становления: 1) единичные случайности — формальная необходимость (сущ-

³ Система терминов заимствована у Гегеля.

⁴ Гегель. Наука логики, т. 3. М., 1972, с. 307.

⁵ Там же, с. 37.

ность в себе); 2) особенные случайности — условная необходимость (сущность как явление); 3) всеобщая случайность — без-условная необходимость (сущность как действительность). Можно утверждать, что этапы становления категорий диалектики не являются ни хаотичными, ни условными. При всей гибкости перегородок между смежными уровнями развивающихся категорий, при всем непостоянстве существующих между ними границ, непреложной остается качественная определенность этих категорий.

Ю. А. ХАРИН

О ПРИНЦИПАХ РАЗРАБОТКИ КАТЕГОРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Термин «социальная диалектика» получил в настоящее время в нашей литературе права гражданства¹. Одна за другой появляются работы о «социальном прогрессе», «социальном отрицании», «социальном противоречии», «социальном времени», «социальном пространстве», «социальном законе», «социальном качестве» и т. д. Этот процесс «социализации» философских категорий будет, вероятно, еще более усиливаться. Правомерен поэтому вопрос: в соответствии с какими принципами должна осуществляться разработка категорий социальной диалектики? Для некоторых авторов здесь нет никакой проблемы. По их мнению, сочетание предиката «социальный» с той или иной категорией диалектики есть просто один из «примеров» и иллюстраций соответствующих общеполитических моментов. «Социальное» прочтение категорий в данном случае исчерпывается воспроизведением их общедиалектических характеристик.

Но правильна ли такая позиция? Не будет ли более верным полагать, что включение материалистической диалектики в анализ социальной реальности (существен здесь именно «социальный» аспект истолкования общедиалектических моментов, а не простое сочетание прилагательного «социальный» с какой-либо категорией) ведет к определенной перестройке ее теоретической проблематики и позволяет обнаружить новые аспекты теории диалектики? Утвердительный ответ на последний вопрос и требует непосредственного обоснования исходных принципов анализа категорий социальной диалектики.

Первым из них является сформулированный теорией марксистской диалектики принцип конкретности всеобщего. Понятия и законы научной диалектики выражают всеобщее и тождественное в явлениях действительности. Но общее существует через и в отдельном, а тождество всегда предполагает различия. Сказан-

¹ См. напр.: П. Н. Федосеев. Диалектика современной эпохи. М., 1975, с. 114.

ное относится и к самим всеобщим диалектическим связям и отражающим их категориям. На конкретность всеобщего (хотя и в несколько иной связи) указывал, как известно, К. Маркс². Сущность диалектических закономерностей, как и всякое конкретное тождество, содержит в себе внутренние различия. Эти различия обуславливают не только своеобразие формы, но и специфичность содержания диалектики разных сфер действительности. Диалектически общее, «абстрактное» и единое (есть одна наука диалектика как учение о всеобщих законах движения природы, общества и мышления) существует в специфических и конкретных формах диалектики природы, социальной диалектики и диалектики познания (мышления).

В разработке категорий социальной диалектики необходимо опираться и на принцип развития всеобщего³. Законы диалектики вечны, ибо они действуют всегда. И в то же время с развитием объективной реальности действие этих законов не может не претерпевать некоторых изменений, поскольку качественно меняется сам характер движущейся материи. Тем более неверно говорить о неизменности сущности изучаемых диалектикой законов (а такого рода утверждения в нашей литературе встречаются нередко) в гносеологическом плане.

Особо резко обнаруживается конкретность и развитие всеобщего в сфере общества. Общество — это сложная динамическая система разнообразных материальных и духовных отношений и действий одаренных сознанием, чувствами и волей людей. По образному замечанию Маркса, люди — авторы и действующие лица собственной драмы — истории. Становление общества имело для развития объективной диалектики существенно иное значение, чем переход от неживой к живой материи в пределах диалектики природы. В механизме функционирования общедиалектических законов появляется новый по сравнению с законами природы компонент — социальный субъект как субстанциально-функциональная единица и носитель общественных процессов. Законы общества не теряют тем самым качества объективности, но реализуются лишь через деятельность (сознательную или стихийную) этого субъекта. Не только собственно социальные законы, но и общие законы диалектики в истории человечества проявляются как общественные отношения и социальные действия людей.

Поскольку в общественной жизни всеобщие диалектические моменты так или иначе опосредуются человеческой деятельностью, то в исследовании социальных аспектов категорий требуется использовать в качестве третьего методологического принципа марксовскую идею о взаимоотношении объективного и субъективного в истории.

² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 711.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

В разработке категорий социальной диалектики, наконец, необходимо опираться на научный принцип материалистического понимания общественной жизни. Истолкование категорий в социальном аспекте невозможно без применения всего богатства понятий и законов исторического материализма (учение о базисе и надстройке, о материальных и идеологических отношениях, закон определяющей роли общественного бытия и др.).

Применение в научном анализе изложенных принципов позволяет установить, что предикат «социальный» в интересующем нас контексте выражает (наряду с сохранением известных общих моментов) приобретение соответствующим понятием диалектики на уровне социальной реальности некоторых специфических определений. В результате используемое в истолковании общественных событий философское понятие оказывается значительно более содержательным и эвристически значимым. Это можно показать на примере «социального отрицания». Данное понятие требует оперирования не просто и только общедиалектическими характеристиками, но и выявления гораздо более конкретных особенностей объективной социальной диалектики: субъекта и объекта отрицания, методов и средств негации, направленности и цели отрицания и т. д. В анализ здесь вовлекается ряд таких понятий, как «социальное действие», «критика», «сомнение», «нигилизм», «революция», «реформа», «сознательность», «стихийность», «субъективный фактор», «насилие» и др. Таким образом, обращение к исследованию социального аспекта категории отрицания требует не простого «перевода» на «социальный» язык известных общедиалектических моментов («самоотрицание», «переход в противоположность», «деструкция» и т. п.), но в значительной мере расширения традиционной проблематики одного из важнейших элементов материалистической диалектики.

Можно было бы и на других примерах показать справедливость высказанного в литературе суждения, что сопоставление диалектики природы и диалектики общественного развития — это верный путь к новым выводам и обобщениям.

Потребность в разработке категорий социальной диалектики на основе сформулированных ранее принципов предполагает развитие в рамках общей науки материалистической диалектики особой теории. Речь идет о теории социальной диалектики. Анализ категорий социальной диалектики — удел не «чистых диалектиков» или «чистых истматчиков», а своего рода пограничная проблема, равно интересная и для тех и для других. Главное, что определяет необходимость формирования теории социальной диалектики — это возникновение на уровне общества принципиально нового фактора и момента объективной диалектики — социального субъекта. Предмет теории социальной диалектики и образует то специфическое, что характеризует общедиалектические моменты, когда их реализация опосредуется деятельностью людей.

О ВЗАИМОСВЯЗИ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИКИ В МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

При изложении и развитии теории диалектики первостепенное внимание должно уделяться методологическим функциям диалектики. В методологии познания, в частности в методологии социального познания, обнаруживаются актуальные взаимосвязи категорий диалектики как ступенек познания объективного мира.

В общем виде (схематично) движение социального познания можно представить следующим образом: формирование картин социальной реальности или конкретных ее объектов→описание социальных объектов→объяснение их→социальное предсказание. Взаимосвязь категорий диалектики обнаруживается на каждом из выделенных этапов.

Картины социальной реальности — своеобразное онтологическое видение реальности, предварительное общее изображение реальности, предшествующее постановке и решению конкретных проблем. Важнейшую роль в формировании картин социальной реальности имеют представления о взаимосвязи общего и отдельного. Непонимание диалектики общего и отдельного поддерживает в буржуазной социологии крайности «номинализма» и «реализма», методологического «холизма» и «индивидуализма» («социального атомизма»), «социологизма» и «психологизма». Надо сказать, игнорирование диалектики общего и отдельного ведет к определенным методологическим издержкам в ряде случаев и у исследователей-марксистов. В частности, иногда наблюдается отрыв теоретических моделей экономических отношений общества от реальности экономических связей и отношений, складывающихся на отдельных предприятиях, от деятельности локальных экономических единиц.

В этом же плане можно указать и на попытки при истолковании общих категорий исторического материализма придать им характер непосредственной данности, зафиксировать отношения между ними не на теоретическом уровне, а на уровне эмпирических явлений, что отмечалось в передовой статье журнала «Вопросы философии»¹. Игнорирование диалектики общего и отдельного, действительно, ведет к ошибочной интерпретации понятий различного уровня абстракции, неправильному пониманию их объяснительных возможностей. В свете диалектики общего и отдельного принципиально важное значение имеет, на наш взгляд, формирование картины социальной реальности, которая не сводится к «безличным» надындивидуальным общественным отношениям, а предполагает и социальную реальность, представленную эмпирическими индивидами.

¹ См.: Исторический материализм сегодня: проблемы и задачи.— «Вопросы философии», 1972, № 10, с. 7—8.

При **описании** социальных объектов категории «общее» и «отдельное» начинают взаимодействовать с категориями «сущность» и «явление». Очевидно, что главная задача описания — фиксация «явлений». А специфика социальной реальности и социального познания требует решения этой задачи, главным образом, через обращение к «отдельному». Своеобразная «индивидуализация» описания в социальном познании неизбежна вследствие недостаточно выраженной в социальной реальности повторяемости и регулярности явлений. Она же отвечает в определенной мере и запросам массового потребителя социального знания. Особенно часто такая «индивидуализация» описания встречается в историографии, социологии, социальной психологии и этнографии. Хотя описание в некотором роде обладает самостоятельной познавательной ценностью, все же в конечном счете оно подчиняется задачам объяснения, производство которого движет знание от явлений к сущности.

Раскрытие природы самой процедуры **объяснения** невозможно без апелляции к «сущности». «Сущность» социальных объектов конкретизируется с помощью взаимосвязанных категорий «структура», «функция», «причина», «развитие» и др., с использованием которых формулируются задачи различных «типов» объяснения.

Особую актуальность в социальном познании приобретает задача выявления «скрытых» структур социальных объектов — существенных связей и отношений, скрытых от внешнего наблюдения. К. Маркс подчеркивал, что политическая экономия должна вскрывать «скрытую структуру буржуазной экономической системы», «внутреннюю физиологию буржуазного общества»². Маркс указывал, что вульгарные экономисты, которые как раз не могли обнаруживать «скрытые» экономические структуры, фактически переводят на язык политической экономии представления, мотивы и т. д., в которых капиталистическое производство отражается лишь в своей поверхностной видимости. Актуальность выявления «скрытых» социальных структур в современной социальной реальности усиливается, во-первых, благодаря тому, что углубляющаяся научно-техническая революция включает достаточно много «вещных» компонентов в социальное взаимодействие (а отношения между «вещами» могут «закрывать» социальные отношения — отношения между людьми), во-вторых, в связи с тем, что возрастает потребность в критике антимарксистских социальных теорий, которые, как правило, задерживаются на видимости, кажимости социальных явлений или занимаются теоретической кристаллизацией представлений обыденного сознания. Кроме «скрытых» структур, научное объяснение в социальных науках обнаруживает еще «скрытые» функции социальных объектов, «скрытые» цели и мотивы социального действия.

Движению знания от сущности «первого порядка» к сущности

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 2, с. 177, 178.

«второго, третьего и т. д. порядка» в ходе научного объяснения способствует переход от регистрации «результатов» социальной деятельности к выявлению «социальных механизмов» этой деятельности, от указания «определяющих», «решающих» причин к раскрытию сложных механизмов причинения социальных явлений. Это же достигается взаимодействием различных уровней объяснения (собственно социологического и социально-психологического, макро- и микрообъяснения). Важнейшая задача объяснения в социальном познании — это переход от аналитической фрагментарности к постижению **целостной** сущности объектов, что возможно через диалектическое взаимодействие различных типов объяснения — структурного, функционального, причинного, генетического. Взаимодействие различных типов объяснения и соответствующих им категорий вытекает как из диалектики социальных объектов, так и из внутренних потребностей развития социального знания.

Взаимосвязь категорий диалектики обнаруживается и в методологии **социального предсказания**. Известна подтверждаемость отдельных социальных предсказаний, основанных даже на «здравом смысле», на интуиции. Дальнейшее усложнение социальных связей и отношений, интернационализация общественной жизни, которая становится все более «мировым» процессом, требуют, чтобы социальное предсказание основывалось на познании необходимых тенденций в общественном развитии, выраженных в объективных законах. Производство научного социального предсказания предполагает движение знания в системе взаимосвязанных категорий «сущность», «необходимость», «случайность», «возможность» и «действительность». Иначе говоря, только «сущностное» знание способно выявить диалектику необходимости и случайности (сама диалектика необходимости и случайности содержится в «сущностных» высказываниях), а без познания этой диалектики невозможно строить высказывания о «возможности». В предсказаниях, относящихся к социалистическому обществу, следует считаться и с возрастающей ролью субъективного фактора в процессе преращения возможности в действительность.

На основе системы категорий диалектики высказываются **гносеологические оценки социального знания**. Речь идет о гносеологических оценках, включающихся в производство нового знания и потому приобретающих определенное методологическое значение, — прежде всего, об оценке знания с точки зрения того, насколько оно является «сущностным», отражающим объективную сущность. Известно, как часто обращался К. Маркс к категориям «сущность» и «явление» при оценке экономических теорий своих предшественников — буржуазных экономистов. Диалектическое представление о «сущности» и «явлении», очевидно, необходимо для преодоления крайностей «эссенциализма» и «феноменализма», которые еще встречаются в социальных исследованиях (эти крайности бывают связаны с отсутствием методологии, ориентирующей на раскрытие сущности и явления в их диалектическом един-

стве). Диалектическое понимание «сущности» и «явления» предполагает присутствие в гносеологических оценках конкретного подхода, допускающего некоторую относительность наших знаний об объективной сущности, неизбежность определенного «морального износа» некоторых элементов знания в процессе его диалектического развития, что очень важно в борьбе с догматизмом, который в социальном познании проявляется в большей мере, чем в естествознании. Наиболее «сущностным» выступает знание, содержащееся в научных законах. Современный этап в развитии социального познания характеризуется растущей взыскательностью к формулировке законов и законоподобных утверждений — неудовлетворенностью тем, что некоторые «законы» в социальных науках являются или выражением тривиальностей, или же законоподобным оформлением нормативных суждений.

Система категорий диалектики участвует в формировании **методологического идеала** в социальном познании.

Методологический идеал включает в себя не только определенные нормативы, которые считаются «эталонными» в кругах исследователей и уже утвердились в исследовательской практике в качестве регулятивов (необязательно составление специальной программы из таких регулятивов). Методологический идеал содержит в себе и некоторые нормативы («идеальные»), которые на данном этапе развития только декларируются и следование которым в исследовательской практике ожидается лишь в будущем.

Следует подчеркнуть, что формирование методологического идеала в конкретных науках всегда происходит под влиянием философской теории, которая и призвана обобщать опыт познания в различных науках, сопоставлять и сравнивать используемые в них методы анализа явлений, выявлять наиболее эффективные из них и в какой-то мере пропагандировать их. Можно отметить, что категории диалектики непосредственно включаются в «язык» методологических требований. Так, «идеальными» в современном социальном познании выступают требования соединения «системного» и «элементного» функционального анализа объектов (т. е. учета диалектики системы и элементов в функциональном анализе), соединение высказываний о динамических законах с высказываниями о статистических законах, суждений о функциональной целесообразности определенных социальных явлений с указанием объективных причин их появления и сохранения и т. д.

Определенное влияние на методологический идеал в социальном познании оказывают естественные науки. «Могущественный ток к обществоведению от естествознания шел, как известно, не только в эпоху Петти, но и в эпоху Маркса. Этот ток не менее, если не более, могущественным остался и для XX века»³, — указывал В. И. Ленин.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 41.

Влияние естественных наук, отличающихся сравнительно большей точностью и строгостью, на методологию социального познания не всегда осуществляется прямо и непосредственно — в большинстве случаев оно опосредуется философской методологией, способствующей синтезу знания. Разумеется, речь идет не о механическом переносе в социальные науки способов описания, парадигм объяснения или методов предсказания, принятых в престижных отраслях естествознания; философская методология при этом требует учета специфики социальной реальности и отражающего ее социального знания.

РАЗДЕЛ 4. ЭЛЕМЕНТЫ ДИАЛЕКТИКИ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Л. М. СЕМАШКО

СВЯЗЬ И ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ В ДИАЛЕКТИКЕ ПЛАТОНА

Одним из важнейших источников развития диалектики является обращение к ее истории. При этом необходимо иметь в виду, что в диалектику Гегеля входит далеко не все богатство истории диалектики и далеко не в адекватном виде. Общеизвестно расхождение Маркса и Гегеля в оценке диалектической идеи Эпикура о самоотклонении атомов. Нельзя признать правильной трактовку Гегелем диалектики Платона¹. Гегель «утратил осознанное Платоном положение» о совместимости диалектики и формальной логики². «Гегель искажил суть аристотелевского закона противоречия»³. Неточна квалификация Гегелем взглядов Гераклита и Зенона⁴.

Можно сказать с полным основанием, что анализ античной диалектики способен, хотя не в такой мере, как анализ диалектики Гегеля, обогатить и уточнить ряд аспектов материалистической диалектики.

По определению В. И. Ленина, суть диалектики заключается в «единстве противоположностей», в отношениях между противоположностями⁵. Каким же образом Платон понимает связь и единство противоположностей? В «Апологии Сократа» утверждается, что поэты и ремесленники и мудры и невежественны, причем Платон подчеркивает, что они мудры в **своих**, профессиональных делах, но невежественны **во всех других делах**, т. е. каждый из них одновременно и мудр и невежествен, но в разных отношениях (22 Б — Д)⁶. Тем самым Платон рассматривает противоположности как связанные разными отношениями. Но он не только разграничивает отношения между противоположностями, но и видит их

¹ В. Ф. Асмус. Платон. М., 1969, с. 100.

² И. С. Нарский. Противоречие.— В кн.: Философская энциклопедия, т. 4. М., 1967, с. 403; Он же. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969, с. 144—152.

³ Д. В. Джохадзе. Диалектика Аристотеля. М., 1971, с. 57.

⁴ Ф. Х. Кессиди. От мифа к логосу. М., 1972, с. 199—200, 278.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203, 316.

⁶ Платон. Сочинения, т. 1—3. М., 1968—1972. (Здесь и далее Платон цитируется по данному изданию).

взаимообусловленность, взаимовлияния: «оттого, что они (ремесленники.— Л. С.) были хорошими мастерами, каждый из них считал себя самым мудрым также и во всем прочем... и это заблуждение заслоняло собою. (их.— Л. С.) мудрость» (22Д). Отождествление разных отношений, смешение их различных взаимовлияний расценивается как «заблуждение».

Платон умеет ясно видеть в реальности неразрывно связанные противоположности, т. е. действительные противоречия, и умеет мастерски выразить их в формально непротиворечивых суждениях, что достигается им за счет понимания различия отношений между противоположностями, за счет понимания различия отношений исследователя к этим противоположностям.

В диалогах «Софист» и «Парменид», по праву называемых вершиной античной диалектики, Платон излагает диалектизированный вариант теории идей. Диалектика теперь уже охватывает у него не только область эмпирических, чувственных вещей, не только метод познания идей, но и сферу самих идей, что, вопреки замыслу и желанию Платона, еще более обостряет антагонизмы его системы. Диалектика Платона обладает той «чрезвычайно важной особенностью... что противоположные определения сущего... отнюдь не означают отказа от принципов формальной логики, и прежде всего принципа противоречия... они оказываются в различных отношениях... они мыслятся как противоположные друг другу, но **не как противоречащие в одном и том же отношении**»⁷. Причиной и основанием столь «чрезвычайно важной особенности» диалектики Платона является четко формулируемый в «Пармениде» принцип разных взаимообусловленных отношений: «...допусти, что существует многое, и посмотри, что должно из этого вытекать как для многого самого по себе в отношении к самому себе и к единому, так и для единого в отношении к самому себе и ко многому... Тот же способ рассуждения следует применять к неподобному, к движению и покою, к возникновению и гибели и, наконец, к самому бытию и небытию... если ты хочешь... основательно прозреть истину» (136А — С).

Весь «Парменид» своими четырьмя «относительными» гипотезами утверждает право на исключительное существование разных взаимообусловленных отношений, а своими четырьмя «абсолютными» гипотезами отвергает право на существование одного и того же отношения между противоположностями. Вот лишь один образец. Относительная гипотеза «единое существует» предполагает относительность и связность идей «единое» и «бытие» (существование). Единое и бытие — не тождественны, а различны⁸, хотя в то же время, но в другом отношении неразрывно взаимосвязаны, не существуют друг без друга. Единая идея единого бытия

⁷ В. Ф. Асмус. История античной философии. М., 1965, с. 157.

⁸ Гегель высказал недовольство такой диалектикой Платона, которая отрицает полное тождество противоположностей и признает разные отношения, называя ее «не совсем чистой». (См.: Гегель. Соч., т. 10. М., 1932, с. 172).

представляет собой в одних отношениях нечто целое, покоящееся, вечное и т. п., а в других отношениях — нечто многое, движущееся, временное и т. п. (142В—157В). Из этой, как и из других относительных гипотез, Платон выводит все свойства единого бытия (из абсолютных гипотез он выводит лишь ничто, лишь небытие), всю полноту его противоположностей и все богатство их взаимоотношений. Вот, к примеру, типичное рассуждение о движении и покое: единое «покоится, коль скоро оно находится в самом себе» (одно отношение), но поскольку оно существует, т. е. «находится в ином» (другое отношение), постольку оно движется (146А). Это один из многих образцов диалектической логики или логической диалектики Платона: единое в одном отношении — к себе — покоится, а в другом, связанном с ним, отношении — к иному (в данном примере — к бытию) — движется. Единое и покоится и движется одновременно, но в разных взаимосвязанных отношениях. Во всех других диалектических разборах относительных гипотез Платон пользуется тем же самым способом, тем же самым принципом разных взаимообусловленных отношений.

В диалоге «Софист» Платон разъясняет **диалектический** смысл самого принципа разных взаимообусловленных отношений. Он подчеркивает, что крайности абсолютного тождества и абсолютного различия ложны, что сами разные отношения не могут быть **только** разными, что разные отношения включают в себя момент тождества (251Д—252Д). Именно и только такая способность «различать все по родам, не принимать один и тот же вид за иной и иной за тот же самый... и насколько каждый может взаимодействовать с другим и насколько нет», заслуживает у Платона названия диалектики, диалектической (253Д — Е).

Таким образом, в «Софисте» диалектика у Платона связывается не с полным тождеством противоположностей и не с полным их различием, а с их единством, взаимодействием, т. е. с разными взаимообусловленными отношениями, которым он подчиняет взаимосвязь пяти родов: бытия, движения, покоя, тождества и различия. Фактически Платон оперирует и шестым родом — небытием. Решившись стать «отцеубийцей» по отношению к Пармениду, он стремится «всеми силами доказать, что небытие в каком-либо отношении существует и, напротив, бытие каким-то образом не существует» (241Д), ясно понимая, что этим он примыкает к «ионийским и сицилийским» музам, т. е. к Гераклиту и Эмпедоклу (242Д). Отделив друг от друга названные роды, установив принцип их взаимосвязи, он затем показывает, как эти роды «распадаются», «расплываются», «распространяются» друг на друга, т. е. как связаны разными взаимообусловленными отношениями. Рассматривая, например, движение, он говорит, что «движение есть и тождественное и нетождественное» (256А), но «неодинаково», т. е. не в одном отношении. Движение тождественно «из-за причастности тождественному в отношении к нему самому» (256Д), но нетождественно в другом отношении, в отношении к другим

родам, «вследствие его взаимодействия с ними». Таким же образом связаны и все другие роды.

Платону было неведомо знание диалектического противоречия как источника развития, как **«борьбы»** противоположностей⁹. Однако это отнюдь не умаляет роли и значения сущности его диалектики — принципа разных взаимообусловленных отношений, благодаря которому диалектический идеализм Платона «ближе к умному материализму, чем глупый материализм»¹⁰.

И. Б. БАЕВ

ГЕНЕЗИС КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ «ОБЪЕКТИВНОЙ» ЛОГИКИ ГЕГЕЛЯ

Понимание Гегелем природы логики и ее внутреннего систематически-предметного деления непосредственно обусловлено феноменологическим движением формообразований сознания в «Феноменологии духа» и тем понятием «науки», которое выступает как итог и «истина» этого движения.

«Феноменология духа» — «истинный исток и тайна гегелевской философии»¹ представляет собой своеобразную теорию познания; наиболее рельефно это выступает в первых ее главах: (А) Сознание (I — чувственная достоверность, II — восприятие и III — рас-судок), (В) Самосознание и С (АА) Разум. В остальных «формо-образованиях духа» теоретико-познавательные структуры раство-рены в теории и истории форм индивидуального и общественного сознания, мировоззрения, идеологии и т. п. В феноменологии реаль-ность еще распадается на субъект и объект, сознание и первоначаль-но чуждый, противостоящий ему предмет. Лишь в конце феноменологического движения, на ступени «абсолютного знания», дух «узнает» в предмете самое себя, и предмет предстает как «в себе духовная сущность». Но «абсолютное знание» — не просто знание, сознающее, что предмет имеет его, знания, собственные определения (это «выясняется» уже на ступени «разума»), «абсо-лютное знание» есть «...знание, постигающее в понятии», и «стихи-ей наличного бытия или *формой предметности*» для него является «сама сущность, а именно *понятие*»². Знание же, постигающее в **понятии**, предметом которого является самое **понятие** (ср. аристо-телевское «мышление мышления»), знание, в котором противопо-ложность сознания и предмета полностью исчезает, есть стихия логического, представляющая в своем имманентном разворачивании как **наука логики**. Таким образом, логика как целое, как наука о

⁹ В. Ф. Асмус. Платон. М., 1969, с. 114.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 248.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, с. 624.

² Гегель. Феноменология духа. — Соч., т. 4. М., 1959, с. 428.

категориях — «чистых сущностях» («чистых» постольку, поскольку они не обременены противоположностью сознания и предмета, субъективного и объективного) является выводом «Феноменологии духа». В сущности здесь Гегелем в идеалистической форме выражена определенность логики по отношению к теории познания: в логике гносеологическая противоположность сознания и предмета, субъекта и объекта отпадает и рассматриваются только взаимоотношения категорий как предметных форм мышления.

Но логика есть вывод «Феноменологии духа» отнюдь не только как завершение феноменологического движения определенности сознания, «абсолютное знание». Дело обстоит гораздо сложнее. «Феноменология духа» охватывает все «формообразования духа» в стихии «непосредственного наличного бытия», но «...налично сущий дух не богаче науки (логики.— И. Б.) ...и не беднее ее в своем содержании»³. Наука логики с необходимостью имеет дело с тем же содержанием, что и феноменология духа, с той существенной разницей, что моменты движения духа предстают в логике «уже не как определенные *формообразования сознания*, а, поскольку различие его ушло обратно в самую, как *определенные понятия*»⁴. Категории логики как «науки о божестве» в его домировом бытии представляют собой внутреннюю основу, «истинное бытие» духа, положенное за и внутри его **явлений** в истории, причем «каждому абстрактному моменту науки соответствует некоторое формообразование являющегося духа вообще»⁵.

Точнее Гегель определяет это соответствие лишь в «учении о понятии» «большой» логики: «Чистые определения бытия, сущности и понятия составляют... основу и внутренний простой остов также и форм духа; дух как... *чувственное сознание* имеет определенность непосредственного бытия, а дух как... *воспринимающее сознание* поднялся от бытия на ступень сущности или рефлексии»⁶. Но было бы иллюзией полагать, что это соответствие категорий логики определенным формообразованиям духа четко и однозначно проведено Гегелем. Так, скажем, в «учении о понятии» «большой» логики Гегель ставит в соответствие «понятию» ступень «рассудка» в «Феноменологии духа»⁷, а в разделе «сущность» той же «большой» логики «рассудок» соотносится уже с категорией «явление»⁸. И такого рода несоответствия не единичны. Но сама идея Гегеля о внутреннем единстве и соответствии категорий логики — и прежде всего ее основных ступеней — определенным гносеологическим структурам исключительно важна.

Таким образом, подразделение «объективной» логики на два основных момента — «бытие» и «сущность» в известной степени

³ Гегель. Феноменология духа, с. 432.

⁴ Там же, с. 433.

⁵ Там же.

⁶ Гегель. Наука логики, т. 3. М., 1972, с. 20.

⁷ Там же, с. 19.

⁸ Гегель. Наука логики, т. 2. М., 1971, с. 147.

предопределено уже системой формообразований сознания в феноменологии: ступени «чувственной достоверности» соответствует «бытие», «восприятию» — «сущность». Точнее говоря, Гегель представляет дело противоположным образом — для него категории логики составляют внутреннюю основу формообразований сознания в их развитии. Но к самому делению «объективной» логики на «бытие» и «сущность» он пришел отнюдь не сразу. В «энциклопедии» «Философской пропедевтики», написанной великим мыслителем в 1808—1811 гг. (т. е. после «Феноменологии духа» и непосредственно перед завершением «Науки логики»), Гегель исходит из существенно иного триадического деления логики, и соответственно система категорий «объективной» логики значительно отличается от ее окончательной редакции. В этом варианте логика распадается на следующие основные моменты движения: на **онтологическую** (объективную) логику, на **субъективную** логику и на **учение об идеях**⁹. Онтологическая (объективная) логика делится здесь на **три** основных ступени: 1. Бытие (А — качество, В — количество, С — бесконечность); 2. Сущность (А — понятие сущности, В — принцип, С — основание и обоснованное); 3. Действительность (I — субстанция, II — причина, III — взаимодействие)¹⁰. Таким образом, в этом варианте деления «объективная» логика как целое представляет собой один из трех основных моментов логического движения. Характерно то обстоятельство, что уже здесь Гегель выделяет «объективную» логику как одну из основополагающих ступеней развития логического содержания, и в качестве таковой она присутствует во **всех** вариантах деления логики. «Бытие» и «сущность» предстают в «энциклопедии» «Философской пропедевтики» как два частных момента в развитии внутреннего содержания «онтологической» логики («бытие — сущность — действительность»), а отнюдь не как два основных звена в общем триадическом делении «Науки логики».

Однако такая система логики не удовлетворила Гегеля, ибо здесь «субъективная» логика («понятие — суждение — умозаключение»), противопоставляясь «объективной» как антитезис тезису, приобретала значение абстрактного, «неистинного» момента движения, снимаемого синтезом, «учением об идеях». Но это явно противоречило понятию «науки», «абсолютного знания», выведенному в «Феноменологии духа» («абсолютное знание» есть знание, постигающее в **понятии**, предмет которого — самое **понятие**), превращению понятия в субстанцию — субъект мирового развития. В новой — и в общих чертах окончательной — системе категорий «большой» логики это противоречие устраняется путем превращения «идеи» в высший момент развития «понятия» («идея» как синтез «субъективного» и «объективного понятия»), а всей ступени «понятия» (субъективной» логики) в третью основную ступень раз-

⁹ Гегель. Работы разных лет, т. 2. М., 1971, с. 151.

¹⁰ Там же, с. 151—160.

вития логики, «в-себе-и-для-себя истину». Самое систематически-предметное деление логики выражает здесь в развитом виде становление понятия, выступая как «процесс определения понятия в нем же самом»¹¹. «Понятие» как целое «должно рассматриваться, во-первых, как *сущее* понятие и, во-вторых, как *понятие*; в первом случае оно *есть* только понятие *в себе*, понятие реальности или бытия; во втором случае оно есть понятие как таковое, *для себя сущее* понятие»¹². «Сущность» есть сфера опосредствования «бытия» и «понятия», есть «понятие, которое... еще не положено как *таковое*, для себя, а обременено в то же время непосредственным бытием как чем-то... внешним ему»¹³. Таким образом, «бытие» и «сущность» суть не столько моменты развития внутреннего содержания «объективной» логики, сколько ступени становления «для себя понятия» в триадической схеме «бытие — сущность — понятие». Выявляя истинные моменты в гегелевской триаде «бытие — сущность — понятие» и материалистически интерпретируя ее, В. И. Ленин писал: «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще... Диалектика Гегеля есть, **постольку**, обобщение истории мысли»¹⁴. Но Гегель впал в идеалистическую иллюзию, превратив развертывание категорий логики в основу, «подлинно внутреннее» развитие объективной реальности. Понятие (при всем его предметном значении и конкретности) есть вовсе не высшая объективность, субстанция — субъект мирового развития, а лишь одна из форм человеческого мышления. Действительным снятием субъективности познания является не понятийное знание (потому именно, что оно лишь **знание**), а **практика** как материальная целеполагающая деятельность, и, соответственно, в сфере мышления истинная форма развития содержания диалектической логики есть «объективность — субъективность — практика».

Итак, система категорий «объективной» логики («бытие»: «качество — количество — мера», «сущность»: «сущность как рефлексия в самой себе — явление — действительность») возникает не столько как развитие собственного содержания «объективности», сколько как становление «понятия», его «генетическая экспозиция». Гегель фактически не создал внутренне обоснованной категориальной системы «объективной» логики, ибо как ее основное деление на «бытие» и «сущность», так и расположение категорий в каждом из этих разделов подчинено **внешней необходимости** превращения «понятия» в основу и «истинно первое» «бытия» и «сущности». Показательно в этом отношении изменение системы категорий «сущности» в каждой новой логической работе Гегеля. Система

¹¹ Гегель. Наука логики, т. 1. М., 1970, с. 114.

¹² Там же, с. 115.

¹³ Там же, с. 116.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 298.

«сущности» «энциклопедической» логики, вышедшей в свет через несколько лет после «Науки логики», значительно отличается от соответствующих разделов и «Философской пропедевтики», и «большой» логики; к примеру, категории «содержание и форма», «условие» из раздела «сущность как рефлексия в самой себе» «большой» логики переносятся в «явление» «малой» логики, «вещь и ее свойства» из «явления» «большой» логики перемещается в «сущность как основу существования» «энциклопедической» логики и т. д. Анализ этих многочисленных метаморфоз системы «сущности» показывает, что в сфере «объективности» гегелевской логики в ее целостности фактически отсутствуют внутренне необходимые связи между категориальными парами, хотя систематизация категорий в отдельных «гнездах» (таких как «тождество — различие — противоположность — противоречие» и др.) имеет непреходящее значение. Но, впрочем, исследование категориальной системы «объективной» логики в ее имманентном развитии — предмет самостоятельной работы.

В. Н. НИКОЛКО

«СУБЪЕКТИВНАЯ» ЛОГИКА ГЕГЕЛЯ КАК РАЗВИТИЕ АРИСТОТЕЛЕВСКОЙ ЛОГИКИ

«Логика Аристотеля есть запрос, искание, подход к логике Гегеля,— писал В. И. Ленин,— а из нее, из логики Аристотеля, (который *всюду*, на каждом шагу ставит вопрос *именно о диалектике*), сделали мертвую схоластику, выбросив все поиски, колебания, приемы постановки вопросов»¹. Думается, приведенное высказывание В. И. Ленина является ключевым в решении непростого вопроса о соотношении логики Аристотеля и диалектики Гегеля. До сих пор «большинство философов по сложившейся традиции и вопреки истории как логики, так и диалектики полагает несовместимость диалектики и традиционной классической логики»².

Сам Гегель вполне определил свою позицию в отношении к аристотелевской логике следующими словами: «Аристотель был первым, заметившим и описавшим различные формы и так называемые фигуры умозаключения в их субъективном смысле, и он сделал это так точно и определено, что ничего существенно нового к этому нельзя прибавить»³. Думается, это высказывание может служить ключом к разгадке сложного здания гегелевской логики. «Субъективная» логика Гегеля есть не что иное, как интерпретация аристотелевской силлогистики, развитие ее внутренних потенций, выведение на первый план таких черт последней, которые представлены в

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 326.

² Д. В. Джохадзе. Диалектика Аристотеля. М., 1971, с. 25.

³ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1. М., 1974, с. 368.

ней в неразвитом виде или оказывались незаметными для последователей Аристотеля и самого Аристотеля. В настоящей работе сделана попытка показать это.

Как известно, аристотелевская логика включает в себя учение о понятии, о суждении, об умозаключении. Гегель сохраняет трехчленную структуру логики, но центральным делает не учение об умозаключении, а учение о понятии, что видно уже из названия третьей книги «Науки логики». Центральность понятия прослеживается и в определениях суждений и умозаключений.

Трактовка понятия у Гегеля носит иной оттенок, чем традиционное толкование. Это — единство всеобщности, особенности и единичности, «конкретная тотальность», обнимающая собой совокупность всех сторон явлений; суть, содержание, сущность; центр мира, микрокосм реальности: «Понятие как таковое содержит в себе: 1) момент всеобщности... 2) момент особенности... 3) момент единичности...»⁴. Может показаться, что Гегель, расширяя толкование понятия, выводит его вообще за рамки традиционного употребления и разумения. Но сила мышления и гениальность Гегеля состоит как раз в том, что он своим определением понятия остается в рамках традиционного поля переменных форм мышления, ибо понятие и до Аристотеля и после него было и есть единство всеобщего, особенного, единичного. Взять хотя бы понятие «человек». Разворачивая его содержание, мы замечаем: человек — это общественное животное, способное производить орудие труда, обладающее языком, мышлением, имеющее мочку на ушах и т. д.; т. е. замечаем и общее в его содержании — «животное», и особенное — «общественное животное», и единичное — «имеющее мочку на ушных раковинах». Указанным обстоятельством постоянно пользовались, но только Гегель положил его во главу угла в учении о понятии.

В учении о суждении Гегель элиминирует существующее до сих пор деление всех суждений на аналитические и синтетические путем сведения всех суждений к аналитическим. У Гегеля всякое суждение есть развертывание понятия, в котором уже заложено все его собственное содержание. Это — «положенная в самом понятии определенность понятия»⁵, «ближайшая реализация понятия»⁶, последовательное определение понятия⁷, «понятие в его особенности, как различающее отношение своих моментов»⁸. Предложенная элиминация синтетических суждений вполне естественна с позиций разобранных нами толкования Гегелем понятия.

Неоценим вклад Гегеля в классификацию суждений. Бытует мнение, будто Гегель придерживался классификации суждений,

⁴ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 345.

⁵ Гегель. Соч., т. 6. М., 1939, с. 47.

⁶ Там же, с. 58.

⁷ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 355.

⁸ Там же, с. 355.

данной И. Кантом⁹. Действительно, в «Науке логики» все варианты суждений по Канту рассмотрены в отдельных параграфах. Но было бы ошибкой не видеть за этим фактом, отражающим терпимое отношение Гегеля к существующим достижениям, принципиально новую классификацию, не имеющую прецедента в истории логики.

Предложенная И. Кантом классификация использует разнообразие только трех компонентов всякого суждения — кванторные характеристики (деление суждений на сингулярные, партикулярные, универсальные); связки (деление суждений по отношениям и модальности); отрицания (деление суждений на утвердительные и отрицательные).

Гегель исходит в делении суждений из разнообразия субъекта и предиката суждений на общее, особенное, единичное, так что суждения бывают типа $E—O$, $O—B$, $E—B$, $B—E$ и т. п., где E — знак единичного, O — особенного, B — всеобщего; первая буква означает вид субъекта, вторая — предиката; тире означает их связь. Таким образом, Гегелю удалось (в который уже раз) заметить существование еще одного неиспользованного варианта деления суждений.

Принципиально новый подход обнаруживает Гегель и в интерпретации центрального звена категорических суждений — связки «есть». Его не устраивают толкования связки «есть» как соединения понятий, связывания сторон суждения или приписывания понятий субъекта предикату. Он трактует «есть» в смысле перехода, движения, преобразования одного понятия в другое, развития отдельных моментов понятия друг в друге, так что суждение «единичное есть всеобщее» означает переход, перерастание единичного во всеобщее. Именно такое толкование делает обычную логику теорией движения понятий, их всесторонней гибкости, взаимной связи и перехода друг в друга.

Введя основные виды суждений, Гегель не останавливается на констатации их существования, а переходит к построению иерархической системы, отражающей взаимосвязь и переходы отдельных видов суждений. И спять выведение остальных типов суждений из суждений вида $E—O$ достигается средствами, вполне естественными для традиционной логики.

В учении об умозаклчениях Гегель развивает результаты, полученные в разделах о понятии и суждении. Как и суждение, умозаклчение суть развёртывание содержания понятия, но не посредством только логической связи любых двух сторон понятия (E , O , B), но и посредством третьего момента этого же понятия¹⁰.

Так же как в силлогистике Аристотеля выделяются три фигуры силлогизма, у Гегеля демонстрируются три фигуры умозаклчения. Но если в обычной логике фигура силлогизма определяется

⁹ Классификация суждений И. Канта в основном идентична классификации суждений Аристотеля.

¹⁰ Гегель. Соч., т. 6, с. 108.

в качестве его разновидности по местоположению среднего термина, то для Гегеля основанием деления выступает качество среднего термина, а именно: является ли он единичным, особенным или всеобщим. Поэтому к первой фигуре он относит те разновидности классического силлогизма, в которых опосредование крайних терминов осуществляется через особенное, ко второй — через единичное, к третьей — через всеобщее. Нетрудно видеть, что предложенное деление модусов силлогизма является правильным. Сфера действия классификации силлогизма применима и к другим видам умозаключений, в частности индуктивным и умозаключениям аналогии. Поэтому Гегель не расчленяет силлогизм и умозаключение.

Как и Аристотель, Гегель среди всего многообразия умозаключений находит фундаментальное, исходное, первичное, порождающее все остальные. В отличие от Аристотеля, он, однако, сводит не модусы, а фигуры.

Исходной фигурой Гегель объявляет «Е — О — В»¹¹, в которой крайние термины типа Е и В, средний типа О. Нетрудно видеть, что формула Гегеля абстрактного умозаключения Е — О — В есть всего лишь шифровка аристотелевского определения умозаключения¹².

Диалектическая трактовка связки «есть» категорических суждений нашла свое развитие в трактовке знака заключения. Для Гегеля «значит», «следовательно» выступают знаком опосредования крайних терминов умозаключения.

Подводя итог краткому анализу отдельных частей гегелевской «субъективной» логики, можно сказать, что основные логические идеи Гегеля лежат в русле традиций аристотелевской логики. Они представляют собой «некоторые необходимые изменения той формы»¹³, в которой исторически предстала силлогистика.

Вскрытие внутреннего плана «субъективной» логики Гегеля дает возможность понять некоторые стороны содержания и первой части «Науки логики». Можно утверждать, что первая часть «Науки логики» есть пропедевтика «субъективной» логики Гегеля. Наиболее полно это прослеживается в вопросе о составе категорий диалектики Гегеля: почему и откуда у Гегеля основных категорий диалектики не более двух десятков и именно таких, а не других? Разгадку дедушки состава категорий диалектики Гегеля следует искать у И. Канта, который считал категории логическими функциями суждений: категорий столько же, сколько качеств традиционного полного деления суждений, в которых можно выразить все имеющиеся у людей знания. Категории суть обозначения и основа соответствующих классов суждений. Например, для того чтобы сказать «Все S есть (не есть) Р» и обсуждать сказанное, естественно, нужно знать, что такое «есть», «суть», «является», т. е. пер-

¹¹ Гегель. Соч., т. 6, с. 109.

¹² Там же, с. 110.

¹³ Там же, с. 130.

вая триада «бытие, сущность, явление», что такое «все» (количество), «есть — не есть» (качество) и т. д., а это и есть дедукция состава категорий диалектики. Подобным же образом эксплицируется и центральное звено диалектики — принцип противоречия.

В. И. ЕРМАКОВ

ЛОГИКА САМООБОСНОВАНИЯ Р. ХАЙССА

Общим местом в буржуазной критике марксистской диалектики является отрицание противоречия как существеннейшего определения действительности. Но тем самым утрачивается и объективная основа для анализа противоречий познавательного процесса.

Во введении к «Логике противоречия» Р. Хайсс, недовольный формальной логикой за то, что для нее самосоотносящееся мышление является познавательно пустым (*erkenntnisleeres*), предлагает создать новую логику, призванную указать путь разрешения антиномий и антиномичных ситуаций, т. е. противоречий в мысли.

Выделяя философский аспект новой логики, Хайсс сразу же наталкивается на фундаментальную трудность: «...или в философии метод определяется предметом, и тогда имеется бесконечно много философских предметов, или же, если есть один *предмет* в философии, тогда его можно будет понять при условии смены методов»¹. В такой альтернативе, по мнению Хайсса, заключается опасность того, что определенная предметная сфера отдельной науки будет доведена до уровня философского предмета. Поэтому первую часть альтернативы Хайсс отбрасывает, чтобы спасти специфичность философского знания. Вторая сторона альтернативы, поскольку Хайсс признает ведущее положение метода в отношении предмет — метод, принимает вид проблемы: можно ли в философии всю предметную область построить и обеспечить одним методом?²

Исследуя феноменологический метод Гуссерля, метод сомнения Декарта и трансцендентальный метод Канта, Хайсс приходит к выводу, что собственной тайной философского метода является превращение критического, непредметного мышления противоречия в позитивное, предметное мышление³. И у Гуссерля, и у Декарта, и у Канта метод в качестве исходного пункта имеет противоречие⁴. Данное обстоятельство предполагает двуединство задачи метода: он должен обосновать себя и наметить определенный подход к противоречию. На основе этих двух функций у метода формируется отношение к себе, которое и является **систематической формой** метода, выступающей как **самообоснование**.

¹ R. Heiß. Logik des Widerspruchs. Köln, 1932, S. 5.

² Там же, с. 7.

³ Там же, с. 32.

⁴ Там же, с. 45.

Коренной порок логики самообоснования уже налицо: основная форма по мере своего самоуглубления формирует и сам метод, и подход к анализу противоречий. Чистая логическая форма, таким образом, **созидает** содержание познавательного процесса и его антиномии. Хайсс прямо заявляет: «...соотношение самого себя снимающего противоречия и самой себя подтверждающей действительности выступает как целое лишь тогда, когда *показывается* (zeigt sich) *непосредственно*... данное самоотношение (Selbstbeziehung)»⁵. О связи противоречия и действительности можно, следовательно, говорить только в том случае, если достаточно хорошо проглядывается момент самообоснования того и другого!

Хотя Хайсс ссылается при обосновании необходимости своей логики на Гегеля, который действительно признавал отношение к самому себе в качестве логической формы, ему (Хайссу) не удастся с помощью этой логики решить дилемму метода и предмета в философии. Более того, его логика самообоснования довела дилемму до формы **кричащего** противоречия. С одной стороны, Хайсс констатирует, что «...сущность познания не может быть определена при полном отказе от противоречия»⁶. С другой стороны, стремление философии к строгому методу и идея свободного от противоречий познания не разрешают никаких связей и путей мышления, которые ведут к противоречию⁷.

Логика самообоснования Хайсса имеет две основные формы: позитивное самообоснование (тавтология) и негативное самообоснование (противоречие). Тщетны были бы попытки искать между ними какую-то связь. Единственное, что преподносит Хайсс, так это совершенно никчемные тавтологии: позитивное самообоснование ведет к самоподтверждению (Selbstbestätigung), негативное самообоснование — к самоснятию... Понимая, что подобного рода плоские софизмы никого не удовлетворят, Хайсс пытается найти выход, вводя термин «самопротиворечие» (Selbstwiderspruch).

В этом противоречии не устанавливается связь или отношение между субъектом и предикатом, а «самообоснование» противоречит само себе, выступая как возможное и невозможное⁸. Самопротиворечие возникает только тогда, когда пытаются определить отношение и, следовательно, оно не может быть исправлено в соответствии с фактическим содержанием данного отношения⁹. Даже при беглом анализе такого положения становится очевидным, что Хайсс совершает тройную ошибку.

Во-первых, для него сам процесс абстрагирования является одновременно **актом порождения** самопротиворечия, т. е. абстракция как абстракция имеет смысл только при условии, если она сама себе противоречит! Откровенно мистический результат «дея-

⁵ R. HeiB. Logik des Widerspruchs, S. 49.

⁶ Там же, S. 50.

⁷ Там же, S. 50—51.

⁸ Там же, S. 84.

⁹ Там же, S. 88.

ний» самообоснования налицо: пытаюсь понять отношение, формируют абстракции, **появление** которых одновременно есть их **уничтожение**.

В действительности же, чтобы понять отношение, его необходимо представить как нечто особенное, как третье по отношению к охватываемым им крайностям, а значит, во-вторых, **вывести** за рамки противоречия, но не «растворить» в нем, как это предлагает сделать Хайсс.

В-третьих, даже если допустить существование самопротиворечия как логической формы, то **фактическое (действительное)** отношение между противоположностями в любом случае является **сущностью** этой формы. Хайсс же, уповая на порождение отношений как **абстракцию**, пытается абстрагировать само отношение, т. е. уничтожить противоречие фактического (действительного) **содержания отношения**, или, проще говоря, лишить действительность одной из ее фундаментальных черт — противоречивости.

Не удивительно поэтому, что, критикуя Гуссерля за недостаточность феноменологического обоснования философского метода, Хайсс сам, в конечном итоге, скатывается на его позиции, ибо «самопротиворечия являются определениями негативных феноменов, которые снимают себя в самообосновании...»¹⁰.

Здесь ясно видна методологическая бесперспективность логики самообоснования Р. Хайсса. Более того, всякая попытка с идеалистических позиций решить проблему противоречия приводит к мистике, к плоским тавтологиям и кричащим противоречиям.

В. О. ЛОБОВИКОВ

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ Ж.-П. САРТРОМ И К. ПОППЕРОМ СТАТУСА ПРОТИВОРЕЧИЯ В ДИАЛЕКТИКЕ

Материалистическая диалектика есть стройная и логически последовательная система категорий, законов и принципов. Поскольку марксистская диалектика логически последовательна, формальнологических противоречий в ней не должно быть. В. И. Ленин писал, что «логической противоречивости», — при условии, конечно, правильного логического мышления — не должно быть...»¹. Под «логической противоречивостью» В. И. Ленин понимал наличие формальнологических противоречий. Он постоянно подчеркивал принципиальное различие диалектических и формальнологических противоречий, обусловленное принципиальным различием диалектического и формальнологического отрицания. Он называл «нелепостью», «теоретическим недомыслием» смешение

¹⁰ R. Heiß. Logik des Widerspruchs, S. 92.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 91.

«противоречия неправильного рассуждения» с «диалектическим противоречием живой жизни»².

Воспроизводя объективные противоречия, марксистская диалектика формальнологически непротиворечива и это является необходимым, хотя и явно недостаточным, условием ее истинности. Достаточным условием истинности марксистской диалектики является ее соответствие объективной действительности. В соответствии с марксистской диалектической логикой результат конкретного диалектического разрешения противоречий-проблем, возникающих в процессе познания, должен быть формальнологически непротиворечив. Данное положение подвергается критике со стороны Ж.-П. Сартра и других сторонников иррационалистической диалектики. Ж.-П. Сартр, например, считает, что советский марксизм изменяет диалектике, связывая ее с наукой, ибо наука, поскольку она стремится избежать формальнологических противоречий, является принципиально метафизичной³. Диалектика, по его мнению, несовместима с естествознанием, опирающимся на математику, ибо математика не допускает формальнологических противоречий. Концепция Ж.-П. Сартра заключается, по сути дела, в том, что диалектика истинна лишь постольку, поскольку она формальнологически противоречива. Если признать развиваемую Ж.-П. Сартром трактовку диалектики правильной, то союз философии и естествознания, о необходимости которого постоянно говорил В. И. Ленин, будет полностью разрушен. Дело в том, что экзистенциалистская диалектика вообще не может быть формой существования и методом развития науки. Субъективно-идеалистическая диалектика Ж.-П. Сартра, А. Камю и других экзистенциалистов есть не метод науки, а «метод абсурда», в формальнологически противоречивой («абсурдной с точки зрения логики») форме выражающий внутренний мир субъективных переживаний индивида⁴. Именно абсурдностью, формальнологической противоречивостью диалектики Ж.-П. Сартра можно объяснить то, что автор ее пытается дать истинное разрешение ряда философских антиномий-проблем (например, проблемы человека) путем конъюнктивного объединения марксизма с экзистенциализмом. Ж.-П. Сартр не может не видеть логической несовместимости этих двух учений. Следовательно, он исходит в данном случае из того, что конкретное разрешение противоречий-проблем как раз и заключается в конъюнкции взаимоотрицающих положений. Между тем отождествление конкретного диалектического разрешения противоречий-проблем с конъюнкцией взаимоисключающих утверждений неприемлемо в рамках марксистской диалектической логики⁵.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 420; т. 20, с. 152.

³ J.-P. Sartre. Critique de la raison dialectique. Paris, 1960, p. 642.

⁴ См.: A. Camus. Le mythe de Sisyphe. Paris, 1963;

Р. Р. Москвина. «Метод абсурда» А. Камю как феномен неклассического философствования.— «Вопросы философии», 1974, № 10.

⁵ См.: И. С. Нарский. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969; Он же. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969.

В конъюнкции взаимоотрицающих утверждений усматривает суть марксистской диалектики ярый противник марксизма К. Р. Поппер. Согласно его концепции, диалектическое учение о противоречии формальнологически противоречиво и поэтому ложно⁶. По мнению К. Р. Поппера, предложенный Гегелем и поддержанный классиками марксизма анализ апорий Зенона представляет собой «жульничество», выводящее диалектику за рамки науки, ибо анализ этот формальнологически противоречив. В процессе обоснования этой своей идеи К. Р. Поппер использует целый ряд весьма сомнительных допущений. Он допускает, что в гегелевской и в марксистской диалектической логике союз «и» и частица «не» имеют тот же самый логический смысл (их семантика определяется теми же самыми таблицами), что и в классической формальной логике. Однако это допущение ложно. В частности, марксисты считают неправомерным отождествление формальнологического и диалектического отрицания, хотя и то и другое выражается в естественном языке с помощью одной и той же частицы «не». Следовательно, осуществленное К. Р. Поппером с помощью ложного допущения сведение диалектики к абсурду не имеет под собой научных оснований. Более того, в марксистской литературе существуют работы, авторы которых, исходя из допущения, логически противоречащего попперовскому, строят формальнологически непротиворечивые многозначные системы, в которых известные высказывания Гегеля, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о движении, не будучи тавтологиями, являются все же выполнимыми высказываниями⁷.

Позиции Ж.-П. Сартра и К. Р. Поппера, несмотря на их несовместимость, имеют нечто общее. Общей основой для них является признание положения о том, что любая диалектика является формальнологически противоречивой теорией и, следовательно, «наука не диалектична», а «диалектика не научна». Эта-то общая для Ж.-П. Сартра и К. Р. Поппера основа и представляется нам ложной.

А. М. ИЗРАИЛЕВСКИЙ

«СИНТЕЗ» ИСТОРИИ И ЛОГИКИ В СТРУКТУРАЛИЗМЕ К. ЛЕВИ-СТРОССА

Центральное место в методологии структуралистского направления современной буржуазной «философии науки» занимает вопрос о синтезе истории («диалектического разума») и логики («аналитического разума»). «Противоположность этих двух понятий относительна, но не абсолютна»¹.

⁶ См.: К. Р. Поппер. *Conjectures and refutations*. London, 1963; *The open society and its enemies*. London, 1945.

⁷ См. напр.: Л. С. Роговский. *Logica kierunkowa a heglowska teza o sprzeczności zmiany*. Toruń, 1964.

Критикуя позицию Ж.-П. Сартра за крайний субъективизм феноменологического «историзма», за подмену объективной логики анализа сомнительными «интенциями», Леви-Стросс пытается доказать, что научность «диалектического разума» обусловлена его расширением схемами «аналитического разума». На деле подобный «синтез» приводит к подмене диалектики математизированной формальной логикой.

Леви-Стросс соглашается с исходным тезисом идеалистической диалектики Сартра. «Природа не противоречива в-себе; она становится таковой лишь в понятиях специфической человеческой активности», — утверждает он². Вместе с тем французский структуралист пытается совместить «диалектическую» феноменологию Сартра с логическим неопозитивизмом («аналитическим разумом»). Концепция Леви-Стросса строится на принципиальном противопоставлении коллективно-бессознательного индивидуально-осознанному. Индивидуально-осознанное есть эмпирическая история. Индивидуальному сознанию присуща временность, текучесть. Сфера индивидуального сознания конституирует историю³. Однако подлинной основой исторического процесса являются априорные структуры коллективно-бессознательного. Их наложение на эмпирический материал создает его логический каркас, что и образует видимость объективной закономерности истории. Задача философа сводится к «поиску... бессознательных возможностей..., наполняющих логической архитектурой историческое развитие»⁴.

Подменяя причинно-генетические связи структурными зависимостями, структурализм превращает исторический процесс в фаталистическое чередование неизменных формальных структур сознания.

Заведомый произвол обобщений индивидуального сознания, считает Леви-Стросс, делает их «идеологичными». Историй существует столько, сколько есть историков, а отыскать среди них объективно истинную невозможно. Нет даже объективных критериев отбора исторических фактов, и они невозможны в принципе. Непосредственно критикуя гегелевскую и сартровскую концепции истории, Леви-Стросс косвенно пытается опровергнуть марксистское учение об историческом процессе как закономерной смене общественно-экономических формаций. Его идеи полностью вписываются в основное направление современной буржуазной философии истории (О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин) и являются отражением исторического пессимизма буржуазии перед лицом неминуемого краха капиталистической системы.

Чтобы преодолеть очевидный разрыв между историей и логической схемой, Леви-Стросс вводит понятие диахронии. Диахро-

¹ C. Levi-Strauss. La Pensée sauvage. Paris, 1962, p. 325.

² Там же, p. 125—126.

³ C. Backès-Clément. Levi-Strauss. Paris, 1970, p. 182.

⁴ C. Levi-Strauss. Anthropologie structurale. Paris, 1958, p. 30.

ния — это совокупность реализованных в историческом времени структур. Поскольку каждая из структур статична, лишена движения, довольно просто свести диахронию к синхронии. Леви-Стросс подчеркивает, что диахрония — это не более чем верификация синхронной схемы коллективно-бессознательного⁵. Задачей структуралистского «диалектического разума» является унификация разнородных структур.

Поиск универсальных структурных зависимостей предполагает преодоление плюрализма частных структур и переход на более глубокий, «кодовый» уровень анализа. В этом аспекте все структуры рассматриваются как обособленные модели логических трансформаций, которые следует свести к жестко фиксированной логико-математической схеме⁶. Оформленный код имеет собственные законы организации, совокупность которых образует «метаструктуру», т. е. своеобразную организацию организации. Метаструктура является априорной схемой человеческого разума, функционирует на коллективно-бессознательном уровне и имеет строго формальный характер. Метаструктура и есть искомая Леви-Строссом основа универсальной логической связи явлений⁷.

Таким образом, претензии структурализма сводятся к интеграции принципа универсального развития (исторического) в структуралистскую концепцию универсальной связи (логическое). Абсолютизируя математико-кибернетические методы современной науки, Леви-Стросс трактует противоречивые многокачественные изменчивые связи реальной действительности как закрытую группу формализованных структур, объединенных общим аксиоматическим началом («метаструктура»). Такой «синтез» истории и логики лишен подлинного историзма и оказывается метафизической схемой позитивистского толка.

Л. Ф. ОСЛОПОВСКИХ

СИНТЕТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ В «РЕАЛЬНОЙ ДИАЛЕКТИКЕ» Г. ВЕЙНА

Есть один рубеж, который буржуазные идеологи наверняка не переступят, несмотря на любые компромиссы с реально существующей диалектикой. Этим рубежом является признание классовой борьбы как необходимой формы функционирования и развития любого общества, разделенного на классы.

Одним из вариантов приспособления диалектики к оправданию концепции классового мира, к отрицанию революционных, радикальных методов общественного переустройства является теория

⁵ С. Levi-Strauss. *Anthropologie structurale*, p. 29.

⁶ Там же, p. 71.

⁷ Там же, p. 66.

«реальной диалектики» западногерманского философа Г. Вейна. Автора этой теории не устраивает гегелевское понимание диалектики, так как из него закономерно возникла марксистская диалектика. А марксизм для Вейна является главным идеологическим противником.

Разницу между своим и гегелевским пониманием диалектики Вейн демонстрирует на примере фрагмента о господине и рабе из гегелевской «Феноменологии духа»¹. Вейн пишет, что гегелевский анализ господского и рабского сознания отличается большой глубиной, но он имеет один существенный недостаток: этот анализ спекулятивен и потому далек от реальной жизни. «Господин остается господином... Раб в действительности, вопреки гегелевской диалектике, остается рабом, даже когда он постиг свою сокровенную сущность и индивидуальность»². Все остается по-старому — такова, по Вейну, «реальная», а не спекулятивная диалектика общественных отношений. В реальной жизни, сколько бы раб, взаимодействуя с объектом своей деятельности, ни переходил от рабского сознания к господскому, господином он не станет. И господин, хотя он и оторван от практического взаимодействия с вещью и в силу этого господское сознание переходит в свою противоположность, в реальной жизни остается господином.

Нельзя не согласиться с Вейном в том, что фрагмент «Господство и рабство» имеет весьма большое значение для философии. Нельзя не признать справедливой критику спекулятивности разрешения противоречия между господином и рабом в философии Гегеля. Снятие этого противоречия, ограниченное рамками сознания, действительно, не ведет к изменению реального положения господина и раба. Но выводы Вейна прямо противоположны марксистским. Если марксизм, преодолевая идеалистичность гегелевского анализа общества, приходит к пониманию необходимости изменения не только рабского сознания, но и реального положения раба в обществе, к идее действительного разрешения противоречия между «господином и рабом» через взаимопереход противоположностей друг в друга (через «экспроприацию экспроприаторов»), то Вейн именно в неизменности реального положения господина и раба, вытекающей из гегелевского анализа, хочет видеть фундаментальную закономерность общественной жизни. Равновесие противоположностей является моделью его «реальной диалектики». Суть ее в том, что господин и раб во имя поддержания той целостности, сторонами которой они являются, должны находиться не в антагонизме, не в борьбе, а в состоянии взаимного признания. Иначе говоря, раб должен признать необходимость существования господина, господин должен признать значение существования раба, и на этой основе они должны строить свои

¹ Гегель, Соч., т. 4. М., 1959, с. 103—106.

² H. Wein. Realdialektik. Von hegelscher Dialektik zu dialektischer Anthropologie. München. 1957, S. 108.

«реально-диалектические отношения». Полученное примирение противоположностей Вейн считает своим крупным открытием. Он называет это «реально-диалектическое» единство противоположностей «законом синтетического единства» и приравнивает его к законам природы³.

Нетрудно убедиться, что «закон синтетического единства» есть закон связи противоположностей, из которого под предлогом критики нереалистичности и умозрительности гегелевской диалектики удаляется какое-либо упоминание о «борьбе» противоположностей. Остается взаимоположение противоположностей и некое, никак автором нерасшифровываемое, напряжение между противоположностями. Вейн говорит, что в обществе всегда останутся взаимоотношения противоположностей, подобные отношениям господина и раба; например, отношения предпринимателей и рабочих, управляющих и управляемых и т. д.— и для всех их обязательным является закон синтетического единства. Симптоматично уже отождествление отношений предпринимателей и рабочих, управляющих и управляемых, но еще откровеннее политический смысл концепции Вейна проявляется тогда, когда он в качестве яркого примера «синтетического единства» приводит конституцию Федеративной Республики Германии.

Полученный в процессе наукообразного анализа социальной действительности «закон» Вейн делает исходным принципом построения онтологии и гносеологии. Мир как система, стремящаяся к сохранению своей структурированности и равновесного состояния, находится, с точки зрения Вейна, не в хаосе борьбы противоположностей, а в состоянии синтетического единства.

Основную теоретико-познавательную ситуацию Вейн понимает как «синтетическое единство субъекта и объекта». Главным в этом «синтетическом единстве» оказывается «принципиальная координация» субъекта и объекта.

Применение «закона синтетического единства» при анализе мира и процесса познания показывает, что Вейн делает попытку абсолютизировать статику в ущерб динамике, единство и равновесие в ущерб борьбе и противоречию. В. И. Ленин писал: «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»⁴. Вейн, напротив, стремится доказать абсолютность единства противоположностей, фактически отрицая их борьбу. Но таким образом исключается возможность научного объяснения развития и движения, причем «реальная диалектика» фактически превращается в псевдодиалектику.

³ Н. Вейн. *Realdialektik*, S. 116.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

ретический стержень этой книжки — противопоставление Ленина Марксу.

Ревизионист Корш, приписывая К. Марксу отрицание объективной диалектики и принципа отражения, в признании их видел один из теоретических «грехов» В. И. Ленина. «Тем, что Ленин и ленинцы переносят односторонним образом диалектику на объект — природу и историю, и тем, что они считают познание простым пассивным отражением этого объективного бытия в субъективном сознании, они в действительности устраняют всякую диалектическую связь между бытием и сознанием»⁵, — утверждал Корш, подменяя марксистское понимание принципа развития и принципа отражения субъективно-идеалистической точкой зрения.

Анализ развития широко проводится в работах сторонников современной философской антропологии, включающей ряд школ (от «реальной диалектики» до «философии надежды»), объединенных поиском ответа на вопрос «что такое человек?». Характерна в этом смысле «антропологическая» позиция «марксолога» тюрингенской школы Э. Блоха (р. 1887). Блох упрекает К. Маркса в недостаточном использовании антропологического принципа и доказывает, что только с проведением этого принципа в исследование могут проявиться преимущества диалектического материализма перед механистическим материализмом.

Исходное начало, «архимедов пункт» философии, согласно Блоху, — человек. Человек определяется как совокупность инстинктов, влечений, среди которых доминируют «голод и надежда». Блох говорит о «несовершенстве» человека, его «незаконченности», о раздвоенности на физиологическое и психическое начала, исключаящие первичность одного по отношению к другому. Придерживаясь антропологического принципа в идеалистической интерпретации, Блох по аналогии с человеком рассматривает весь мир как некое единство материально-возможного и духовно-действительного. «Субъект, как и объект, в диалектическом материальном процессе одинаково стоят в строю»⁶, — пишет философ. Субъективной стороной бытия оказывается соответствующий «голоду» недостаток, а также «надежда» — это «основное определение всей объективной действительности»⁷. Духовное начало — активная сторона действительности, Блох называет ее «интенсивной потенцией».

По Блоху, и человек, и мир в целом несут имманентно присущую им цель — достичь завершения. Это завершение мыслится как полное слияние объекта и субъекта, их абсолютное тождество. «Конечный момент объекта — в освобожденном субъекте, конечный момент субъекта — в неотчужденном объекте»⁸, — заключает Блох. Мистическая формула развития гласит: «S еще не есть P. Это значит: субъект еще не есть предикат; бытие всюду находится

⁵ K. Korsch. *Marxismus und Philosophie*. 2 Aufl. Leipzig, 1930, S. 36.

⁶ E. Bloch. *Das Prinzip Hoffnung*. Bd. 1. Berlin, 1954, S. 218.

⁷ Там же, с. 17.

⁸ E. Bloch. *Subjekt-Objekt*. Berlin, 1951, S. 343.

в состоянии «еще-не»⁹. Блох внешне воспроизводит гегелевскую триаду, усматривает в достижении конечного тождества субъекта и объекта, в развитии, имеющем начало и конец, трехступенчатый характер: развитие изображается в виде восхождения от «не» через «еще-не» ко «всему». Слияние субъекта и объекта, или «все», достигается в обществе, в деятельности человеческого субъекта. Антропологическая трактовка развития, по существу, иррационалистическая, приводит Блоха к антропоморфному пониманию бытия. Развитие бытия выглядит как «самоосуществление» заложенного в нем иррационально-психического фактора.

На фальсификации диалектики специализируются многие представители «философской антропологии»: Г. Э. Хенгстенберг, Г. Вейн, Г. Плесснер и др. По существу, в этом же русле развиваются взгляды Г. Маркузе, Т. Адорно, У. Зоннемана и других философов, примыкающих к франкфуртской социологической школе. Критика антрополого-иррационалистической интерпретации развития, фальсификации диалектики как теории развития представляется необходимой с научной и политической точек зрения. В связи с этим необходимо и более глубокое исследование практической деятельности, материальной целенаправленной деятельности людей. Ибо только через часть природы, ставшую объектом практического преобразования, мы выходим к познанию материи вообще, в том числе и познанию наиболее общих законов ее развития; только через постижение целеполагания мы постигаем сам процесс познания, в том числе со стороны наиболее общих его законов. Теоретическое обобщение всемирно-исторической практики — основа дальнейшей разработки диалектики как общей теории развития, теории познания и логики.

⁹ E. Bloch. Auswahl aus seinen Schriften. Frankfurt a. M., 1967, S. 47.

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

Выпуск 6

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭЛЕМЕНТОВ ДИАЛЕКТИКИ

Редактор *Е. Ф. Шамес*
Технический редактор *Э. А. Максимова*
Корректор *А. П. Рычкова*

Темплан 1977 поз. 1039

Сдано в набор 24.03.77. Подписано к печати 29/VII 1977 г. НС 14487. Заказ № 191.
Формат 60×90/16. Бумага типографская № 3. Тираж 600 экз. Усл. печ. л. 10 л.; уч. изд. л. 10.
Цена 1 руб. 10 коп.

Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет
им. А. М. Горького. Свердловск, пр. Ленина, 51.

Типография изд-ва «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.